

Р о с с и й с к а я а к а д е м и я н а у к
И н с т и т у т с л а в я н о в е д е н и я и б ал к а н и с т и к и

Ю.И. Венелин

Г р а м м а т и к а
нынешнего
болгарского
наречия

М о с к в а 1 9 9 7

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

Ю. И. ВЕНЕЛИН

**ГРАММАТИКА
НЫНЕШНЕГО БОЛГАРСКОГО
НАРЕЧИЯ**

Публикация подготовлена Г. К. Венедиктовым

Москва
1997

"Грамматика ииинешнега болгарскаго наречия" Ю. И. Венелина – итог нескольких лет упорной работы первого российского болгароведа, сыгравшего значительную роль в национально-культурном возрождении болгарского народа. Собрание материалов для "Грамматики" и ее составление были одной из главных задач ученого путешествия Ю. И. Венелина в Болгарию, куда он в 1830 г. был командирован Российской академией. Закончив работу над "Грамматикой" в 1834 г., Ю. И. Венелин стал тем самым автором первой в истории болгаристики грамматики болгарского языка. Она представляет собой не только первое в славистической литературе описание всех частей речи болгарского народа языка, но и опыт нормализации ее автором литературного языка болгар, в частности, его правописания, нашедший впоследствии отклик в острых филологических спорах болгарских книжников вокруг устройства нового литературного языка. Написанная по поручению Российской академии, "Грамматика ииинешнега болгарскаго наречия" Ю. И. Венелина в 1837 г. была признана Академией неудовлетворительной, и она осталась в рукописи. С тех пор, однако, и в России и в Болгарии не раз высказывалась мысль о необходимости издания этого труда. Настоящее издание – первая публикация "Грамматики ииинешнега болгарскаго наречия" Ю. И. Венелина. С современной точки зрения она имеет преимущественно историко-культурное значение как первый опыт описания грамматической системы болгарского языка, вышедшего из-под пера заслуженного отечественного болгаристики.

ISBN 5-7576-0043-8

© Институт славяноведения
и балканистики РАН
1997

Юрий Иванович Венелин
1802 – 1839

О СУДЬБЕ “ГРАММАТИКИ НЫНЕШНЕГО БОЛГАРСКОГО НАРЕЧИЯ” Ю. И. ВЕНЕЛИНА

“Грамматика нынешнего болгарского наречия” – важнейший из трудов Ю. И. Венелина, не опубликованных при его жизни и сохранившихся до сих пор в рукописи. Это плод упорных занятий Венелина и любимое его детище, доставившее ему в последние годы непродолжительной жизни глубокое огорчение. С этим трудом он с основанием связывал надежды на перемены не только в своей ученой карьере, но и в улучшении условий своей неблагоустроенной жизни.

“Грамматика нынешнего болгарского наречия” (далее – “Грамматика”) неизменно попадала и попадает в поле зрения многих ученых, писавших о жизни и научной деятельности Венелина. Однако лишь немногие из них имели возможность видеть, читать и изучать ее. Неудивительно поэтому, что о ней самой и ее судьбе в существующей литературе накопилось немало неверных суждений, часто переходящих из одной работы в другую. К их числу относится и высказанное несколько лет назад Каталиной Куглер утверждение о том, что написанная Венелиным в 1835 г. грамматика новоболгарского наречия “была напечатана только в 1840 г.”¹. Представляется поэтому целесообразным осветить здесь кратко историю данного труда Венелина.

“Грамматика” – один из главных результатов ученого путешествия Венелина в 1830 г. в Болгарию, куда он был командирован Российской академией. Готовясь к путешествию, еще в конце 1829 г. в Москве, Венелин по просьбе Академии составил план (программу) путешествия по Болгарии, Валахии и Молдавии, в котором было сказано, что “путешественник должен исследовать болгарский язык в синтетическом и аналитическом отношении, т. е. обозреть его грамматику, свойства, слог, связь и отношения его к мало-

¹ K. Kugler. Юрий Иванович Венелин в Сегеде // Magyarok és szlávok. Szeged, 1993, с. 301. – Очевидно, что автор статьи спутала “Грамматику нынешнего болгарского наречия”, остающуюся ненайданной до настоящего времени, с посмертно изданным трудом Венелина “Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты” (СПб., 1840).

русскому, карпаторусскому и великорусскому наречиям”². Этот план в январе-феврале 1831 г. обсуждался с его участием в Российской академии в Петербурге, был существенно переработан и в окончательном виде утвержден Академией в качестве “Инструкции”, которой Венелин должен был руководствоваться во время путешествия. В числе многих заданий, которые ему предписывались, в “Инструкции” содержался и пункт, касающийся грамматики болгарского языка. “В проезде чрез области задунайские, — сказано в ней, — путешественник, кроме исторических и филолого-археографических изысканий, займется преимущественно изучением болгарского языка, соберет все возможные сведения относительно наречий оного, обращая внимание и на коренные слова, коих нет в русском языке, а остались в оном одни только производные и сложные. Составит грамматику и небольшой словарь с примерами повествовательной прозы”³. Из этого положения как будто следует, что во время путешествия Венелин должен был не только собрать материал для грамматики и словаря болгарского языка, но и составить сами грамматики и словарь.

Составление грамматики болгарского языка для самого Венелина не было задачей совершенно неожиданной и новой. Интерес к этому языку у него, по-видимому, возник еще в Кишиневе, где он жил в 1823–1825 гг. и общался с жившими там болгарскими переселенцами. Еще до того, как Российская академия решила его командировать в Болгарию и сам он вписал в программу своего будущего путешествия пункт об изучении болгарского языка и составлении его грамматики, Венелин уже живо интересовался этим языком и имел опыт его описания. Об этом ясно свидетельствует его труд “Древние и нынешние болгаре”, где особый интерес к болгарскому языку, его месту в ряду других славянских языков и отношению к русскому языку Венелин выразил вполне определенно. “Язык болгарский, — писал он — отличается от всех прочих сродственных, как от сербского,

² Архив Академии наук, Петербургский филиал, ф. 8, оп. I, ед. хр. 34, л. 446.

³ Архив Академии наук, Петербургский филиал, ф. 8, оп. I, ед. хр. 35, л. 242.

кроатского, словенского, русского и проч., и составляет совсем особое славянское наречие. На сей язык славянские литераторы столь же мало обращали внимания, сколь и на самой народ. Я написал подробный разбор его по всем частям речи, и непременно приложу оный к последнему тому сего сочинения⁴.

Интерес Венелина к болгарскому языку – составная часть его общего широкого интереса к истории и современному состоянию болгарского народа, его быту и культуре. Он подчеркивал, что именно русские ученые должны проявлять особое внимание к этому забытому в новое время славянскому народу, давшему славянству письменность, но волею судеб оказавшемуся под чужеземным игом. “Пусть иностранцы, – писал он, – по неведению ли или по нерадению, мало о них заботятся, но тем непростительнее нам забыть болгар, из рук коих мы получили крещение, которые нас научили писать, читать, на коих природном языке совершается наше богослужение, на коих языке, большою частью, писали мы почти до времен Ломоносова, коих колыбель сопряжена неразрывными узами с колыбелю русского народа”⁵.

Первым опытом Венелина в описании болгарского языка был, надо полагать, упоминаемый им в “Древних и нынешних болгарах” “подробный разбор его по всем частям речи”, который был написан им до выхода в свет этой книги и который он намеревался приложить к последнему тому своих сочинений о болгарах. Что представлял собой этот “разбор”, мы, к сожалению, не знаем ввиду отсутствия о нем каких-либо других сведений. Можно лишь полагать, что основан он был на его собственных наблюдениях прежде всего над живой речью болгар, живших в Кишиневе, и, возможно, над языком “Рыбного букваря” П. Берона. О том, что эта знаменитая книга эпохи национально-культурного возрождения болгар была Венелину известна еще до 1829 г., свидетельствует его следующий восторженный отзыв о ней в

⁴ Ю. Венелин. Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. М., 1829, с. 6–7.

⁵ Там же, с. 11.

“Древних и нынешних болгарах”: “Я не видел, – писал он, – ни одной русской азбуки, которую бы можно сравнить с достоинством сей книжки, весьма поучительной; изложение статей ее ясно, слог понятный, показывающий, что болгарский язык гибок для всяких оборотов”⁶. Совершенно очевидно, что, составляя свой “разбор” болгарского языка, Венелин не мог опереться на какие-либо описания грамматики этого языка по той простой причине, что таких описаний в то время еще не было. Единственным грамматическим источником для него мог быть изданный в Вене в 1822 г. “Додатак” Вука Караджича к “Санктпетербургским словарям”, который содержал и некоторые сведения о живом болгарском языке. Но держал ли Венелин в руках это издание Караджича до поездки в Болгарию, мы не знаем.

“Грамматика нынешнего болгарского наречия” была написана Венелиным в начале 30-х годов, т. е. еще до того, как вышли в свет “Болгарска грамматика сега перво сочинена” Неофита Рильского (1835) и “Грамматика славено-болгарска” Христаки Павловича (1836) – первые описания болгарского языка, сделанные самими болгарами. Следовательно, Венелин еще не мог опереться на эти труды болгарских грамматистов, и его “Грамматику” мы с полным основанием можем признать совершенно самостоятельным лингвистическим трудом, базирующимся почти исключительно на собственных материалах, почерпнутых им из живой речи болгар главным образом во время его путешествия в Болгарию и немногочисленных доступных ему в начале 30-х годов XIX в. болгарских рукописных и печатных книг.

Собирание материалов для “Грамматики” Венелин начал еще летом 1830 г. в Одессе, куда он приехал по пути в Болгарию и где он встречался с жившими там болгарами, затем во время кратковременного пребывания в Северо-Восточной Болгарии – Варне, Силистре и других городах, а потом в Бухаресте и – на обратном пути – в Кишиневе. Его “Путевые заметки”, письма из Одессы, Силистры, Бухареста, другие архивные документы свидетельствуют о том, что

⁶ Там же, с. 16.

Венелин, исполняя данную Российской академией “Инструкцию”, энергично занимался изучением живого болгарского языка и, по его словам, быстро овладел им и свободно разговаривал. В соответствии с “Инструкцией” он обращал внимание на местные наречия в языке болгар. Особенно интересовал его вопрос о том, в каком городе или области болгарский язык наиболее чист от иноязычного влияния, прежде всего турецкого, и потому наиболее правилен. Правда, его конкретные представления как о самих наречиях (диалектах) болгарского языка, так и о присущих им характерных особенностях оказались весьма разрозненны и не всегда точны. Важно тем не менее отметить, что Венелин был первым, кто еще в 1830–1831 гг., кажется, уловил или почувствовал, хотя и очень смутно и неопределенно, что болгарская языковая территория распадается на два диалектных ареала – западный и восточный.

Вернувшись осенью 1831 г. в Москву, Венелин сразу же приступил к обработке собранных во время путешествия материалов. Одновременно он готовил к публикации влахо-болгарские грамоты и составлял грамматику. Первый из этих трудов в начале 1833 г. был направлен в Российскую академию в Петербург, где и был издан в 1840 г., уже после смерти автора, под названием “Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты”. Работа над “Грамматикой” продолжалась до весны 1834 г.

Российская академия сразу же по возвращении Венелина из путешествия потребовала скорейшего написания грамматики. Уже в первых числах апреля 1832 г. Венелин послал в Академию образец спряжения глагола *падам* в подтверждение своих занятий грамматикой. Образец этот в Академии был признан неудовлетворительным. В дальнейшем отношения Венелина с Академией осложнились главным образом из-за задержки с отправлением “Грамматики”, которую Академия настоятельно требовала, и нежелания Академии оказать Венелину материальную помощь для завершения работы. В опубликованной в 1838 г. брошюре “О зародыше новой болгарской литературы” Венелин писал: “Я не позволю себе здесь рассказывать, сколько труда она мне стоила в

продолжение шести лет”⁷. Если в брошюре, предназначеннай для печати, Венелин удержался и не стал рассказывать, “сколько” труда ему стоила “Грамматика”, то в письмах он дал волю своим чувствам и рассказал, в каких условиях и с каким настроением он выполнял свой долг перед наукой и перед Российской академией. В письме от 5 декабря 1835 г. к управляющему департаментом Министерства народного просвещения П. А. Ширинскому-Шихматову, например, он писал: “Я писал эту Грамматику среди огорчений, уныния и разных лишений, в которые вовлекал меня этот труд и сопряженная с ним жизнь затворническая. Этот труд мне и ноги и руки связывал, я не мог отстать от него, чтобы посвятить свое время заботам о более близких выгодах: сама наука лишала меня и места и пропитания”⁸. Обстоятельства, на которые здесь ссылается Венелин, заключались прежде всего в отсутствии у него постоянного места службы, которое бы давало ему средства к обеспеченному существованию. “Огорчения, уныние и разные лишения”, с которыми сопряжена была работа над “Грамматикой”, в немалой степени объяснялись и отказом Российской академии в материальной поддержке, на которую рассчитывал Венелин и о которой просил за него также и М. П. Погодин. Несмотря на неблагоприятные для успешной работы условия Венелин закончил составление “Грамматики” к марта 1834 г. Прошло, однако, примерно год и десять месяцев, прежде чем Российская академия получила этот труд Венелина. Затем почти столько же времени ушло на рассмотрение этого труда в Академии и переписку, пока Венелин, наконец, узнал решение Академии о его “Грамматике”.

О том, что “Грамматика” была составлена к марта 1834 г., видно из документов, связанных с попыткой Венелина занять в Московском университете славистическую кафедру⁹.

⁷ Ю. Венелин. О зародыше новой болгарской литературы. М., 1838, с. 24.

⁸ Российская государственная библиотека. Отдел рукописей, ф. 49, папка I, ед. хр. 5, л. 10 об.

⁹ Подробнее об обстоятельствах, связанных с попыткой Венелина занять кафедру в Московском университете, см. в статье: Г. К. Венедиктов. Новые материалы к биографии Ю. И. Венелина // Ученые записки Тартуского

Побуждаемый М. П. Погодиным и, вероятно, другими своими друзьями, Венелин 14 марта 1834 г. подал в Совет Университета прошение о поручении ему "преподавания славянского языка". В прошении он сообщает, что "кончил поручение Императорской Российской академии объяснением болгарских грамот... и сочинением Грамматики болгарского наречия, извлеченной из памятников оного и живого употребления" и что в подтверждение своей компетентности в преподавании языка представляет Совету "Болгарскую грамматику,... приготовленную для Академии". Совет Университета поручил профессору И. И. Давыдову дать отзыв о "Грамматике" Венелина, что тот и исполнил 2 мая того же года. Отзыв Давыдова – первый официальный отзыв о "Грамматике" Венелина. Не зная болгарского языка, Давыдов, естественно, не мог ничего сказать по существу описания грамматики этого языка, что отметил и сам рецензент. "Не зная болгарского наречия, – писал он, – не могу произнести суждения своего о верности и точности грамматических исследований в частности"¹⁰.

В 1835 г. Венелин отправил "Грамматику" в Петербург, но не в Российскую академию, которая давно уже ожидала ее получить, а в Министерство народного просвещения. Причиной этого было, вероятно, то, что Венелин не надеялся, что Академия в ближайшее время сможет за свой счет издать "Грамматику", поскольку ею еще не были изданы посланные им ранее, в январе 1833 г., влахо-болгарские грамоты. Венелин, по-видимому, рассчитывал на содействие и поддержку министра С. С. Уварова. Последний поручил акад. А. Х. Востокову дать заключение о "Грамматике" Венелина. Востоков ознакомился с "Грамматикой" и в своем отзыве

уи-та. Вып. 649. Из истории славяноведения в России. II. Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1983, с. 30 и сл. – Здесь же опубликован и отзыв Давыдова о "Грамматике" Венелина.

¹⁰ Подробнее о первых отзывах о "Грамматике" Венелина см. в статье: Г. К. Венедиктов. Первые отзывы о "Грамматике нынешнего болгарского наречия" Ю. И. Венелина // Исследования по истории славяноведения и балканистики. М., 1981, с. 176–191. – То же в переводе на болгарский язык см. в кн.: Г. Венедиктов. Българистични студии. София, 1990, с. 148–162.

сделал ряд критических замечаний, но в целом нашел, что в труде Венелина “весьма много дельного”, и счел, что “издание оной в свет принесет большую пользу языкоznанию словенскому”¹¹. Встречающееся в литературе мнение, что Востоков дал отрицательное заключение о “Грамматике” Венелина, таким образом, не соответствует действительности. В сентябре 1835 г. “Грамматика” вместе с копией отзыва Востокова была возвращена Министерством Венелину с предложением учесть замечания Востокова и вернуть ее вновь в Министерство для решения вопроса об издании ее на казенный счет. Венелин с уважением отнесся к замечаниям Востокова. Он согласился, что учет их пойдет на пользу его “Грамматике” и собирался было внести в нее значительные пополнения, но в целях “сбережения времени и поспешения дела” решил вернуть рукопись “Грамматики” без каких-либо исправлений и добавлений, рассчитывая внести их в ходе печатания труда. Вероятно, такое его решение было ошибочным. Так в прежнем виде “Грамматика” Венелина вторично уже в 1835 г. оказалась в Министерстве народного просвещения. На этот раз министр Уваров 31 декабря направил “Грамматику” президенту Российской академии А. С. Шишкову с предложением рассмотреть вопрос о возможности ее издания Российской академией “в пользу сочинителя”.

В Академии “Грамматика” была направлена в ее так называемый Рассмотрительный комитет, который предварительно рассматривал поступавшие туда труды для решения Академией вопроса о целесообразности их издания. Комитет этот рассматривал “Грамматику” на нескольких заседаниях в 1836 г. и вынес о ней отрицательное заключение, которое и было утверждено Академией 16 января 1837 г. После целого ряда замечаний Комитет в представленном “Мнении” о “Грамматике” заключал, что “сочинитель очень сбивчиво изложил Болгарскую грамматику и особенно состав глаголов, что в основании склонений болгарских также обнаруживается

¹¹ Цит. по публикации отзыва в кн.: Г. Венедиктов. Българистични студии, с. 166.

неточность его соображений, что само изложение правил болгарской грамматики во многих местах впадает в изысканность и несоответственность слога с предметом. Мало обращено внимание на чистоту и грамматическую правильность русского языка, в сочинении, писанном по-русски о болгарской грамматике, и многие места совершенно темны и невразумительны. Комитет, к сожалению, не может одобрить сочинения г. Венелина, полагая, что гораздо лучше было бы, есть ли сочинитель составил небольшую болгарскую христоматию, присовокупив словарь болгарских слов с отметками произношения и сходства или несходства их с нашим церковнославянским языком”¹². “Мнение” Рассмотрительного комитета, в состав которого входил и поддержавший его и подписавший его акад. А. Х. Востоков, и решило дальнейшую судьбу “Грамматики” Венелина: оно закрыло ей дорогу к публикации.

Об отрицательном решении Российской академии относительно издания “Грамматики” Венелин узнал из письма П. А. Ширинского-Шихматова от 26 октября 1837 г. Вместе с этим письмом Министерство народного просвещения возвратило ему “Грамматику” и прислало копию цитированного уже “Мнения” Рассмотрительного комитета Академии. В письме Ширинский-Шихматов как бы в некоторое утешение Венелину сообщал, что министр Уваров “с своей стороны находит равножелательным иметь на нашем языке как исправную Болгарскую грамматику, так и исправную Болгарскую христоматию”¹³.

Отказ Российской академии издать за ее счет составленную по ее поручению “Грамматику” произвел на Венелина тяжелое впечатление. Из чернового письма от конца 1837 г. к неуказанному лицу (вероятно, непременному секретарю Российской академии Д. И. Языкову) видно, что Венелин был не просто сильно огорчен, но глубоко оскорблен

¹² Цит. по копии с “Мнения” Рассмотрительного комитета, хранящейся в архиве Венелина (Российская государственная библиотека. Отдел рукописей, ф. 49, папка 1, ед. хр. 3, л. 9).

¹³ Российская государственная библиотека. Отдел рукописей, ф. 49, папка 1, ед. хр. 5, л. 12 об.

пренебрежительным, как ему казалось, отношением членов Рассмотрительного комитета к его труду, сомнениями в его знаниях болгарского языка, в его добросовестности и честности при описании болгарской грамматики. Особенно потрясло Венелина критическое заключение Комитета относительно его положения об очень близком, почти одинаковом звучании “падежных окончаний” существительных. “Подобные правила”, – цитирует Венелин “Мнение” Комитета, – заставляют сомневаться в сведениях сочинителя, который, как говорит он, прислушивался к разговору болгар из разных областей, но как видно неглубоко вникнул в язык. Нельзя составлять Грамматику, какого бы ни было народа без основательных и точных сведений в языке его; прислушивания в этом случае недостаточно, и легко введет в заблуждение, от него-то и происходят недослышики и переслышики”. Сославшись в подтверждение своей правоты в этом вопросе на мнение Неофита Рильского в его “Болгарской грамматике”, Венелин далее писал: “Я не мог прочесть без слез вышеприведенное место из замечаний гг. рассматривателей. Между тем как я говорю дело, они посягают на честность мою и на совестность труда моего. Ужели они думали, что я решусь представить Академии, как ученому сословию, вещь подложную? Ужели они полагали, что я не дорожу честью моего имени? Ужели они думали, что я глуп до того, что не могу понять этого? Ужели они думали, что я не любил свой предмет и что не по любви к нему принял поручение Академии в то время, когда предстояли мне другие пути службы и честолюбия?”¹⁴. Приведя далее известное в литературе восторженное мнение Анастаса Кипиловского о его энтузиазме в занятиях на пользу болгар и о невнимании к нему со стороны образованных соотечественников, Венелин следующими словами заключает свое письмо конца 1837 г.: “После этого Вы сами усмотрите равно как и сама Академия, представлен ли ей мой труд в настоящем виде г-ми рассмат-

¹⁴ Цит. по публикации письма в статье: Г. К. Венедиктов. “Хронологическая записка” Ю. И. Венелина о его болгаристических трудах // Славянская филология. Вып. VI. Л., 1988, с. 13.

ривателями. Ужели в моем труде нет малейшей хорошей стороны? О которой они совершенно молчат! Разумеется, что вследствие их отчета, Академия не решилась печатать мой труд. Это история моей грамматики. Теперь скажу полтора слова о моей собственной. Ужели мой шестилетний труд, шестилетняя служба, затруднительнее многих по другим поручениям, останется без возмездия?? Возмездия, о котором я никого не утруждал своими просьбами”¹⁵.

Такова история “Грамматики нынешнего болгарского наречия” при жизни Венелина, безвременно скончавшегося в марте 1839 г.

После смерти Венелина “Грамматика”, как и другие оставшиеся его бумаги, долгое время находились у И. И. Молнара – двоюродного брата Венелина, сделавшего много для сохранения архива ученого и публикации большого числа оставшихся в рукописи его работ. В 1874 г. “Грамматику” в числе других сохранившихся у него бумаг Венелина вдова Молнара подарила Обществу истории и древностей российских в Москве, откуда позднее она поступила в Библиотеку Московского Публичного и Румянцевского музея. Библиотечные фонды музея, как известно, вошли в состав нынешней Российской государственной библиотеки, в Отделе рукописей которой “Грамматика” и хранится в настоящее время (ф. 49, папка I, ед. хр. 1).

В свое время русские и болгарские ученые и общественные деятели не раз высказывали предложения об издании “Грамматики” Венелина. Не видев самой “Грамматики”, они судили о ней главным образом по тому, что кратко писали о ней сам Венелин в известной книжке “О зародыше новой болгарской литературы”¹⁶ и имевшие возможность ознакомиться с ней И. И. Молнар¹⁷ и П. А. Бессонов¹⁸. Только в

¹⁵ Там же, с. 13–14.

¹⁶ Ю. Венелин. О зародыше новой болгарской литературы. М., 1838, с. 24 и сл.

¹⁷ И. Молнар. Черты из частной и ученой жизни Ю. И. Венелина // Ю. Венелин. Древние и нынешние словесе в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. М., 1841, с. XXVI.

самом конце XIX в. сравнительно подробный и критический разбор этого труда Венелина дал известный болгарский ученый Ив. Шишманов, ознакомившийся с “Грамматикой” во время краткого пребывания в Москве летом 1897 г.¹⁹ В России же ее подробное описание увидело свет только лишь в 1951 г., когда была опубликована специальная статья о ней М. В. Луниной²⁰.

Впервые мысль об издании “Грамматики” Венелина после его смерти высказал в 1841 г. известный деятель Возрождения Болгарии Васил Априлов. Отметив, что годом ранее Российская академия уже опубликовала труд Венелина “Влахоболгарские или дако-славянские грамоты”, он указывал, что “Академия окажет большое еще благодеяние, особенно болгарам, если велит издать его Болгарскую грамматику, которая может послужить много к тому, чтобы исправить изданные сего ради болгарские книги”²¹. Позднее, в 1852 г., Николай Палаузов, сподвижник Априлова по совместной культурно-просветительской деятельности, хотя и констатировал, что об участии “Грамматики” болгарам еще ничего не известно, писал в газете “Цариградский вестник”: “Она [“Грамматика”, – Г.В.] должна быть весьма любопытна и содержать много остроумных правильных замечаний по грамматике, очень полезных для нашего языка, который испытывает большую потребность в грамматике, чтобы иметь правильный взгляд на наш язык. Было бы весьма полезно напечатать эту Грамматику, которая, как мне кажется, принесет несомненную

¹⁸ П. Бессонов. [Вступительная статья] // Ю. Венелин. Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. Изд. 2. М., 1856, с. XLII–XLIV; он же. Юрий Иванович Венелин // Журнал Министерства народного просвещения, 1882, ч. CCXXI, № 6, с. 184–185.

¹⁹ Ив. Шишманов. Венелиновите книжа в Москва. I. // Български преглед (София), год. IV, 1897, кн. 9, с. 36–70.

²⁰ М. В. Лунина. Грамматика нынешнего болгарского наречия Ю. И. Венелина // Славянская филология. Сб. статей. М., 1951, с. 108–123.

²¹ Априлов. Деница новоболгарского образования. Одесса, 1841, с. 96–97.

пользу”²².

О “Грамматике” Венелина знали и другие болгары. Как известно, имя русского ученого быстро стало популярным среди болгар, захваченных – под его сильным воздействием – движением за свое национально-культурное возрождение, им восхищались, о нем спорили и даже слагали легенды. Об одной из такого рода легенд, связанной с “Грамматикой”, в 1862 г. поведал Любен Каравелов. О Венелине рассказывали, писал он, что “Венелин, умирая, плакал, не потому, что умирает, а потому что не мог окончить Болгарскую грамматику. Говорили, что с Венелиным жил доктор, который его лечил, и он, увидя, что лекарства не помогают, стал лечить его так же, как лечили Александра Македонского, а именно: распорол у мула живот, положил туда Венелина, который там прожил целую неделю, занимаясь грамматикою”²³.

Однако не все болгары были высокого мнения о “Грамматике” русского ученого и отводили ей положительную роль в установлении нового болгарского литературного языка. Так, еще при жизни Венелина о ней неодобрительно отзывался Райно Попович – известный педагог-эллинофил того времени²⁴. Значительно позднее, уже в самом конце XIX в., болгарский ученый Д. Матов подвергал большому сомнению возможные положительные последствия издания “Грамматики” Венелина, о которых писали его предшественники. Он утверждал, что у него нет причин сильно сожалеть, что этот труд в свое время остался не изданным, ибо, если бы Венелину “удалось издать свои подробные исследования по истории болгарского языка и свой опыт правописания нашего литературного языка, вредное влияние было бы еще

²² Н. Палаузов. Няколко мисли за болярското правописание // Цариградски вестник, год. В, 1852, № 81.

²³ Л. Каравелов. Болярская журналистика // Московские ведомости, 1862, № 153.

²⁴ См. письмо Райно Поповича к Неофиту Рильскому от 18 ноября 1838 г., опубликованное в “Периодическо списание” (София), год. VII, 1890, кн. 36, с. 929.

больше”²⁵.

Другое мнение о грамматике высказал известный болгарский ученый Ив. Шишманов, который на основе собственного изучения ее пришел к заключению, что этот фундаментальный, по его словам, филологический труд Венелина, важнейший результат его путешествия в Болгарию, “при всех слабостях, содержит и некоторые оригинальные взгляды, которые и теперь не могут не привлечь внимания филолога” и что “Грамматика” эта “ценна для нас и своими многочисленными культурно-историческими и этнографическими заметками, которые в ней содержатся”²⁶. Что касается ее публикации, то Шишманов высказывал сдержанное и уклончивое мнение, полагая, что все сказанное им “не делает в настоящее время излишним если не полное ее издание, то хотя бы подробный критический обзор”, который, по его мнению, лучше других может сделать русский ученый П. А. Лавров²⁷.

П. А. Лавров действительно – независимо от Ив. Шишманова – откликнулся на соображения Д. Матова относительно “Грамматики” Венелина, которые он счел неосновательными. Он писал, что изложенный Матовым “взгляд на грамматические труды Венелина лишь с точки зрения болгарской, с точки зрения того влияния, которое его грамматика и орфографическая реформа могли бы иметь на представителей зарождавшейся болгарской литературы, страдает односторонностью. Каковы бы ни были недостатки грамматического опыта Венелина, в истории изучения болгарского языка он будет иметь свое место”²⁸. П. А. Лавров отмечал, что “не вина Венелина, что его грамматика осталась не изданной” и что

²⁵ См. комментарии Д. Матова к письмам Ю. И. Венелина А. А. Краевскому, опубликованные в “Сборник за народни умотворения” (София), кн. XII, 1895, с. 13.

²⁶ Ив. Шишманов. Указ. соч., с. 69.

²⁷ Там же.

²⁸ П. А. Лавров. Конспект преподавания истории славянского языка и литературы, составленный по определению Совета Московского университета от 2 мая 1834 г. Ю. И. Венелиным // Древности. Труды Славянской комиссии Московского археологического общества. Т. 2. М., 1898, с. 123.

своевременное издание ее “имело бы большое значение”²⁹. Иначе расценивал соображения Д. Матова И. В. Ягич, который был отрицательного мнения о “Грамматике” Венелина и находил, что “в словах покойного Матова много справедливых замечаний”³⁰.

Мысль об издании “Грамматики” Венелина после его кончины владела не только болгарскими деятелями XIX в., но и русскими учеными. Известно, что усилия к ее изданию прилагал И. И. Молнар. Есть сведения, что О. М. Бодянский собирался ознакомиться с этим трудом Венелина, чтобы опубликовать его в “Чтениях Общества истории и древностей российских”, но и он намерения своего не исполнил³¹. Второе Отделение Российской академии наук, включившее в себя в 40-е годы бывшую Российскую академию, в середине 50-х годов XIX в., по-видимому, также думало об издании “Грамматики” Венелина, и молодой тогда П. А. Бессонов готов был принять участие в ее подготовке. Это следует из его письма к И. И. Срезневскому от 3. VI. 1855 г. “При Вашем представлении и содействии, – писал он, – не угодно ли будет II Отделению Академии удостоить меня участием при издании Венелинской грамматики или составлению нового руководства по грамматике и словарю языка новоболгарского”³². Сам Бессонов, ознакомившись с “Грамматикой”, напомнил, что в сохранившихся после смерти Венелина “любопытных бумагах” “лежит и забытая и столь нужная болгарам Грамматика языка их”, которую он характеризовал как грамматический опыт, стоящий “выше опыта многих других”, т. е. других описаний болгарского языка, изданных к середине 50-х годов, и потому считал, что этот опыт Венелина “мог бы быть весьма полезен болгарам”³³.

Однако пожелания и даже намерения издать “Грамматику” Венелина, высказывавшиеся в XIX в., оставались, строго

²⁹ Там же, с. 122.

³⁰ И. В. Ягич. История славянской филологии. СПб., 1910, с. 456.

³¹ П. Бессонов. Ю. И. Венелин, с. 185.

³² Архив Академии наук, Петербургский филиал, ф. 216, оп. 5, ед. хр. 41.

³³ П. Бессонов. [Вступительная статья], с. XLIII.

говоря, лишь декларацией, поскольку реальных шагов к их осуществлению предпринято не было. Именно в этом причина того, что важнейший филологический труд Венелина до сих пор оставался в рукописи. Существует мнение, что “вопрос о необходимости издания грамматики Венелина окончательно решен был в отрицательном смысле” после выхода в свет труда П. А. Бессонова “Главные особенности языка новоболгарского” (1855)³⁴. Думается, что причинной зависимости между тем и другим здесь нет. Настоящее же издание “Грамматики” Венелина можно рассматривать как запоздалое осуществление неоднократно высказывавшихся в XIX в. пожеланий почитателей Венелина и историков болгаристики и славяноведения в России дать его труду доступ к широкому кругу читателей.

В наше время, в середине 80-х годов, была предпринята попытка издать “Грамматику” Венелина в Софии. Кафедра болгарского языка Софийского университета им. Клиmenta Охридского на своем заседании 24 октября 1984 г. единодушно приняла решение предложить государственному издательству “Наука и искусство” (София) издать этот труд российского ученого к 150-летию со дня его смерти. Заведующий кафедрой проф. П. Пашов в начале ноября того же года сообщил об этом решении директору Института славяноведения и balkанстики АН СССР Д. Ф. Маркову и просил поручить подготовку “Грамматики” к изданию автору этих слов. Естественно, это предложение было поддержано и принято. Автором этих слов текст “Грамматики” был подготовлен к типографскому изданию и направлен в издательство “Наука и искусство”, которое включило “Грамматику” в план выпуска в один из ближайших тогда годов. Наступившие в конце 80-х годов общественно-политические перемены в Болгарии переменили планы издательства, и автору этих строк не осталось ничего иного, как просить вернуть ее в Москву.

Очевидно, что в настоящее время “Грамматика” Венелина

³⁴ С. Б. Бернштейн. Из истории изучения южных славянских языков в России и в СССР // Вопросы славянского языкознания (Москва), вып. 2, 1957, с. 132.

представляет интерес главным образом как первый опыт описания болгарского языка, предпринятый и исполненный русским ученым еще до выхода в свет грамматик, составленных болгарами. В этом прежде всего и заключается культурно-историческое значение труда Венелина. Для истории же лингвистической болгаристики в России и болгаристики в целом он представляет большой интерес изложенными в нем взглядами автора по разным вопросам грамматики болгарского языка, устройства его орфографии и др. Не случайно, "Грамматика", как и другие труды и письма Венелина, в которых затрагиваются языковые вопросы, и в наше время продолжает оставаться предметом внимания российских и зарубежных исследователей, осветивших разные аспекты его занятий болгарским языком и письменностью. Так, Е. И. Демина доказала, что включенная в "Грамматику" в качестве хрестоматийного текста "Четь о св. Пятнице (Параскевии) Тырновской патриарха Евтимия Тырновского" взята Венелиным из Тихонравовского дамаскина – памятника новоболгарской письменности XVII в.³⁵ Ею же дан подробный анализ концепции Венелина по устройству нового болгарского литературного языка, реализованной им главным образом в его "Грамматике"³⁶. Не угасающий интерес современных исследователей к "Грамматике" Венелина делает ее публикацию целесообразной и достойной памяти ее автора – заслуженного заслуженного зачинателя отечественной болгаристики.

"Грамматика нынешнего болгарского наречия" Венелина печатается здесь по ее рукописи, хранящейся, как уже отмечено, в Российской государственной библиотеке. Рукопись хорошо сохранилась. Текст "Грамматики" (387 страниц) написан на листах большого формата, на слегка шероховатой серо-голубоватой бумаге. Текст написан четким почерком, как и все, что исходило из-под пера Венелина: он легко прочиты-

³⁵ Е. И. Демина. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Исследование и текст. Ч. II. София, 1971, с. 9–10, 14–15.

³⁶ Е. И. Демина. О первом опыте кодификации болгарского литературного языка эпохи Возрождения. Концепция Ю. И. Венелина // Ю. И. Венелин в Болгарском Возрождении (в печати).

вается, за исключением редчайших неясных случаев. В тексте просматривается много подчеркиваний и исправлений, внесенных другой рукой карандашом — след работы А. Х. Востокова и других членов Рассмотрительного комитета Российской академии, решавших судьбу "Грамматики" Венелина. Текст ее передается здесь средствами современной русской графики и согласно правилам современной русской орфографии. Все болгарские слова, приводимые в "Грамматике" в качестве образцов и примеров, переданы так, как они написаны Венелиным.

Приношу искреннюю благодарность Валерии Сергеевне Ефимовой за созданный ею компьютерный набор настоящей публикации.

Г. К. Венедиктов

**ГРАММАТИКА
НЫНЄШНЯГО БОЛГАРСКАГО
НАРѢЧІЯ**

Составилъ
Юрій Венелинъ

[Москва, 1834 г.]

ВВЕДЕНИЕ

Все, что можно сказать как о состоянии болгарского языка вообще, так и в особенности о сей Грамматике, изложил я в письме к Его Высокопревосходительству Александру Семеновичу Шишкову, от __ февраля 1834 года, которое я и назначаю вместо предисловия к сей Грамматике .

Итак, приступим к обозрению сего наречия по известному порядку восьми частей речи.

* Текст этого письма публикуется ниже в качестве приложения (с. 244).

ОГЛАВЛЕНИЕ

- Об именах существительных
 - О словоизводных формах
 - О числе
 - О склонении
 - О прилагательных
 - О числительных
 - О местоимениях
 - О глаголах
 - О категориях глагольного возрастания
 - О спряжениях
 - О требованиях глаголов
 - О причастиях и деепричастиях
 - О предлогах
 - О наречиях
 - О союзах
 - О словосочинении
 - О напеве
- Христоматия или Четь Болгарского патриарха Евтимия
о Св. Параскевии Терновской**

* Здесь приведено оглавление в том виде, в каком оно дано самим автором в его рукописной “Грамматике вынешнега болгарскаго яречия”. Указанные в нем страницы, на которых начинаются соответствующие разделы “Грамматики”, опущены. Названия некоторых разделов здесь несколько отличаются от тех, какие даны в тексте “Грамматики” и какие воспроизведены в оглавлении в конце настоящей публикации (Г.В.).

ОБ ИМЕНАХ

Имена существительные болгарского языка в филологическом отношении можно разделить на три *отделения*; на

1) Имена, *тожественные* с русскими. Значительная, почти большая, часть болгарских существительных принадлежит к сему разряду; например:

ядъ	úхо	сóвѣсть
духъ	лицé	лопáта
волъ	челò	суди́лище
ножъ	кóжа	приятельство
хлѣбъ	перò	благополúчие
дворъ	вода	кróтость
дождь	винò	одéжда
трудъ	чáша	человéкъ
царь	мóре	богáтство
мракъ	сбóнце	учéніе
доль	стъна	благорóдіе
бракъ	кни́га	учíлище
снѣгъ	женà	прóмысьль
гнѣвъ	нéбо	добродѣтель
честь	любо́вь	миролюбіе
страсть	пóлза	и проч.
и проч.	и проч.	

2) На имена, одним только болгарам *свойственные*.

Сие отделение существительных болгарских можно подразделить на

а) Уклоняющиеся от русских, т.е. по свойству наречия, в чем-либо измененные, россиянину, однако, совершенно вразумительные.

Сии изменения составляют принадлежность болгарского наречия русского (общего) языка и происходят от более или менее уклоняющегося произношения общих слов. Изменение произношения зависит от механизма слов и свойства согласных, составляющих оные; посему уклоняющиеся разделять на

классы или разряды весьма трудно. Иные даже уклоняются (разумеется, при том же значении слова) не только произношением, но даже и формою окончания, как это видеть можно из приводимых ниже сего примеров.

Есть, однако, одна форма *уклонения* для известного количества имен *коренных*, которые в болгарском, равно как и в других славянских наречиях, находятся в первоначальной своей чистоте, но которых согласные в русском языке *разведены повторением* одной и той же гласной, так что, наоборот, собственно так называемые русские должно признать за *уклоняющиеся*. Замечательно, что сие повторение гласной происходит только в удобопроизносимых словах, в коих после твердой согласной следует мягкая; например:

Мужские		Женские	
Болгарск.	Русск.	Болгарск.	Русск.
Гладъ	Голод	Глáва	Голова
градъ	город	кráва	корова
класъ	колос	брáда	борода
гласъ	голос	вра́на	ворона
мразъ	мороз	вра́та	ворота
хладъ	холод	срéда	середа
младъ	молод	чре́да	череда
прахъ	порох	странà	сторона
прагъ	порог	брáзда	борозда
врагъ	ворог	слáма	солома
стражъ	сторож	брáна	б纺она
враиъ	ворон		
брегъ	берег и проч. и проч.		

Средние			
Болгарск.	Русск.	Болгарс.	Русск.
Чréво	Черево	дрéво	дерево
срéбро	серебро	млéко	молоко
злáто	золото	блáто	болото
и проч.		и проч.	

Все же остальные существительные имена сего разряда уклоняются от русских как в произношении, так иногда даже и в формах, всякое порознь. Чтобы лучше познакомить читателя с характером оных, я прилагаю здесь небольшой список оным в пример.

<i>Болгарск.</i>	<i>Русск.</i>	<i>Болгарск.</i>	<i>Русск.</i>
мысаль	мысль	улей	олей (малор.)
вέчаръ	вечер	бгань	огонь
жéтва	жатва	пясакъ	песок
мóзакъ	мозг	блестъ	болезнь
годýна	год	свѣць и свѣща	свеча свечка
дѣцо и дѣте {		колелò	колесо
урѣхъ и уряхъ {	орех	бѣлина и бялина	белок белизна
судник	судия	ичумикъ	ячмень
темнинà	темнота	шепка	чепец
живѣтъ	жизнь	яденіе	еда
жерáвъ	журавль	дыбочинà	{
стря́ха	стreira	длубочинà	глубина
утра́ва	отрава	гôрмешъ	{
вѣтаръ	ветер	громешъ	гром
майка	мать	бачва	бочка
дôщера	дочь	птиче	птица
добринà	доброта	гра́дина	огород
высочинà	высота	котка	кошка
трéва	трава	капка	капля
лакать	локоть	льшницы	лесковые орешки
должинà	длина	льщеникъ	лещань
éсень	осень	истóкъ	восток
топлинà	теплота	звонче	звонок
масть	мазь, жир	тяжчинà	тяжесть, тягость

цѣльба	целение, лекарство	третина	треть
сѧчево	секира	двоица	двойка
съчево	{ топор	тройца	тройка
гўска	гусь	четвёрица	четверка
стѣтина	сотня	кáмакъ	камешек
вўдица	удило	мéчка	медведь
жéло	жало	леглò	ложе, лежало
мравинякъ	муравейник	вўзель	узел
стáва	сустав, член	лесненà	легкость
ловъ	ловля		

б) *Созначительные* (Synonimica), т.е. такие существительные, которые, происходя от совершенно других корней, чем русские, употребляются в значении сих последних, русским, однако, по аналогии, вразумительные. Примеры:

Болгарск.	Русск.	Болг.	Русск.
калъ	грязь	коли́ба	шала什, хутор
уста	рот	хотаръ	предел, поле
вратъ	затылок	размирица	война
воденица	мельница	бой	сражение
храна	пища	войско	война, театр войны
горéщина	жар	чáдо и	
глéданье	зрение	чéдо	{ дитя
вечéранье	ужин	вéже	веревка
блéскáнье	молния	хрáлопъ	дупло
лозie	виноградное растение, лоза	срамота	стыд
гроздъ	виноград (плод)	прилика	сходство
виноградъ	виноградный сад, огород	рогáчъ	олень
кокóшка	курица	товаръ	груз, тяжесть
		рожба	родины, младенец

ри́за	рубашка, одежда	хватáнье	осязанье
ráмо	плечо	болѣринъ	богач

в) Имена славянские, болгарами употребляемые, но россиянам *невразумительные*. Примеры:

<i>Болгарск.</i>	<i>Русск.</i>	<i>Болг.</i>	<i>Русск.</i>
добítакъ	животное	гри́жка	печаль
бубулéчка	насекомое	гáга	клюв
шумъ	лес	пíле	цыпленок, <i>le poulet</i>
сúполь	хобот	пилемо	молодая птица
трáпище	яма, ров	желтица	червонец
дрéбакъ	хворостины	дивяк	зверек,
дебéль	толщина		чудовище, пугало
упáшка	хвост	брасница	{ бритва
космъ	волос	браснарь	цырюльник
коремъ	брюхо у жив.	бердо	холм
снага	спина, туловище	луспъ	чешуя
күща	дом	луспина	{ кожица
прóлѣть	весна	коло	повозка
кóккалъ	кость	ливáда	луг, сенокос
дрéха	вещь	клéпки	веки
кракъ	нога, лапа	куче	собака
дýпка	дыра	самови́ла	вихорь
съкáвица	молния	óпака	изнанка
съканье		чиврастина	быстрота
сиromáхъ	нищий	йáбучицы	щеки
ráло	соха, плуг	голéмина	велечина
надвивъ	победа		
навивъ			

3) Имена *иноязычные*, т.е. принятые из турецкого и греческого языков. Примеры:

а) Из турецкого

ада	остров	боазъ	ущелье
	торговец	бостанъ	арбузн. огород
бакаль	овощн. и съестн.	булюкъ	дружина
	припасов		
бакалъя	лавка ов.	бурунджукъ	шелк. матер.
аба	верхнее платье	буджакъ	угол
абаджия	портной	гайтанъ	шнурок
баграчь	род котла	гайтанджия	ши. мастер
дюлгеръ	плотник	эмене	летн. башмаки
бардачъ	корчага	ахчия	повар
байракъ	знамя	башка	разница
байракдаръ	знаменосец	хараджъ	поголовн. дань
барутъ	порох	вергя	подать с земли
басма	ситец	юзюмъ	виноград
пенджерь {	окошко стекло	чорба	похлебка
паша	паша	чорбаджий	староста
бей	князь	калэ	крепость
бейлыкъ	княжество	касаба	город
баиръ {	возвышение, овраг	тэпе	бугор
		филджанъ	{ чашка филижанка
			польск.
искаръ	замок	бурунъ	мыс
топъ	пушка	памукъ	бумага
дюгенъ	лавка	маймунъ	обезьяна
дюгенджия	сиделец	тютюнъ	табакъ
кыхыръ	печаль	хазнадаръ	хранитель
тиуприя	мост		
саатъ	час	хаберъ	известие
кюршиомъ	свинец	санджакъ	{ область, губерния
пара	денежка		
пары	деньги	джерданъ	нашейник

бешлькъ	пятак	фермёнъ	жилетка
хазна	сокровищница казна		

Замечание. Есть еще более подобных турецких имен, употребляемых болгарами. Сии имена употребляются преимущественно только в тех местах, в которых болгаре живут в смеси с турками, а именно в их большинстве. Эти-то места суть преимущественно в восточной части *Дунайской* (или собственно так называемой) Болгарии, между Бабадагом, Бургасом, Шумном, Варною и Силистриею, также и в приморской части *Загорья* (Забалканской Болгарии, или так называемой *Фракии*).

Гораздо менее турецких слов употребляется в западной части обеих Болгарий (*Дунайской* и *Забалканской*, т.е. Македонии древних), где реже видеть турка и где сплошь одни болгарские селения, как, например, начиная от Тернова до пределов Сербии, и по всей Старой Болгарии (Македонии), исключая места приморские архипелажские. Посему язык болгарский чист в гористых местах, как, например, около Софии, Нишавы и за Балканами около Замакова, Прищины, Призрена, Разлога, Мельника, Кастории, Кратова. В сих околицах даже мусульмане, наоборот, говорят по-болгарски.

Вообще принятие в употребление турецких слов вынуждено частью обстоятельствами, частию же допущено произволом жителей. Имена *вынужденные* обстоятельствами суть те, которые имеют какое-либо отношение правительственные, или обычаев турецких или даже занесены из Цариграда посреди болгар с новыми вещами, товарами и т.д. Таковы, например, *паша*, *пашалькъ*, *бей*, *бейлькъ*, *хаджий* (путешественник к святым местам), *чорбаджий*, *аянъ* (начальник), *субаши* (собиратель податей), *хараджъ*, *вергия*, *ферманъ* (указ), *пары* (деньги), *бимбаша* (полковник или тысяцкий), *сейменинъ* (сторож), *ахчия* (повар), *чубукъ* (трубка), *джеенэ* (лавка) и проч. Правительственное, политическое и торговое влияние турков на болгар заставило сих последних принять сии слова технические даже в тех областях, в которых язык

сохранился в чистоте; заставило принять сии слова не только болгар, но и сербов, арнаутов и греков, ибо подобные имена, как правительственные, неминуемо должны были проникнуть во все области, посему они принадлежат более обстоятельствам, чем языку.

Те же из употребляемых болгарами турецких имен, которые приняты ими произвольно от ежедневного обращения с турками, не имеют всеобщего народного гражданства в болгарском языке, ибо принадлежат более или менее известным только болгарским областям.

Кроме приведенной причины принятия болгарами иноязычных слов, можно присовокупить и хладнокровие сего народа к своему собственному языку. В окрестностях Варны, Шумна, Бургаса, Татар-Базарджика, Балчика, Каварны, Мангалии, Казанлыка болгаре в совершенстве владеют турецким языком, на котором говорят не только с турками, но часто и между собою, преимущественно если желают, чтобы присутствующие, не знающие турецкого языка, равномерно и собственные их дети, не понимали разговора взрослых. Таким образом вошли в употребление иноплеменные слова почти машинально и без всякой нужды.

Вообще в вышеупомянутых околицах язык болгарский довольно испорчен или, лучше сказать, испещрен чужими словами. Равномерно и греческий, подвергаясь влиянию тех же причин и в тех местах, т.е. в городах Варне, Балчике, Бургасе, Сизополе и других черноморских, до того испорчен турцизмами, что мореиты и островитяне, не зная турецкого, с трудом могут их понимать.

Это не относится к болгарам, живущим далее к западу и далее внутрь от границ. Если шуменец или варниец скажет *ймамъ къхъръ*, т.е. имею печаль, терновец скажет чисто полбогарски: *ймамъ грыжъ*, или скажет глаголом: *Азъ се грыжимъ*; шуменец: *Колко saatъ?* софиец: *Кълко часыъ*, или *часове*. В Балчике или Праводах скажут: *Кога дойдете на калэ*, а замаковец или призренец: *Кога и когдà дойдете на градъ*, или *у градъ* и проч. При этом замечательно и то, что употребляющие турецкие слова знают и соответствующие им свои собственные (исключая, однако, те, кои составляют

именной турцизм), так что могут выражаться и чисто по-болгарски. В разговоре одни и те же лица мне выражались двояко: *То е пакъ башкà* и *То е пакъ друго*. Турок скажет: *Качь сахàтъ?* (т.е. Сколько часов?); болгарин скажет: 1) *Колко саатъ?* и 2) *Кóлко часы* или *часове*.

Между тем многие из болгар в упомянутых черноморских местах начинают даже совсем забывать свой язык, живучи по нескольку только семей в местах, населенных турками. За 40 лет тому назад в Варне, Каварне, Балчике процветал болгарский язык, даже был он в употреблении общем по всей *Добрице*, т.е. по всей стране от Варны и Шумна к Исакчи и Силистрии. Но в новейшее время он стал понемногу ослабевать в сей области, будучи превозмогаем большинством турков и татар. В Каварне молодые болгаре мне не могли ни слова сказать по-болгарски, между тем как старые их отцы знают еще свой язык.

Причина сего умножения иноязычников в сей стране, равно и по городам дунайским, есть политическая. Порта старалась, для обезопасения границ своих и содержания Валахии и Молдавии в страхе и повиновении, сколько можно более населять пограничные места людьми своего племени, не упоминая уже о гарнизонах дунайских крепостей (Исакчи, Тулицы, Мачина, Гирсова, Силистрии, Рущука, Никополя, Видина), равно и о военных турецких округах с их крепостями в Валахии по Дунаю, а в Молдавии по Днестру. По мере отнятия у врагов христианства днестровских крепостей турки хотинские, килийские, тигинские (бендерские), белгородские (аккерманские), измаильские и даже очаковские переселялись на Дунай, а преимущественно в Добрицу. Сверх сего завоевания россиян заставили Ядзынскую и Буджакскую татарские орды большую частью тоже перейти за Дунай, где они поселились тоже по добрицким полям. Можно сказать, что сгущение чужого языка в Северо-Восточной Болгарии произведено румянцевскою и кутузовскою войною. Таким образом множество болгарских селений почти в половину получило турецких и татарских сожителей; таким же образом и родились даже новые турецкие селения посреди болгарских там, где их прежде никогда не бывало.

Болгаре, напротив, пред всяким начатием военных действий с Россиею, как не участвующие в оных и как необходимые для Порты и полезные данники, принуждаемы были удаляться с своими семействами с театра войны во внутренние области Болгарии. Многие из сих семейств, по причине совершенной в Турции свободы в избрании места жительства, более не возвращались на прежние свои жилища. Другие же не возвращались оттого, что дома их были уже заняты днестровскими турками и татарами.

Таким образом славянские жители Добрицы, при сосредоточивании в оной турков и татар, постепенно редели, а остатки их подверглись полному влиянию иноязычия и господства иноплеменников. Сие отуречение упомянутой болгарской области начинается с половины прошедшего столетия. До того времени, когда границы Европейской Турции от Азова находились по Днепру и чрез Подолье переходили на Днестр и Карпаты и проходили вблизи от *Пожуни* (Пресбурга), тогда Добрица сохраняла в полной мере свою славяно-болгарскую народность тем более, что на ней поселяемо было множество русских (южнорусских) невольников, загоняемых татарами из Руси за *Дунай* *десятками тысяч*, коих судьба еще не объяснена историю. Вот краткая черта из филологической истории задунайской, приморской преимущественно, славянщины, которая ныне тем чище в Турции, чем глубже к югу и западу.

Вообще же все принятые болгарами турецкие слова состоят почти исключительно из одних существительных, которые тем легче можно будет изгнать из языка, что как существительно-отдельные, не могут укорениться в языке, т.е. не могут доставить языку производной семьи или ветвей слов, несмотря на то, что есть некоторые прилагательные славянских окончаний, образованные из подобных существительных, например: *къхърный*, т.е. печальный.

Глаголов и других частей речи болгаре почти вовсе не занимали у турок. Посему при существительных именно и следовало, по моему мнению, поговорить о турцизмах в болгарском языке.

* Здесь я не подразумеваю некрасовцев и запорожцев.

б) Из греческого

Мáртуръ	свидетель от	Трандáфиль	роза от
Мири́санье	обоняние от	Хрисóвъ	грамота от
Мири́шимъ	пахну от	Лива́да	луг от
Хилáда	тысяча от		

Замеч. Казалось бы, что болгаре, живя издавна в соседстве с греками, должны были принять от них, преимущественно с церковными обрядами, много слов греческих в свой язык, тем более еще, что были обстоятельства, в которых греки тяготели над болгарским народом не менее турков (1020 - 1180); в XV веке Халкокондила болгар называет знающими греческий язык. В новейшие времена все высшее духовенство болгарское состоит большою частию из греков. Несмотря однако на все исторические обстоятельства, которые могли способствовать перенятию слов греческих, болгаре весьма мало их усвоили себе, т.е. гораздо меньше, чем латынцы (римляне и римская церковь) и не более, чем россияне.

Замечательно еще и то, что между тем как россияне все личные (крестные) имена, заимствованные из святцов, носят иноплеменные, еврейские, латынские, но более всего греческие, болгаре и в этом отношении удерживаются от греческих и носят свои *народные*, можно бы даже сказать, *языческие*, т.е. такие, какие употреблялись ими и до крещения. В пример приведем некоторые.

Мужеские		Женские	
Полные	Уменьш.	Полные	Уменьш.
Рада́нъ	Рáдко	Рада́на	Рáдица
Стоя́нъ	Стойко	Стоя́на	Стойкица
Милáнъ	Мíлко	Милáна	Мíлка, Мíлица
Драга́нъ	Дráжко	Драга́на	Драгица

* [Греческие слова Ю.И. Венелиным здесь не указаны (Г.В.).]

Божàнъ	Бóжко	Божáна	Бóжица
Мирàнъ	Мирко Мирчо	Мирана Мира	Мирица
Вербàнъ	Вербко	Вербáна	Вéрба, Вéрбица
Ивàнъ	Íвко	Ива́на, ива	Ивка, Ивица
Севдàнъ		Севдана	Сайда
Драгославъ		Драгослава	
Драгомíръ	Гомирчо	Драгомира	-мирица
Вôлкъ	Вôлчо	Вôлчица	
Кráсенъ		Кráса	
Желéзо	Желéзко	Руса	
Цвéтанъ	Цвéтко	Цвéтта	
Малъ	Мáлко	Мáла	Мáлица
	Мáлчо		
	Вéлько	Вели́ка	Вели́ца
Бéлànъ	Бéлко	Бéла	Бéлица
	Бéлчо		
	Бéло		
Черный	Черко	Черна	Черница
Добрàнъ	Добре	Дóбра	Дóбрица
		Добра́на	
Коломанъ	Калё		Кáлица
	Калчо		
Душанъ	Душко	Душáна	Дúшица
	Духне		
Нéганъ	Нéгой	Нéгáна	Нéгица
	Нéгишъ	Нéкша	Нéкшица
	Нéшко		
Вышанъ	Вышко	Вышана	Выша
Вышимиръ			

* Bela I, Bela II, Bela III и Bela IV короли венгерские назывались сим самым уменьшительным. Окончание сего имени в латынском по I склонению естественно, но в славянском Бéла, или Бела, род. Бéлы уродливо; должно склон. Бéло, Бéла, Бéлу. Замеч. дл. русск. историк.

Славъ

Славко

Славица
и проч. и проч. и проч.

Невозможно было бы исчислить здесь все личные народные имена, употребляемые и носимые болгарами. Великое множество сих имен очень увеличивается еще тем, что большая их часть рождает много других под разными формами или окончаниями посредством а) словоизводства, б) сложения. Между тем как другие народы, а между ними и северные славянские племена, довольствуются *несколькими десятками* иноязычных календарных личных, задунайские славяне имеют их целый словарек*.

Впрочем употребляют болгаре и некоторые иноплеменные календарные, напр. *Николай*, *Василій*, *Димитрій*, *Яковъ*, *Константинъ* и проч. Заметить, однако, должно, что сии последние принимают те только из болгар, которые, занимаясь торговлею, бывали в чужих краях, приобрели некоторую образованность и свыклись на чужбине с календарными или даже с библейскими, равно и те, которые чаще бывают в обществе греков, по презрению коих к болгарам, стыдятся часто именоваться своим природным личным. Я знал в поездке моей несколько лиц, которые у Балканов взросли *Драгомирами*, *Радулами*, *Стоянами*, *Добранами* и которые, побывав несколько лет в Букареcте, Сибине (Негманнstadt) и Брашове (Kronstadt), Темесваре, Пеште, воротились в отчество во фраках, и притом *Димитриями*, *Евстафиями*, *Самуилами*, *Василиями*.

* Сей-то недостаток, так сказать, или малочисленность личных имен у европейских народов заставила прибегнуть к прозвищам и тем самым произвела имена *фамильные*; ибо по поводу малочисленности употребляемых календарских иноязычных одни и те же имена были многими лицами, для отличия коих между собою принуждены были прилагать им прозвища. У немцев, венгерцев, французов и других один Георгий был *Ткач*, другой *Мельник*, третий *Кожухарь*, четвертый *Рыжий* и проч. То же самое происходило во всяком другом селении. У россиян, напротив, употреблялись не прозвища (говорю вообще), а отцеменные, как у римлян, т.е. Георгии отличались по именам их отцов: один Георгий был *Михайлов*, другой *Иванов*, третий сын *Апраксин*, четвертый *Волков*, пятый *Медведев*. По причине множества собственных личных болгаре не имеют нужды в фамильных, коих мало употребляют.

Однако некоторый род существительных фамильных есть и в простом народе у болгар и состоит из отцеменных, напр., Радо-Стойковъ, Мило-Радовъ, Генчо-Радовъ, Дымо-Райковъ и проч., которые нередко произносятся чрез усечение последнего слога: Генчо-Рáдо, Дымо-Рáйко потому, что в после о, по мягкому болгарскому произношению, почти сплавливается с гласною, если ударение находится в предыдущем слоге. Впрочем есть в употреблении и сложные личные не только форменные, как Драгомиръ, Доброславъ, но и из уменьшительных, напр., Кальчо-Дымо, Райко-Дымо или Дымо-Райко и проч., так что подобные сложные легко принять можно за отцеменные и наоборот. В иных странах, однако, простой народ вполне выговаривает свои отцеменные. Замечательно, что другие славянские племена мало употребляли отцеменные, кроме Руси и болгар; это подтверждает свидетельство истории о тожестве колыбели обоих племен на Руси.

Между тем образованные болгаре, преимущественно торговцы, находясь между иноплеменниками и чувствуя необходимость в фамильных личных, употребляют для сего свои отцеменные на овъ или овичъ, напр., Войковъ, Стойковъ, Строевъ, Стояновъ или Стойковичъ, Стояновичъ, Нѣшковичъ, Іоанновичъ и проч. А иные принимают даже фамилии иноязычного происхождения (греческого или турецкого), хотя впрочем немногие, напр., Зарафъ, Михалоглу, Бакалоглу и проч.

Для удовлетворения любопытства я приведу здесь, в виде примеров, список подписчикам на *Священное цветобрание*, изданное в 1825 в Будине, в пользу болгар, Анастасом Стояновичем Котлянином.

В Букаресте

Бухурданджибаша Феодориди Петровичъ из Котла

Сакеларь Параксева из Свищова

Ангель Іоанновъ Бурумлиди

Константинъ Афанасовичъ

Ангель Хаджи Пантелеймоновичъ

Ангель Петровичъ

Венко Минковичъ Зарафъ

}

из Свищова

Петко Николаевич
Киро Х. Станкович
Афанась Симеонович

}

из Свищова

Цоча Даніловъ из Ловича
Минко Стефанович из Рущука
Х. Дмитр. Симеонъ из Алванитохори
Х. Михаиль

из Тетивен

Іото Веловъ
Феодоръ Казаковъ из Трявны
Фома Іоаннович
Добрій Х. Бакалоглу из Габрова
Радоль Радовичъ из Габрова
Василій Георгіевичъ из Габрова

В Брашове или Кронштадте

Х. Йорданъ Геновичъ из Рущука
Василій Неновичъ из Свищова
Анастасъ Х. Сивву из Сливна
Стефанъ Х. Іоанновичъ
Ангель Ангеловичъ
Маноль Минку (вм. Минко)
Димитраки Пороглу
Коста Бошкоглу
Стойко Пенчовичъ
Анаст. Іоанновичъ Чукина
Панагіотъ Христовичъ
Григорій Х. Іоанну
Василь Порчовъ из Габрова
Феодоръ Икономъ
Іоакимъ Ивановичъ
Стойко Геновичъ портной из Котла.
Ангель Икономовичъ
Дм. Х. Діаманди из Сливен
Нойко Х. Божиловичъ оттуда же
Христодулъ Панагіотовичъ из Сливна
Х. Іоаннъ Іофчоглу оттуда же
Х. Гендо оттуда же

Янко Кутовичь, староста сливенский
Георгий Іоаннович Филоглу из Калофер
Добри Желесковичь сливенский портной.

Читатель заметит, что все сии лица, коих означенено и место их рождения, составляют лучшее купечество Букареcta и Braшova (в Трансильвании) и что большая их часть носит названия уже календарские. Оглу окончание в некоторых фамильных есть турецкое слово, означающее сын, так что *Бошко-оглу* по-русски можно выразить *Божковичем*, *Іофчоглу* *Іовчо* (уменыш. от *Іовъ*) *Іовчевичь*. В *Бакалоглу* обе половины турецкие. Чи на конце турецкое окончание (*джи*) в (*бостанъ* сад) *бостанджи* садовник, *икономчи* и т.д.

Можно сюда еще привести имена подписавшихся под прошение, поданное переселившимися в Бабадагскую область в 1828 году разградскими болгарами, исправлявшему должность начальника Бабадагской области Достаничу о принятии их в русское подданство.

"Архимандр. Висаріонъ	
Попъ Райко	Никола Куюмжу
Геори Яни	Екатеринъ Геновъ
Констант. Поповичъ	Славъ Геновъ
Георги Афанасъ	Михаиль Димитровъ
Господинъ Кириаковъ	Панаіотъ Панчовъ
Никола Степановъ	Смилию (Смилё) Минчовъ
Стани Ивановъ	Ени Коювъ
Друмчо Калчовъ	Дацка(ко) Стояновъ
Стоянъ Мирчовъ	Димитре Добривичъ
Денко Шарбанъ	Тодоръ Русовъ
Петре Чивгиньоглу	Иванъ Димовичъ
Велчо Терзи	Бâрни (Бêрнїй) Господиновъ
Стани Амукьоглу	Михалчо Дочовъ
Варби (Вербе) Казакъ	Дедо (Дѣдо) Иванъ".

Из сего краткого списка представителей разградских горожан довольно усмотреть можно характер личных и

отцеменных болгарских. Здесь уже реже встречаются календарские; но это еще горожане такой страны, в коей язык их более подвергался иноземщине; реже календарские встречаются у поселян, и тем реже, чем далее в горы и к Софии.

Должно еще заметить, что при толиком множестве народных личных имен у болгар, и вообще у задунайских славян, необходимо должны были найтись такие, кои звучанием очень близко походили на календарские, напр., *Иванъ* и *Іуанъ*, *Данило* (простое *Данъ*) и *Данилъ*, *Юрій* и *Георгій* (произносимое *Дёрдій*) и некоторые другие. Но эти звучные болгарские не должно смешивать с греческими и еврейскими, или, что соблазнительнее, видеть в них славянское только произношение иноязычных; ибо кроме *Иванъ* есть и другие одного же с ним корня: *Ивко*, *Ивчо*, *Ивашъ*, *Ивашко*, женские: *Ива*, *Ивана*, *Ивка*, *Ивица*, которые ясно доказывают, что все они произошли от названия растения (*ива*), так же как есть имена и от прочих растений (*Лозанъ*, *Вербанъ*), а не от еврейского *Іуанъ*, которое выражается в *Янъ*, *Янко* и *Іованъ*. *Данило* от *Данъ* (*Богданъ*, *Мирданъ*, *Проданъ*, *Данчо*, *Данко*, *Данославъ*, *Данимиръ*, *Даношъ*, *Данило*; сие последнее как *Радуло*, *Шумило*, *Брусило*, *Башило*). Ило славянская форма, которой оканчивается много личных народных имен и по которой согнуты и еврейские и *Данилъ*, и *Гаврілъ*, и *Михаїлъ* в *Гаврило*, *Михайло*. Итак, *Данило* от *Данъ* форменное, и *Данило* из *Данилъ* перековерканное, представляют необыкновенную случайность в звучании. *Юрій* (иначе *ярый*, *ѣрый*; *Яромиръ*, *Ярославъ*, *Ярменъ*, юродивый) южно-rossы приняли, по звучанию, в значении Георгий. Велико-rossы в значении Георгия, по звучанию же, приняли свое языческое *Игорь* (по Несторову правописанию; а собственно *Егоръ*), и ныне еще употребляемое, и проч.

Сверх сего, поелику всякое календарское на языке, к коему принадлежит, имеет свой смысл, как, напр., *Георгий* значит земледелец, то могут и в болгарской *именописи* (*Onomatographia*) найтись такие, которые существуют в греческом или латинском переводе между календарными, напр., *Нікѡн*,

Νικηφόρος, Νικολαος (войник, военосец, воитель народа от *), а в болгарском *Воинъ, Воянъ, Войно, Войко, Войчо, Воеславъ, Воимиръ, Воерадъ*; или *Constantinus, Constantius, Constans* (постоянный), а у болгар: *Стоянъ, Станъ, Станило, Стоё, Стойко, Станко* и другие подобные, то *неосторожные* могли бы заключить, что болгаре-де переводили календарские на свой язык. Но очевидно, что подобное заключение было бы опрометчиво и несправедливо; ибо, поелику у обоих сих народов имена давались лицам качественные, т.е. прилагательные или производные или глагольные, то необходимо в одном языке должны были найтись личные *созначительные* личным в другом; сверх сего народ болгарский и до календарских, т.е. до Крещения, и вдали от греков должен был иметь подобные имена, как такие.

Сим я оканчиваю языкописный обзор болгарских существительных; теперь приступим к родописному разделению или к рассмотрению разных форм и словоизводства существительных.

* [Греческое имя не указано (Г.В.)]

ВИДОПИСЬ ИЛИ О СЛОВОПРОИЗВОДНЫХ ФОРМАХ БОЛГАРСКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Образование, как известно, всякого существительного подвергается известным *законам* или *формам*. *Форма* эта состоит в *созвучии* или *тожестве* окончания нескольких существительных. Формы сии суть столь же различны, сколь разнообразны могут быть и окончания, т.е. *созвучия* слов в их окончаниях, так что *окончание, созвучие и форма* суть одно и то же.

Чтобы удобнее было начертать *Видопись* или описание рождения болгарских существительных, то разделим вообще все оные на 1) *коренные*, 2) *производные* и 3) *сложные*.

Коренными я называю те, которые образуются из простых звуков, или согласных, не имеющих никакого значения, напр., *врагъ, сônъ, дôждъ, слухъ, братъ, гôрло, сêрпъ, мûжъ* и проч. Образование существительных сего разряда не подлежит никаким постоянным правилам, или формам, а просто *случайности* или *произволу* человека, так что, при помощи одной гласной, дано одной или двум согласным значение.

Производное подвергается, при своем образовании, известным *формам* или *уклонениям* и образуются не из звуков, но из слов (коренных), имеющих значение, и не только из существительных коренных, но и из других частей речи; напр., *снѣгъ – снѣжина, тьма – темнота, темница, темнина; добро – доброта, добриня; золь – злость, злоба; лью – литье, ливня; живу – животъ – живъніе; единъ – единство; три – троица* и проч.

Сложные составляются почти механически из тех и других; иногда, однако, *сложение* имени подает повод к произведению нового слова, напр., *любie от люблю в человѣколюбie*.

Коренные, в коих зарождается язык, во всех наречиях славянского слова, суть почти одни и те же; следственно коренные у болгар те же, ко[и] и у россиян, чехов, сербов и проч., каковы вышеупомянутые и тысяча других. Посему сия

отрасль существительных не входит в *Видопись существительных*^а.

Поелику всякое славянское племя при образовании своих существительных производных могло предпочесть те или другие формы, то отсюда произошло то, что в ином наречии более слов образовалось по одним известным формам, а в другом более по другим. Следствием есть было [так!] *разрознение* в образовании славянских производных от одного и того же корня и в одном и том же даже значении; так, например, у россиян от *тьма* – *темнота*, от *рожу* – *рождение*, а у болгар *темнинà*, *рожбà* и *рождество* и проч. Впрочем значительное количество болгарских производных тожественно с русскими.

Сверх сего заметить должно, что иные болгарские тожественные с русскими производные имеют другое назначение (значение), напр., *цельба* в русском означает *метку в цель*, а у болгар *лечениe*, а иногда и *самое лекарство*.

Итак, отступление или разрознение болгарского наречия от русского состоит не только в разности форм производных, но и в разности значения тожественных производных. Эти последние объяснить должен Болгарский словарь, а первые Болгарская грамматика, тем более, что в этом разрознении в *формах и значениях* состоит то уклонение, которое называют

^а Разница, которая найдется между коренными болгарскими и русскими, может быть или в некотором оттенке в произношении, а посему касается одной гласной, не принадлежащей к составу корня, напр., *вблъ* – волк, *тбрстъ* – трость, или же в том, что какое-либо коренное в том или другом наречии в употреблении заменено или *производным* или вовсе *другим* словом. То первый случай, не нарушая *тожества*, относится собственно к статье о *правописании и произношении*, а последний, как небольшое исключение из общего правила или черты, объясняется в Словаре.

особенным наречием. Посему *Видопись* и должна изобразить свойства этого уклонения, этого наречия^a.

Приступая к изложению форм болгарских существительных, мы должны еще сделать некоторые замечания. Можно сказать, что *коренные* означают почти одни только *предметы*, постигаемые нашими чувствами, и еще ощущения, напр., *снег, дождь, вол, гром, град*. Сии существительные, означающие, так сказать, *сырые произведения* природы, образовались от действия оной на наши чувства. Таким образом, словами *дождь, гром, град* изображаются ощущения наши, произведенные известными явлениями в природе. Можно сказать, говорю, что *коренные* слова суть *произведения* (грубые) самой природы, между тем как *производные* суть *произведения* человека.

Между тем как *коренные* означают буквально одни только сырье вещи, одни предметы природы, без мысли, без понятия, то *производные*, поднимаясь с своих мест, с своих предметов физических, при своем перерождении, увлекают за собою внимание человека с предмета на предмет. Так, напр., грубой предмет *огонь*; посредством словоизводства имя это слетает с своего предмета, напр., в две стороны и садится на

^a Совсем другого рода будет уклонение одного наречия от другого, если разпознание состоит не в *Видописи*, а в формах грамматических изменений, напр., если в одном наречии в дательном *богу*, а в другом *богови* и проч. Разница в сих грамматических формах есть *вторая* отрасль свойств наречия.

Сия отрасль, однако, не всегда может идти наравне со словоизводственными разностями; формы грамматические иногда могут быть, более или менее, в двух наречиях один и те же, а формы производные и значения слов другие. Таким образом, несмотря на близость или даже тожество в грамматических формах, два наречия, при одном только уклонении в формах и значениях производных, могут сделаться между собою *неудоборазумительными*.

Поелику словоизводство представляет главное условие уклонения или разпознания, т.е. главные черты наречия, то само собою разумеется, что *Видопись* очень важна и необходима при изучении языка, и даже ни в каком другом она не столько важна, сколько в отраслях славянского слова, столь ветвистого и столько богатого словоизводственными формами.

Поелику известная форма имени, совокупленная с известным значением, составляет исключительную принадлежность или признак того или иного наречия, то при задаче о каком-либо письменном памятнике, напр., перевода Св. Писания, довольно нескольких слов из сего разряда *исключительной принадлежности*, чтобы открыть наречие текста. Такие черты или особенности можно назвать *указательными*.

тело человека и на кусок железа, на коих является под двумя новыми формами: *огневик* и *огниво*. Таким образом сии два производные означают уже не простой предмет, но представляют нам полное понятие о чирье и куске металла, понятие по тому, что заключает в себе полное речение, состоящее из имени и глагола, напр., *огниво есть металл, который употребляется для высечения огня*. Так и *дождевик* и проч. и проч.

Можно заметить, что *производные от коренных* более или менее отзываются вещественностью, природою, а посему представляют первый ход, первые успехи, переходы внимания человеческого, *первую эпоху мыслительности нашей*. Но тем выше, тем далее возвышаются мысли, чем более ум или внимание *отвлекается* от предметов и переходит в категорию *количественности и качественности*, т.е. когда облекается в формы *производные от имен числительных и прилагательных*; тогда он вступает в сферу математизма и метафизизма, т.е. в сферу *количественных и качественных отвлеченностей*. Но более всего облегчил человек полет мысли своей тогда, когда успел осуществить производною формою целое действие или явление. Если разные окончания спряжения суть вместе и разные окончания мысли о действии, то переход оной в другое речение происходит посредством производного сущ[ествительного].

Итак, чем производнее какой-либо язык, тем более представляет он переходов мышлению, тем более способов к облегчению и возвышению мыслительности, чем более имеет словопроизводных форм.

Само собою разумеется, что богатство в словах не одно и то же, что богатство в словопроизводных формах: при старании в образовании языка можно произвести множество слов по немногим формам; и наоборот, можно оставить богатство форм без дальнейшего их употребления для образования слов. Количество форм зависит от первоначального образования языка, а количество слов от политического состояния и степени образованности народной. Чем более нужд и действий, тем более является новых слов: по мере возвышения сословий возвышается и язык. В языке

образованном, стоящем наравне со всеми сведениями человеческими, находится *много* слов *лишних* для среднего сословия, *множество* для низшего; тогда едва ли половина слов такого языка принадлежит простолюдию, землянам, массе народа. Посему если высшее сословие есть *цвет* народа, то оно вместе составляет и *красу* языка. Лишите мысленно народ всех его высших сословий и всех его письменных памятников и вы увидите, что богатый его язык вдруг упал, в половину сузился; вы его увидите в первоначальной его простоте. Из этого ясно следует, что судьба языка идет наравне с политическою судбою народа.

Но если сей упадший, оправданный язык имеет значительное количество словообразовательных форм (коих никакая судьба истребить не сможет, ибо она действует на количество слов, а не на качество), то он опять может весьма легко возгореться, взорсти, умножиться, ибо стоит *только лить в формы готовые сколько угодно*.

Язык, не имеющий достаточного количества образовательных форм, сам по себе беден и равномерно не в состоянии возвыситься, обогатиться. Таков язык албанцев или скипетарский. При бедности своей он не может отворить человеку пути к мыслительности, не дает развиться духу общества как в политическом, так и в литературном отношении. Такова история албанцев со времен Альберта Великого. Высшее сословие такого народа или правительство должно прибегать к чужому языку более мыслительному. Так делал Филипп, Александр Великий и некоторые другие албанские владетели. В противном случае такой народ останется на одной точке нравственной и литературной неподвижности. Такой язык не упадает, менее изменяется потому, что и не возвышается. Из сего явствует, что истинное богатство языка состоит не во множестве слов существующих, но во множестве форм образовательных.

Если язык, богатый формами, во второй раз разрастается, то очень легко случается, что слова для известных значений или понятий, при сем втором возрождении, отливаются в другие, против первого, формы, или другие даже берутся для сего корни, т.е. при первой эпохе было на *ота*: *темнота*, а

во втором возрождении на *ина*: *темнина*. Таким образом, один и тот же язык второго возрождения во многом может различествовать от первого своего возрождения. Причина сего различия состоит в излишестве форм; из сего следует, что чем богаче язык на формы, тем он изменчивее сообразно с эпохами судеб своих, и что тем неизменчивее языки бедные.

Если первое возрождение оставило после себя письменные памятники, то по сравнению с ними язык нового возрождения называется *новым* языком. Если же нет письменных памятников, то по невозможности сравнения или же по не существовавшему прежде упадку народа и языка, называется обыкновенным языком или наречием. Таким образом, ныне два языка слывут *новыми*: греческий и болгарский.

Легко можно себе объяснить перевороты в греческом языке самыми превратностями, коим подвергался греческий народ под игами иноплеменников. Такова же и история болгарского наречия: уже с лишним 450 лет тому назад как болгарский народ лишился своего высшего сословия, своего правительства и своего дворянства, в продолжение четырех с половиною столетий болгаре составляют всплошь черный рабочий народ Европейской Турции. И тот самый язык, коего богатству в словах и формах, полноте, благозвучию, выразительности и высокой мыслительности удивляемся в тексте перевода Св. Писания и богослужебных книг, ныне ущерблен, унижен, лишен изящества, одет в рувище и сослан на хутора по Болгарии, Румелии и Македонии.

Вот с какой *точки зрения* следует глядеть на нынешний болгарский язык, т.е. как на отживший свою первую эпоху, находящийся на степени уничижения и на том самом повороте к новому, может быть, если провидению угодно будет, возрождению, в котором язык может сделать значительное уклонение от самого себя первой эпохи, если сие вторичное образование его не будет происходить под влиянием письменных памятников, т.е. без изучения книг Св. Писания и богослужебных.

Мы знаем, что русский язык очень многим обязан богослужебному; можно бы надеяться, что и болгаре по большей части, вместо новых уклонений, воротились бы на прежние

формы и тем весьма много сблизились бы с русским языком, коего они собственно суть только наречие. К несчастию болгаре лишиены этого влияния своего классического, богослужебного языка, ибо со времени подчинения, в царствование Екатерины II, болгарских церквей цареградскому патриарху славянское богослужение во всех болгарских епархиях заменено греческим. Таким образом, греки послужат орудием разъединения между болгарами и россиянами, если против сего не будут приняты удобные меры.

Я распространился об этом несколько вообще для того, чтобы выказать настояще положение сего наречия и вместе предупредить строгие требования филолога не только на счет сего, но и относительно к прочим бедствующим славянским наречиям.

Поелику филолог-наблюдатель не удовольствуется узнать одни только словоизводные формы, но вместе и слова, подвергнувшиеся оным (ибо тем легче можно ознакомиться с характеристикою наречия), то при всякой форме я привел значительное количество существующих болгарских слов с небольшими замечаниями о свойствах и употребительности той или другой формы.

ство			
искусство	хитрость	блаженство	idem
отечество	родина	сыромашество	бедность
чувство	ощущение	богатство	изобилие
курбовство	блуд		

Эта форма, сравнительно с другими, произвела менее слов существующих, чем другие; как она употребляется для изображения понятий, о коих простолюдин не всегда заботится, посему слова, оканчивающиеся на *ство*, реже слышны в просторечии, чаще слышал я в обществе купеческом.

ie (глагольных производных)			
подражение	подражание	доброволение	благоволение
падение	падение	почивание	покой
еда		чуваніе	слух

плúваніе	плавание	зида́ніе	строение
става́ніе	восстание	энáяніе	знание
бранчéніе	жужжание	имáніе	имение
легáніе	лежанье	читéніе	чтение
тúпваніе	стук	курвовáніе	блуд
блéсканіе	молния	помагáніе	помощь
учéніе	учение	трепéраніе	дрожь
живéніе	жизнь	фérлёніе	бросание
случéніе	случай	пладнúваніе	обед
смущéніе	печаль	вýканіе	зов
умирáніе	издох	турéніе	толкание
прося́ніе	просьба	хранéніе	воспитание
скбрóцаніе	скрежетанье		кормление
			}
		и прочая и прочая.	

Производные по сей формуле довольно многочисленны и общеупотребительны, поелику ими выражается глагол или всякое действие или состояние.

Н.В. Сей болгарской (и вообще славянской) формуле *ie* у латинцев соответствует окончание на *io*: *lectio*, *ambulatio*, *progressio*. Латинцы постарались объяснить источник сих глагольных существительных от *Supinum*; посему здесь кстати хотя вкратце указать и на способ образования славянских глагольных существительных.

Поелику образование существительных из прилагательных очень удобно, то и при образовании глагольных языков потребовал прежде форму прилагательную, какова форма причастий. Из всех причастий оказалось удобнее и короче причастие прошедшее страдательное, к коему прилагается только форма существительная *ie*, напр., *писанъ – писаніе*.

Посему остается вопрос об образовании страдательных прошедших причастий. Они происходят из *третьего единственного лица простого прошедшего изъявительного наклонения*, с соблюдением, по большей части, и правописания и ударения онного. В пример приведем следующие глаголы разных спряжений:

- 1) падохъ 2) падóше 3) падé(н) падéнъ(*ie*) падéніе;

- 1) в́и́кахъ 2) в́и́каше 3) ви́ка(н) ви́канъ(ie) ви́канie;
 1) ви́дѣхъ 2) видѣ́ше 3) видѣ(н) видѣнъ(ie) видѣnие;
 1) изъя́хъ 2) изъя́ше 3) изъя(т) изъя́ть(ie) изъя́тие.

Здесь, при вопросе о формах, не место излагать всю теорию, правила и исключения в образовании глагольных производных, тем более, что сие относится к спряжениям и причастиям, к которым отсылаю благосклонного читателя.

Форме сей на *ie* следуют и многие *вещественные* существительные, напр., *оружие*, *сырение* (сыр), *овощие*, *лозие* (виноградник) и другие, как *здравие*, *остроумие*, *благоденствие* и другие сложные.

ина			
Полови́на	idem	слабина́	пахи
высочи́на	высота	топлина́	теплота
лесни́на	легкость	гôрбина́	горбатость
годи́на	год	гра́дина	огород
должни́на	длина	лошавина	зло
големи́на	величина	грозни́на	безобразие
чиврасти́на	скорость	мнози́на	множество
темни́на	темнота	длôжни́на	долг
жабу́рина	жабры	быстрина́	быстрота
вощи́на	вощина	дружи́на	спутники товарищество
добринá	доброта	крýвина	неправота
свѣтли́на	свет(лость)	кольцина́	количество
утрина́	утро	опачи́на	превратность
трети́на	треть		изнáнка
стоти́на	сотня	прáвина	правота
тяжчинá	тяжесть		прямизна
сéтнъна и сéтнина	последствие	лютина́	жестокость
бѣли́на	белок	Планíна	Альпы
	белизна	горéщина	жар

вѣтринà выюга личина маска
и прочая и прочая.

иия
Княгіня, робыня, Добрыня, Болѣриня и проч.

Можно сказать, что *ина* есть любимая форма у болгар. Из приложенной параллели оказывается, что производные от прилагательных, равно как и в русском, получают ударение в последнем слоге, как во *высочинà* (также и в русском в *длина*, *ширина*, *глубина*), между тем как в производных от коренных ударение падает или на первый или же обыкновенное на предпоследний слог как в *гра́дина*, *годына*, *во́щина* (как и в русском в *тельтина*, *говядина*) и проч.

Заметить еще следует, что болгаре не стесняются сею формою, ибо иные из вышеприведенных слов употребляют и по другим формам или в виде коренных, напр., *добринà* и *добротà*, *свѣтлинà* и *свѣтъ*, *утринà* и *утро* и *утріе*, *вѣтринà* и *вѣтаръ*. Впрочем подобное разрознение в употреблении форм при одном и том же имени зависит от провинциализма, т.е. областного употребления.

та

Сия форма употребляется для означения свойства или состояния лица или вещи:

Чистота	опрятность	долгота	длина
срамота	стыдливость	голота	нагота
работа	рабствование	сухота	засуха
	делание	имота	имение
красота	изящность		сокровище
			Мамона
		лѣпота	красота
и проч.		и проч.	

Сверх сего употребительны по сей форме и личные,

например:

Доброта Драго́та
Милота Ны́гота

Калѣта или Калета
Малёта Сухо́та
и проч. и проч.

Заметим, что осуществление или олицетворение качеств состоит в виде или роде женском; немногие же образовались в форме мужеском как *животъ* (жизнь), *к животъ* и проч. А некоторые в средней на *ото* (золото, болото, долото), но по болгарскому наречию от сокращения изменившиеся на *ато*: *злато*, *блато* и проч.

Сей-то форме качественной соответствует латынская качественная же на *tas*, образуемая из прилагательных же: *pukitas*, *castitas*, *atocnitas* и проч., а в просторечии (так называемом итальянском) *pukitâ*, *castitâ* или по выговору другого итальянского наречия *chastita* (*chasteté*) шастетэ = чистота.

Вообще можно сказать, что, сравнительно с предшествующею, сия форма доставила языку гораздо менее существующих слов, отчасти потому, что предшествующая завладела уже многими ее словами, отчасти же и по поводу следующей формы, а отчасти, наконец, потому, что вообще еще мало думали еще болгаре об осуществлении всевозможных качеств. Можно, однако, ожидать, что сия форма, столь богатая в русском, сделается богаче и в болгарском по мере образования и обогащения оного. Здесь отступление нынешнего болгарского от древнего (церковного) состоит в том, что ныне вместо *ота*, обыкновенное в Св. Писании, бросились более на *ина*. Многие, однако, как я выше заметил, уже употребляют по обеим формам: *высочинà* и *высотà*, *ширинà*, *широмà* и *ширь* и проч.

ость, есть

мілостъ	радостъ	скўпостъ	младостъ
стáростъ	дебелостъ	любостъ	болѣсть
храбростъ	хýгростъ	гôрдость	

Сия форма в болгарском (как и в русском и в других славянских наречиях) употребляется при образовании существи-

тельных, если нужно выразить не форму или материальность, но внутреннее достоинство или качество вещей: такое различие между *старина* и *старость*, *высочина* и *высокость* и проч. Н.В. Иные между болгарами сию форму в именительном произносят *оссъ*: *милоссъ*, *болессъ*, *скѫтоссъ*, а иные даже *скопось*. Впрочем в остальных падежах возвращают *тъ*: *милости* и проч. Вообще болгаре довольно привержены к сей форме.

арь (ярь, тръ)

Форма эта употребляется, когда нужно изобразить в существительном вместе и род действия или употребления оного, например:

Книгаръ	учен. челов.	рыбарь	рыбак
браснаръ	цирюльник	жетварь	жнец
бумбаръ	род пчелы	фущарь	корсер
другарь	спутник	тѣмничарь	тюремщик
писарь	писец	овчарь	пастух
болѣръ	вельможа	чижмаръ	сапожник
бочаръ ^а	делающий бочки	кожухарь	скорняк
и проч.		и проч.	

Если сии производные нужно выразить в женском роде, то прибавляют или *ка*: *писарка*, *книгарка*, или *ица*: *браснарица*, *жетварица*, или *иня*: *болѣрина*.

Н.В. По свойству сей формы язык имеет значительное, а может иметь еще гораздо большее количество имен на *арь* как от имен вещей, коими человек может заниматься, или же от глаголов, преимущественно, когда язык избавится от турецких названий ремесел. Вообще форма эта в болгарском (и южно-русском) гораздо употребительнее чем в (северо-)русском. Есть иные, которые некоторые слова произносят на *тръ*:

^а *Бочаръ* вместе фамильное имя знаменитого миссолонгского героя Марка, известного, по греч. правописанию, под именем *Бочариса*, *Βότσαρις*, *Бочарь*, *Болгарин*, род из *Водины*.

овчаръ, фущаръ, а иные аръ: овчаръ, фущаръ, царъ. Но подобные частности не помешают правописанию.

акъ (якъ), екъ, окъ, укъ, икъ

добитакъ	животное	крясакъ	вопль
дребакъ	хворост, мелочь	юнакъ	паробок
момакъ	мальчик	писакъ	писец
мравинякъ	муравейник	страницникъ	путник иностранец
камакъ	камень	судникъ	судья
пясакъ	песок	ученикъ	idem
рабо́тникъ	idem	дво́рникъ	Прежде бывшие государственные чины
наче́лникъ	начальник	пеха́рникъ	
лѣшникъ	лесковое дерево	страто́рникъ	
войникъ	воин, забияка	чашникъ	
разбѣйникъ	idem	глобникъ	
мученикъ	idem		собират. податей и проч.
чите́лникъ	чтец	младокъ	
исправи́нникъ	правитель	истокъ	восток
бтокъ	род болезни	свитокъ	свиток
маге́сникъ	чародей	оброкъ	жалованье
неукъ	неучь	зеленчукъ	зелень, растение
и проч.		и проч.	

Замечание. 1) Болгарский язык, относительно к характеристической окончательной *къ* или *акъ*, *екъ*, *икъ*, *окъ*, *укъ*, образует свои производные согласно с русским, а именно, в самом значительном количестве на *икъ*, в меньшем на *акъ*, гораздо реже на *окъ*, *укъ*.

2) *Екъ* в западных славянских наречиях, преимущественно в словенском и чешском, образует обыкновенные и уменьшательные лиц и вещей: *Tomassek*, *Mihalek* и проч. и равно в северо-русском: *камешек*, *листочек*, *vasilёk* и проч. Но в болгарском имена, должныствующие оканчиваться на *екъ*,

образуются на *ецъ*: так вместо *старекъ* (*старик* по-русск.) болгаре пишут *старецъ*,

младёнецъ	вместо	младенекъ или молоденекъ
боецъ	-	боекъ
кладёнецъ	-	кладеникъ / колодезъ
студёнецъ	-	студеникъ / криница, источник
щенёцъ	-	щенёкъ, щенёнок
тёлецъ	-	телёнок
прѣснёцъ	-	прѣсникъ
познáнецъ		знакомецъ
пловёцъ		пловецъ
ловёцъ		ловчий
рошкобе́цъ		рожок, рожки
дрѣводѣлецъ		плотник
моле́цъ		моль
писе́цъ		писарь
и проч.		и проч.

Вообще заметим, что болгаре чаще и обыкновеннее употребляют сию формулу, чем россияне. *Старецъ* и *младенецъ* хотя и принимают в русском слове, однако они составлены не по духу русского наречия, а перешли от болгар при богослужении. Болгаре же до того к ней привязаны, что иногда и без нужды облекают в оную полные, форменные, имена, напр., *болѣрецъ* вместо *болѣръ* или *болѣринъ*, *капитанецъ*, *генералецъ*, *московецъ*.

N.B. *Ецъ* указывает на большую связь болгар с великороссами, чем с мало-россами или другими племенами. Сербы вместо *ецъ* пишут *ацъ*.

Женские формы

Формы женского рода, соответствующие упомянутым мужским *акъ*, *ецъ*, *икъ*, *окъ*, *укъ*, суть следующие:

1. *акъ* - ачка, ачица = добитачка, добитачица
2. *ецъ* - ица = агнецъ - агница
3. *икъ* - ица = начелница

4. окъ, укъ - очица, учица: неучица.

В подражание сим *соответствующим* женского роду именам образовалось множество *самостоятельных* существительных (т.е. *несоответствующих*) на ица же:

вудица		храни́ница	воспитанница
врволица		прозóрица	окошко
житница		кру́шица	груша
жёлтица	червонец	водени́ца	мельница
темни́ца	тюрьма	стекля́ница	бутылка
плесни́ца		огнѝца	воспал. болезнь
рыбица		агни́ца	ягня ж.р.
взглывница	подушка	ялови́ца	ялов. корова
десни́ца	прав. рука	кри́ница	фонтан
вдовица	вдова	рукави́ца	перчатка
двоица	двойка	стъ́кавица	мольния
тройца	тройка	бая́лница	ворожея
четвёртика	четверка	въ́щица	ведьма
седми́ца	семёрка	съ́ницица	очиш. для посева поле

и проч.

и проч.

Сия форма необыкновенно увеличивается еще тем, что большою частью изображаются оною и уменьшительные женского роду.

ка

Сверх *ица*, соответствующей окончаниям мужским, есть разряд слов *самостоятельных*, т.е. не имеющих мужской формы, но образовавшихся по женской форме *ка*:

шушлúпка	шелуха	упáшка	хвост
котка	кошка	дýпка	дырка
мáйка	мать	гуска	гусь
дъвóйка	девка	печéнка	печень
мы́шка	мышь	делвíчка	клетка
бубулéчка	насекомое	мérка	мера
съ́ника	тень		

и проч. и проч.

ло (ало, ело, ило, оло, уло)

Форма сия, если существительное относится к лицу, означает свойство действия; если же к вещи, тогда орудие, сосуд, или способ, коим совершается действие, напр., *духало* человек дышущий по преимуществу (par excellence) и *духало* жабры у рыб, органы или орудия дыхания; *гормило* (громило) гремящий (*tonans*) и *гормило* вместо *громешъ*.

Поелику, относительно к лицам, сия форма представляет *увеличение действия*, то по ней удобно (кстати) производятся *прозвища лицам, или личные собственные имена*, обыкновенные между болгарами:

ражу	- Радъ	- Радило, Радоло и Радуло, а короче Радулъ ^a
даю	- Данъ	- Данило
стою	- Станъ	- Станило, Станчулъ
	Драгъ	- Драголо, Драгуло
беру	- Берко	- Берило
	и проч.	и проч.

(Замеч. Подобные производные личные существовали прежде и на Руси, и теперь еще некоторые из них сохранились в фамильных, как Томилов, Стрекалов, Шипилов и проч.).

Вещественные, напр.:

Горнило – очаг

Селъ вм. *сѣло* или *сѣдло* место, в коем живут.

Облекло одежда

Лёгло логовище

Носило вещь, на коей или коею носят.

Берilo сосудина, коею черпают и меряют*.

Шило коим шьют.

^a *Радоло* и *Радуло* встречаются у сербов (сорабов) германских. Западные летописцы пишут оное *Radulphus*. Сие имя, перешедши в употребление между немцев, исковеркано в *Rudolf*.

* [Над словом *черпают* написано *берут* (Г.В.)].

Мы́ло^a коим моют.

Жáло, жéло коим жалют (колют).

и проч. и проч.

ба

Форма сия есть из числа глагольных и употребляется там, где нужно усилить значение формы *ie*, например:

весéліе	-	весельбà	гонéніе	-	гоньбà
рождéніе	-	рожбà	прошéніе	-	просьбà
молéніе	-	мольбà	крадéніе	-	кражбà
гощéніе	-	гостъбà	стяніе	-	стѣньбà
цѣльníе	-	цѣльбà			
даяніе	-	даньбà и дáжба		и проч.	

От существит. *враждà* - вражда

дру́жба - дружба

и проч.

Примеч. I. Болгарскому *ба* в усилении значения соответствует русское *тня* или *ня*: *бѣганіе* – *беготня*, *толканіе* – *толкотня*, *рѣзаніе* – *резня* и проч.

Примеч. II. Усиление значения сих глагольных существительных доходит в иных словах до существительности, т.е. слово, означавшее род действия, означает вместе и предмет оного; так напр.

гостъба	значит	(во мн. гостъбы)	пировые блюда
веселбà	-	свадьбу	
цѣльбà	-	цѣльбы	- лекарства
и проч. и проч.			

Точно как и в русском:

резьба и действие и вещь

резня усиленное действие.

тва

Там, где *ба*, по стечению согласных, произвело бы затруднение в произведении или же, что важне, произвело бы

^a *Мы́ло* называют и *сапу́нъ* (Sapo). – Это добавление написано на полях (Г.В.).

злозвучие, употребляется *тва*; например, неблагозвучно было бы *молитба*, *ловитба*, *битба*, *литба*, *ястба* и проч.; посему *б* заменено мягкою губною *в*: *молитва*, *ловитва*, *битва*, *литва*, *яства* и проч.

Примеч. Здесь кстати несколько распространиться вообще об образовании глагольных производных на *ба* и *тва*, или просто *ва*, тем более, что в производстве оных и русский язык и болгарский язык следуют одним и тем же законам.

Имена производные на *ба* происходят от неопределенного наклонения, например: *молити*, *женити* – *молитба*, *женитба*. Для избежания многосложности окончательное *и* выброшено или, лучше сказать, превращено в *й* или *ъ* – *молитъба*, *женитъба*. В подобных существующих словах южане *ъ* едва произносят. Последнее из сих слов употребительно между северянами, но между южанами, преимущественно болгарами, нестерпят стечения *т* и *б*, по сему самому происходит изменение в образовании слов.

В сем случае болгарский язык поступает двояко 1) или отменяет *б*, или 2) уничтожает *т*.

Отменение *б*:

Б заменяет мягкою губною *в*; посему вместо неудобопропизносимого *молитба*, *женитба* образовалось *молитва*, *женитва*.

Уничтожение *т*

Если же болгарин пожелает удержать *ба* форму, в таком случае выбрасывает из слова *молитба* *ит* = *молба*. Но как характеристическое *и* не вредит выговору как гласное, составлявшее слог и носившее ударение сего слова, то совершенно быть уничтожено не может, ибо оставляет после себя *ъ* как знак своего места и тем оказывает влияние свое на предшествующую ему согласную, т.е. умягчает оную. Таким образом родились слова *мольба*, *просьба*, *цѣльба* и проч.

Дальнейшее умягчение или перерождение слов, т.е. отменение вместе *т* и *б*

Если умягченное, напр., *молитва*, *ловитва*, *травитва*, пожелает он умягчить еще более, т.е. выбросить *ит*, вышло бы *мол'ва*, *лов'ва*, *трав'ва*; но как нельзя избавиться от влияния

умягченного *и* (*й* или *ъ*), то сим усечением посреди слова немало затруднялось бы произношение. Однако, поелику выброшенное *и* или *ъ* должно умягчить одну из соседних согласных, то в сем случае оно относится на следующее за ним *в*, но как *в* не может умягчаться, то на место оного вводит самую умягчимую букву *л*, а само *ъ* с *а* превращается в *я*. Таким образом произошло: *мовля*, *ловля*, *травля*, т.е. на место *ва* форма окончательного образования.

ля

В слове *мовля* только переставлены *л* и *в* по поводу перехода *ъ* со средины на конец; впрочем удобно было произносить и *молва*, как это действительно и употребляется северянами; но южане говорят *мовля*, а отсюда наконец глаго[ло]в *мовлю*, *мовишь*, *мовит*, между тем как северяне *молвлю*, *молвишь*, *молвит* и проч.

Вообще же болгаре удерживают *ба* в тех словах, в коих, по выброшении *и*, остается перед *ъ* довольно умягчимая согласная, как можно видеть из вышеупомянутых. Односложные глаголы, не могущие лишиться слога *и*: *литий*, *питий*, *битий*, *бритий*, *жатий*, *датий* и проч., уклоняются на *ва*: *литва*, *битва*, *бритва*, *жатва*, *клятва* и проч. Пиво (название вещи) вместо действия *питва* по тому же правилу отступает, по которому и *нива* от *нытий*. Иные же в односложных, перед *т* имеющие *с* и *д*, напр. *крастий*, *родитий*, *датий*, превращают *ст* и *д* и *т* в *ж*: *крастий* – *кражба* (короче по-русски *кражба*), *родитий* вместо *родьба* – *рожба*, *датий* вместо *датьба* – *дажба*; *ѣстий* или *ястий* (собственно *язти*, многократное *язитий* колоть, ранить, жалить, кусать; отсюда *языкъ* орудие кусания, ужаления) на *тва* и *ва*: *язства* или *яства* и *язва*; *гоститий* – *гостъбѣ*, а иные произносят *госъбѣ* и *гозѣ* и проч.

Вообще можно заметить, что болгарский язык (даже и русский) тогда только прибегает к образованию глагольных на *ба* и *тва*, когда встречает какое-либо неудобство в образовании глагольного *ie*. В сем отношении более всего суть глаголы на *ити*, между тем как *ати*, *ѣти*, *оти* удобнее

уклоняются на *nie*. Очень немногие от сих последних глаголов произошли на *ба* и *тва*: держати – *держава*, молотити – *молотъба* (в русск.), молоти – *молотъва* (в южн. русск.), пороти – *Поротва*, или короче *Протва* (название реки), росити – вместо *Росява* – *Росва* у северян, *Рôшава* у болгар, то же *оросити* – *Орбшава* или короче *Оршава* (названия рек и мест), вершти (свершати) – *Вершава* и некоторые другие.

Вот законы, коим следуют довольно единогласно и болгарское и русские наречия, между тем как западные славянские не следуют по всем сим умягчительным правилам и вместо *молитва* или *мольба* произносят *модлитва*, так и другие.

Поелику в русских наречиях, посему и в болгарском, как мы видели выше, есть несколько способов умягчения и поелику народу предоставлено вольное употребление того или другого способа, то отсюда происходит, что в одном и том же наречии существуют производные одного корня вместе по двум трем формам, так напр. болгаре употребляют и *молéние*, и *молитва*, и *мольба*^a, равно как и в русском на севере *сватьба*, мало-rossы *весéлье*, карпато-rossы (в Венгрии) *свальба*, болгаре *веселбá*.

Конечно могло произойти разрзнение между обширнейшими русскими наречиями в употреблении или форм или корней; но в этом вольная воля человека; главное же и настоящее сродство болгаро-русского с прочими северными наречиями есть *повинование одним и тем же законам образования слов*.

ба и ва

от существительных и прилагательных

По сей форме образуются производные и от существительных простых и прилагательных: кропъ – *кропива*, жало – *жаливо*, нутръ – *нутроба* и *утроба*, хворь – *хвороба*, худъ –

^a *Молитва* и *моляся* слово не русского собственно так называемого наречия. Оно в болгарском просторечии то же значит, что *просьба, прошу* в русском.

худоба, огнь – *огниво*, голь – *голова* = *глава*, коль – *колиба* и проч.

По сему же образу произошло много слов, сохранившихся в названиях мест: *Колочава*, *Сучава*, *Морава*, *Молодава* или *Молдава*, *Синява*, *дубрава* и проч.

во

Некоторые из глагольных в значении вещества вместо *тва* принимают форму среднего рода *во*:

сочи́ти	–	сочи́во
пить	–	пиво
вари́ти	–	вариво

и проч.

ище

Сия форма употребляется, когда нужно выразить сосуд, в коем что-либо находилось, и вместе то, к чему он служил, равномерно и пространство или место, на коем происходило какое-либо действие, например:

трáпище	–	дорога, место, по коему тропают;
сúдище	–	место, в котором судят;
судíлище	–	строение, в котором судят;
сéлище	–	место, на котором было село;
дóмище	–	развалины, следы дома;
гráдище	–	городище, следы бывшего города;
учýлище	–	место, где учат;
грóбище	–	место, принявшее гроб;
сокróвище	–	где сохраняют сокровища, Schatzkammer;
пóприще	–	пространство, на коем бег, час хотбы [так!];
пúтище	–	заросшая дорога, старая дорога;
цéрквище	–	церковные развалины;
пристáнище	–	гавань, заезжий двор;
кáпище	–	моленный дом, храм;
потóчище	–	руслу реки;
врéтище	–	

гúнище — материя (толст. сукно), из коей делаются гуни;
и проч.

Н.В. В русском, как известно, эта форма имеет значение просто увеличительное, так что имена на *ще* принимают смысл вместе уродливости и насмешки, напр., *дружище*, *носице*, *детище*. Но исключается отсюда *городище* и перенятые от болгар (из Св. Писания), в болгарском же смысле: *судилище*, *училище*, *поприще*, *ристалище*. Читатель припомнит себе болгаризм следующего выражения из ектении: “и доброго отвѣта на страшномъ судилищѣ Христовѣ просимъ”.

Заметить должно еще, что в русском *ще* удерживает род своего источника, между тем как в болгарском все производные сей формы суть среднего рода: *cie* *судище*, *cie* *градище*.

тель

Сия форма означает в лице вместе и действие оного, посему может почестися лично-глагольною. В болгарском она столько же может произвести слов, сколько и в русском, которые смотря по сродству глаголов более или менее суть те же с русскими:

пріáтель *idem*

писáтель *idem*

зиждíтель — строитель;

хранíтель — *idem* от содержатель;

фалíтель — листец, хвалитель;

и проч. и проч. и проч.

Н.В. Болгаре ь не произносят в производных от сих лично-глагольных на *ство*, напр.: *пріятелство*, *свидѣтелство*, *сіятелство* и проч. Впрочем грамматик может удержать ь правописания ради.

Формы уменьшительные

От мужского и среднего рода имен

Уменьшительные вообще оканчиваются на *че* или же

просто на *e*:

брóкъ	- брóчe
добитáкъ	- добитáче
птáкъ	- птиче пíле (<i>le poulet</i>)
котъ (кótка)	- кóшче
чérвь	- червíйче
врабъ (врабíй)	- врабче
кáмакъ	- кóмаче
звонъ	- звáнче
магáрь (осел)	- магáре, -рче - áгне
мóмакъ	- мóмче мальчик
мóма	- мóмиче девчонка
быль (былие)	- быльче (<i>plantula</i>)
сыракъ (бедняк)	- сырáче сиротка
муль	- мúле - óсле ослёнок
сестриничъ (сын сестры)	- ярё ягнёнок, весенний - сестрýнче - кúче (<i>собачонка</i>)

и проч. и проч.

От имен женского рода

Уменьшительные от имен женского рода кончатся на *ка* или *ица*, о коих было уже выше упомянуто:

мышь	- мышка	рýза	- рýзица
дýпа	- дýпка	рыба	- рыбица
мéра	- мéрка	вðа	- водица
сéнь	- сéнка	рýка	- рýчица
гúсь	- гúска	крýша	- крýшица

и проч. и проч.

Замеч. Есть уменьшительные, которые не покажутся такими потому, что коренные их более не в употреблении, и

потому нередко под формою уменьшения заключается обыкновенное значение. Сверх сего, по сходству можно смешать сию форму уменьшения с женскою формою *двупольных* имен. Кажется, однако, что форма эта или идея уменьшения взята именно с двупольной формы, в коей соответствующие женские формы вместе выражают пол более слабый и более мелкий относительно к мужескому.

Исключ. *Мόма* девка имеет уменьшит. *мόмиче* девица; *дъва* (не употр.) девка и *дъвойка*.

От имен среднего рода

Дрёво – дрёвцо, или дёрвко
ликъ – лицо.

Общая трехродовая уменьш.

мужеск.	женск.	средн.
ко, ецъ	ка, ица	цо, це, че

Личные уменьшит.

Мужеские, которые обыкновенно у западных и северороссов кончатся на *ёк*, *ек*, *ик*, у болгар, сообразно с малороссами, на *ко*. Но как возраст человека может иметь более степеней, то и имя лица, в собственном ли виде или нарицательном, тоже может представить несколько степеней уменьшения, посему личные болгарские имеют и уменьшительные уменьшительных, и даже увеличительное; таким образом *полное* или обыкновенное *форменное* имя изменяется в две стороны, например:

Увеличит.	Формен.	I Уменьш.	II Уменьш.
Душе	Душанъ	Душко	Душко
Духне			
Божо	Божанъ	Божко	Божко
Драгне	Драганъ	Дражко	Дражко
Драгъ			
Добре	Добранъ	–	–
Стоё	Стоянъ	Стойко	Стойко
Боё	Боянъ	Бойко	Бойко
Тѣло	Тѣланъ	Тѣлько	Тѣлько

Миро

Миранъ

Мирко

Мирчо

и проч. и проч.

Женские

Душа

Душана

Душица

Душка

Божа

Божана

Божица

Божка

Драга

Драгана

Драгица

Добра

Добрана

Добрица

Стоя

Стояна

Стоица

Боя

Бояна

Боица

Тъля

Тиляна

Тълица

Мира

Мирана

Мирица

Мирка

и проч. и проч.

Вообще можно сказать, что болгаре, кроме уменьшительных личных собственных и нарицательных животных и тех вещей, коих необходимо выразить уменьшение, гораздо менее нежничают уменьшительными, чем русские, преимущественно северяне. Эта характеристика языка имеет свое начало в характере народа, который без уверток привык говорить прямо и без лести: *дай руку, а не пожалуйте ручку; дай овса, денег а не одолжите овсеца, деньжонок* и проч.

Общие родовые формы

Все остальные производные существительные составляют огромный класс имен, которые собственно не подходят ни под какие формы и в сем отношении окончаниями своими сходны с коренными, и поелику не принимают никакого форменного окончания, то можно их назвать производными *усеченными*, например:

въздыхамъ - въздыхъ вздох, рыданье,

наговорямъ - наговоръ заговор, клевета,

поглѣдувамъ - поглѣдъ вид

и проч. и проч.

Производные сего разряда оканчиваются такими согласными, какие находятся перед формою глагольною или окончанием: *амъ*, или *ати*, *ѣти*, *ити*, *оти*, *ути*. Таким образом в

воздых=ати, наговор=ити, поглѣд=ати x, р и д суть характеристические буквы словоизводства, так что усечением глагола образуется существительное производное.

Поелику в сем разряде всякая согласная буква может быть в окончании и как общее свойство славянского языка есть таково, что ничего он без формы оставить не может, то относительно к именам сего разряда образовались три *общие формы*, определенные идею рода или пола, которые посему можно назвать *формами родовыми*.

Таким образом все усеченные производные почти машинально разделились на имена мужеского, женского и среднего рода, вместе подвергшись сим родовым формам.

Из вышеприведенных трех слов видно, что *усечение глагола* и вместе *мужская форма* означается буквою *ь*, а иногда полугласною *й*.

Женская форма есть *a*: *душа*, *зараза*, *пораза*, *хвала*, *страх*, *троба* и проч.

Средняя: *o, e, ѿ*: *лицо*, *яйце*, *слонце*, *здравie*, *врѣме*, *сѣme* и проч.

Разнохарактерность сих форм оказывается тоже и в формах склонений.

Замеч. I. Окончание *ь* или умягченная форма составляет нечто среднее между мужескою *ь* и женскою *a*. Посему слова сего окончания распались, как сомнительные, без разбору между мужескою и женскою формою. Поелику причисление сие к тому или другому роду принадлежит особенной воле или привычке племени, то бывает иногда, что иные имена на *ь* в ином наречии роду женского, между тем как в другом роду женского [так!].

Замеч. II. Поелику форма усеченного производного определяется во время усечения глагола или вообще источника, то случается, что в одном наречии усеченное производное получило форму мужескую, то есть *ь*, а в другом женскую, то есть *a*, напр., *округъ* и *округа*, *отразъ* (отражение) и *отраза*, *окопъ* и *окона* и проч., то сие отступление составляет одну из важных принадлежностей какого-либо наречия. С сей, обоюдной, точки зрения я не заметил отступления

болгарского языка от русского, несмотря на два-три исключения.

лія

В заключение упомянем еще о форме *лія*, взятой болгарами из турецкого языка. Турки, для означения происхождения лиц из того или другого места, прибавляют к имени места частицу *лы*, соответствующую славянской *скій*, *ая*, *ое*, или *анинъ*, *янинъ*, напр., *Варналы* значит Варнский или Варниец; *Казанлы* Казанец, *Базарджиклы* из Базарджика, *Шюменлы* Шумянин и проч. Болгаре, хотя и употребляют свои формы *ецъ* и *анинъ* для означения мест, однако усвоили себе (а именно восточные более) и турецкую формулу, изменив *лы* на *лія*; посему нередко, говоря на своем языке, употребляют *Казанлія* вместо *Казанецъ*; *Тюрлія*, *Загралія* и проч.

ЧИСЛО

Число в болгарском языке есть троякое: 1) единственное, 2) двойственное, 3) множественное.

Главная характеристическая черта в числительном отношении состоит в формах множественного числа. Мы отличим здесь главные следующие:

1) Имена односложные мужского рода, кончавшиеся на *ъ*, в двойственном имеют *а*, а во множественном *ове* и *ы*, например:

<i>Единств.</i>	<i>Двойств.</i>	<i>Множеств.</i>
воль	вола	воло́ве, волы
градъ	града	градове, грады
сынъ	сына	сынове, -ны
попъ	попа	попо́ве, -пы
брегъ	брега	брегове, -зи
хлѣбъ	хлѣба	хлѣбове, -бы
даръ	дара	дарове, -ры
сать	сата	сатове, -ты
и проч.	и проч.	и проч.

Замеч. I. Мужъ и братъ в множественном имеют *мужie*, *братie*.

Замеч. II. Иногда ове употребляется в двойственном смысле, напр. "Турцы му зѣха и коло и волове", т.е. Турки отняли у него и повозку и волов. А вообще ове во множественном чаще употребляется, чем *ы*.

2) Имена двусложные и многосложные мужского рода в двойственном оканчиваются на *а*, во множественном на *ы*, наприм.:

<i>Единств.</i>	<i>Двойств.</i>	<i>Множ.</i>
нѣводъ	нѣвода	неводы
опасъ	опаса	опасы
товаръ	товара	товары
сѣноръ	сѣнора	сѣноры.

3) Имена мужского рода, оканчивающиеся на *ъ*, в

двойственном имеют я, во множественном ie:

Единств.	Двойств.	Множ.
царь	царъ	цáріе
конь	коня	кóніе
день	день	дніе
родитель	родителя	родителіе
овчáрь	овчáръ	овчáріе
господарь	господаръ	господáріе
корáбъ	кораба	корáбіе
калбéрь	калоера	калбере
и проч.	и проч.	

Замеч. I. Поелику иные из болгар въ произносят едва заметно, т.е. не умягчают в точности стоящий возле него согласной, то сие отражается и в окончании двойственного при согласных неудобно умягчимых, т.е. а вместо я ставят; так говорят два кордба, два цард. День иные произносят данъ, дв. данд; котляне во множ. дене в вместо дніе.

Замеч. II. Филь (слон) во множ. фильове.

4) Имена мужского рода, кончивающиеся на къ, в двойственном имеют а, в множ. цы:

Единств.	Двойств.	Множ.
человѣкъ	человѣка	человѣцы
ученикъ	ученика	ученицы
завистникъ	завистника	завистницы
момакъ	момака	момакы
добитакъ	добитака	добитаки
оброкъ	оброха	оброцы.

Замеч. I. Камакъ, дв. камакд и каманака, множ. каменіе, камани.

Замеч. II. Односложные на къ, напр. вѣкъ, ликъ, бракъ и проч., во множественном имеют ки: вѣки, лики и проч. Кракъ имеет только двойственное кракд.

5) Имена мужского рода, кончивающиеся на гъ, в двойств. гд,

ВО МНОЖ. ЗИ:

Единств.	Двойств.	Множ.
Билѓъ	билѓа	билѓзи
тойѓъ	тояга	тойзи
врагъ	врага	врази
чапрѓъ	чапрага	чапрази
богъ	бога	бози
и проч.	и проч.	

Замеч. Односложные *богъ*, *брегъ*, *врагъ* имеют, сообразно с прочими односложными мужского рода, и *брёгове*, *бёгове*, *врагове*.

6) Имена мужского рода, оканчивающиеся на *хъ*, в двойств. имеют *ха*, во множественном *си*:

Единств.	Двойств.	Множеств.
оряхъ	оряха	оряси
влахъ	влаха	власи
сиромахъ	сиромаха	сиромаси
грѣхъ	грѣха	грѣси
лѣхъ	лѣха	лѣси
метохъ	метоха	метоси
и проч.	и проч.	

Замеч. *Грѣхъ* говорится и *грѣгове*.

7) Имена мужского рода, кончивающиеся на *й* и *чъ*, в двойств. *я* и *а*, во множественном имеют *и*:

Единств.	Двойств.	Множеств.
случай	случая	случай
обычай	обычая	обычай
оратай	оратая	оратай
край	край	краи
рогачъ	рогача	рогачи
толмачъ	толмача	толмачи
и проч.	и проч.	

Замеч. *Архиерей* во множеств. *архиерее*. *Край*, как односложное, во множественном говорят и *крайове* и *краюве*.

8) Имена мужеские на *инъ*, происходящие от названий мест, в двойственном *à* и *инà*, а во множественном *е*:

<i>Единств.</i>	<i>Двойств.</i>	<i>Множ.</i>
Бóлгаринъ	бóлгара	бóлгаре
трявняниńъ	трявнянина	трявняне
грéчинъ и грéкъ	грéка	грéцы
сéрбинъ и сербъ	сéрба	сéрбы
rossíяниńъ	руssa	rossíяне и russы
вавилоняниńъ	вавилоняна	вавилоняне
болéринъ	болéра	болéре
и проч.	и проч.	

9) Имена мужеского рода, от мест происходящие, по турецк. форме на *lia*, и другие на *ia* в единств. и двойств. на *ia*, во множеств. *iü*:

<i>Ед. и двойств.</i>	<i>Множ.</i>
терзíя	терзíи
абаджíя	абаджíи
гайтанджíя	гайтанджíи
казанлíя	казанлíи
и проч.	и проч.

10) Имена женского рода, кончивающиеся на *a*, в двойственном имеют *e*, в множественном *ы*:

<i>Единств.</i>	<i>Двойств.</i>	<i>Множеств.</i>
пчелá	пчелé	пчéлы
врана	вране	враны
храна	хране	храны
зима	зиме	зимы
овца	овцé	овцы
дума	думе	думы
и проч.	и проч.	

Замеч. Имена на *ца* в двойственном должно писать *цѣ* сообразно с двойственным *ниже* следующих на *ка*. *Ку́ща* и *лоза* во множественном говорят и *ку́щія*, *лозій*.

11) Имена женского рода, оканчивающиеся на *ка*, в

двойств. на *цѣ*, во множеств. *ки*.

	<i>Единств.</i>	<i>Двойств.</i>	<i>Множеств.</i>
	Майка	майцѣ	майки
	кѣтка	котцѣ	котки
	дѣпка	дупцѣ	дупки
	пѣпка	пѣпцѣ	пѣпки
	бїлка	бїлцѣ	бїлки
N.B.	рѣка	рѣцѣ	множ. не имеет
	крака	крацѣ	множ. не имеет

12) Имена женского роду, кончавшиеся на *га*, в двойственном на *зѣ*, в множеств. *ги*.

	<i>Единств.</i>	<i>Двойств.</i>	<i>Множеств.</i>
	книга	книзѣ	книги
	слуга	слузѣ	слуги
	нога	нозѣ	ноги
	кѣрчага	кѣрчазѣ	кѣрчаги
	и проч.	и проч.	

Замеч. Я слышал во множеств. и книжъя.

13) Имена на *ха* в двойств. *сѣ*, множ. *хи*:

муха	мусѣ и мушья	мухи
дреха	дресѣ	дрехи
и проч.	и проч.	

14) Имена женского роду, кончавшиеся на *в*, в двойст. на *и*, во множ. *ie*:

быль	были	быліе
зѣль	зѣли	зѣліе
овощъ	овощи	овощіе
гроздъ	грозди	гроздіе
тѣрнь	тѣрни	тѣрніе
и проч.	и проч.	

Замеч. Имена сии по свойству своему и по сходству окончания множественного числа с именами на *ie* среднего рода

превращают оное число в собирательное среднего рода; так *овощіе польско*, *Seges Campestris*, *э́тліе лѣтно* растительность летняя. Таким образом и *лоза* в *лозіе* виноградник, а во множественном *лозъя* виноградники.

15) Имена женского рода, оканчивающиеся на *я*, в двойств. на *ѣ*, во множеств. *и*:

<i>Единств.</i>	<i>Двойств.</i>	<i>Множ.</i>
земля	землѣ, земѣ	зѣмли
свиня	свинѣ	свини
грѣкиня	грѣкинѣ	грѣкини
кнѣгinya	кнѣгинѣ	кнѣгини
и проч.	и проч.	и проч.

16) Некоторые имена среднего рода, кончавшиеся на *о*, в двойственном на *а*, в множественном на *еса*:

<i>Единств.</i>	<i>Двойств.</i>	<i>Множ.</i>
ухо	уха, уши	ушеса
небо	неба	небеса
слово	слова	словеса
око	очи	очеса
чудо	чуда	чудеса

N.B. Небо и небе.

17) Имена среднего рода уменьшительные, кончавшиеся на *че* и *е*, в двойств. и множеств. на *ета*:

<i>Единств.</i>	<i>Двойств.</i>
куче	кучета
брле	орлета
добитаче	добитачета
піле	пилета
птиче	птичета
званче	звѣнчета
врабче	врабчета
агне	агнета
отроче	отрочета
и проч.	и проч.

Замеч. Таким же образом и *море — морета*.

18) Среднего рода, на *о* и *е* кончаящиеся, в двойств. и множ. на *а*:

кученце	кученца
дѣте и дѣцо	дѣцѣ
зерно	зерна
село	села
пôприще	поприща
двóрище	дворища
и проч.	и проч.

Замеч. *Вâже* имеет *Вâжъя*.

19) Среднего рода на *ме* и *мо* в дв. и мн. на *ена*:

Един.	Дв. и мн.
съме	съмена
врѣме	врѣмена
име	имена
рамо	раменѧ
и проч.	и проч.

20) Среднего рода на *ie* в дв. и мн. на *ія*: *видѣніе* – *видѣнія*, *хожденіе* – *хожденія*, *радуваніе* – *радуванія* и проч.

Общее замечание

Гласные окончания слов имеют неудобство, что весьма часто подвергаются *недослышике*, преимущественно если ударение стоит не на окончании или если окончание из какой-либо умягченной гласной или следует после другой гласной. Так и в русском нередко мешают *добрые* вм. *добрья* и наоборот.

Таким образом и в болгарском подлинное оттенение гласных окончаний должно было делать с особым вниманием. Оттенение сие производится правописанием. К несчастью сами (писавшие) болгаре не определили на это точных постоянных правил и писали кому как вздумалось, придерживаясь своих провинциализмов в выговоре, ставя часто *е* вм. *и* или *ѣ*, *ѣ* вместо *е* или *я*. Так *ie* окончание множественного мужского рода имен (см. выше №3) как две гласные или два слога нередко соединяют в один, *е*, умягчающее свою

согласную. Это умягчение от соединения *i* с *e*. Поелику и *t* умягчает, то иные ставили и сию гласную вместо *ie*, и посему множественное мужского рода облекали в двойственную форму женского рода. Иные ставили просто *e*. Наконец другие и *u*, так что, напр., одно и то же слово пишут и *кѣниe*, и *конѧ*, и *конѣ*, и *коне*, и *кони*. Но поразительнее всего, что и ныне все сии отступления позволяет себе один и тот же писатель болгарский.

Поелику *ie* иногда сокращают в один звук, то правильнее всего писать *ē* умягчающее в именах только неодносложных, напр., *овчарь* – *овчарē*, *господарē*, *родителē*. Но односложные должно всегда на *ie*.

СКЛОНЕНИЕ

Замечание. Если под именем склонения должно подразумевать одно только *механическое* изменение окончаний какого-либо слова, а не способ выражать известный смысл, напр., притяжания, подаяния и проч., то мы отличим *смысл падежей от форм падежей же*.

Итак, относительно к *формам* падежей можно сказать, что болгаре *не имеют падежей или склонения с определенным и постоянным смыслом*.

Поелику смысл падежей можно выразить не только *падежною формою*, но и посредством частиц, или предлогов, т.е. посредством *других оборотов*, то из сего следует, что можно склонять смысл и 1) посредством определенных падежных форм, и 2) посредством оборотов или словосочинения. Посему мы отличим склонение падежное от склонения *словосочинительного или оборотного* (*Declinatio periphrastica*).

Не все языки в равной степени придерживаются падежного склонения; иные более склоняются на оборотное, как французский, итальянский и т.д. К числу сих последних отчасти принадлежит и болгарский.

Но поелику словосочинение не постоянно в своих оборотах или выражениях чего-либо, например, *притяжания*, и как формы собственно падежные большею частию, так сказать, *изглажены*, то весьма трудно вывести постоянные образцы болгарских склонений без дальнейших вместе филологических объяснений.

Итак, с сих двух точек зрения, т.е. 1) относительно к формам падежным и 2) относительно к *оборотному выражению* смыслов падежных, осмотрим болгарские склонения.

О падежных окончаниях или формах

Сказанное мною о *недослышиках* в численных окончаниях еще более должно подразумеваться об окончаниях склонений, т.е. что во всех падежах присыпывается одно и то же окончание, а именно в именах, оканчивающихся в именительном на гласную.

Рассмотрим источник и причину сего явления. Семь простых гласных (*a, e, i, o, u* и *eu* и *u* франц. и турецк.) могут слиться в один общий звук, грубый и открытый *ы* точно также, как и семь простых цветов сливаются в один *белый*. Одно только *ы* из всех гласных произносится отверстым ртом так, что все органы слова находятся в естественном положении покоя, между тем как все прочие гласные требуют особенного приспособления или натяжения оных. Таким образом, если все эти *приспособления* или *натяжения* постепенно послаблять, т.е. натянутые органы спускать в естественное их положение, то этим самым и все упомянутые гласные сойдут на один и тот же звук *ы*.

Итак, если гласная какая-либо в слове упала на *ы*, то это предполагает *лень* или *слабость* в произношении, ослабленное действие органов слова. Эту черту изменения в языке мы назовем *упадком* или *понижением гласных*, разумеется, в *ы*.

Сие понижение гласных может произойти от продолжительности времени, или старости языка, но еще более от влияния более жаркого климата, который действительно послабляет действие всех членов нашего тела и располагает язык к *укорочению* слов и *умягчению* оных. Таким образом, у южных народов слова бывают вообще короче, чем у северных.

Можно сказать, что языки или наречия при перемене жилищ и климата опускают свои гласные, т.е. *спадывают*, так сказать, с *голоса*. Всякий, знающий так называемый французский язык, легко может заметить, сколь глубоко *упало с голоса* сие итальянское колониальное наречие во Франции, в котором *eu* и *oei* заключает в себе нередко по два древних слога. Так, *ai* немецкое в Пруссии между латышами, вблизи моря, превратилось в *eu* франц. Так, одно татарское наречие, известное под именем турецкого, удалившись на юг, многие гласные изменило на *oei* и *u* франц. Так, римское колониальное наречие в Трансильвании, Молдавии, Валахии большую часть своих гласных понизило на *ы*, коего не имеет ни латинский, ни прочие отрасли от сего языка фр., итал. и испанск. Ныне дунайский *румын* (*Romanus*) в склонении слова, напр., *Casa* (лат. и итал.) во всех падежах имеет один

и тот же гул *ы*: И. *ла касы*, Р. *де ла касы*, Д. *а касы*, В. *ла касы*, Тв. *де ла касы*. Так же и в средине слова ныне слышно *ы*, в коих у латинов стояли другие гласные, напр., *mandicatus мынкать, stringere стрындеже* и проч.

Таким точно образом и у болгар спали с голоса многие славянские слова совершенно à la Romaine не только в средине (как рука на *рыка*, скуп – *съкъпъ*, волк – *вълкъ*, свершен – *съвршень*), но и в окончаниях, т.е. формах склонения, преимущественно имен женского рода на *а* и *я*, так что во всех падежах, кроме именительного, слышен почти один и тот же звук *ы*, напр., *крава, кравы* и т.д. так, что можно вообразить себе любой падеж в сем звуке *ы*. Таким точно образом и у нас школьники, не зная твердо урока из склонений, проглатывая окончания гласные, довольно хитро спускают оные с голоса на *ы*, стараясь обмануть внимание учителя.

Впрочем не все еще падежные формы истребились, ибо имена мужского рода и имена среднего на *е* и *о* вполне отличают некоторые падежи. Сверх сего и в склонениях имен женского рода на *а* и *я* формы падежей должны быть оживлены правописанием. Пищущие, или лучше сказать, маракающие болгаре, по невежеству своему, доселе вовсе не отличали форм падежных и по поводу некоторого созвучия оных в устах черни все оные писали однообразно с тем однако различием один от другого, что один глухой звук *ы* выражал во всех падежах чрез *ъ*, другой чрез *ь*, третий чрез *ѣ*, четвертый писал как в именительном, пятый ставил *е*, шестой для отличения от именительного *ѣ*, седьмой *ѫ* и т.д.

Итак, если необходимо грамматику постановить формы для отличения одного падежа от другого, то само собою следует, что для сего приличнее всех старые формы сего языка, так как они находятся в переводе Св. Писания, и которые вместе *исправили бы*, хотя отчасти, *голос наречия*; а чтобы не упустить из виду спавшие с голоса окончания, то отмечать оные особенным знаком ударения, напр., над *ѫ*. Таким образом удовлетворено будет и формам языка, и произношению простолюдина и, наконец, произойдет постепенное исправление наречия; а напоследок язык более

сблизится с древним, с русским и отчасти с другими славянскими наречиями.

Итак, вообще можно отличить четыре рода склонений: I. По *первому* имена женского рода на *а* и *я*; II. По *второму* имена мужского рода на *ъ*, *ь* и *й*; III. По *третьему* имена среднего рода на *о* и *е*, *ie* в двух образцах; IV. Имена женского рода на *ѣ* по *четвертому*.

I^е склонение

Единственное число

Им.	кráва,	душа,	дупка,	земля
Род.	кráвы,	душы,	дупки,	землї
Дат.	кравѣ,	душѣ,	дупкѣ,	землѣ
Вин.	кравў,	душў,	дупкў,	землѣ
Зв.	краво,	душе,	дупко,	земле
Тв.	сбс кравой,	душей,	дупкой,	землѣй

Двойственное

Все пад.	краве,	душе,	дупцѣ,	землѣ
----------	--------	-------	--------	-------

Множественное

Им. и Вин.	кráвы,	дúши,	дúпки,	зéмли
Род.	кравѣ,	душѣ,	дупкѣ,	землѣ
Дат.	кравамъ,	душамъ,	дупкамъ,	землѣмъ

Замеч. I. Правописание для разных имен сего первого склонения сохранено так, как оно и в русском языке, ибо и в болгарском слышен в выговоре некоторый оттенок имен на *ка*, *жа*, *ша*, *ща*, *ча*, *ха*, *га* от имен остальных окончаний. Посему если и в богослужебных книгах встречается *души* или *душѧ* вместо *души* или *душе*, то это более приписать можно несоблюдению или недостатку правил правописания.

Замеч. II. Имена одушевленные, а преимущественно личные как *майка*, *сестра*, *драга*, *дѣщера* и проч., равно и собственные личные *Краса*, *Цвѣта*, *Люба*, *Драга* и проч. в звательном имеют и уменьшительную форму, когда взывают, преимущественно в песнях, с нежностью; так *майко*, *майно*, *майколе*, *майкосле*, *сестроле*; *драго*, *драголе*, *дойно*, *дайнеле* (отсюда и *доня* дочь); равно *Красоле*, *Цвѣполе* и проч.

Замеч. III. Дательный множественного на омъ чаше заменяется оборотным выражением.

II склонение

Единственное число

Им.	человѣкъ,	богъ,	родитель,	обычай
Род.	человѣка,	бога,	родителя,	обычая
Дат.	человѣку,	богу,	родителю,	обычаяю
Вин.	человѣка,	бога,	родителя,	обычай
Зв.	человѣче,	боже,	родителю,	обычает
Тв.	сѣсь человѣкѣ,	богѣ,	родителѣ,	обычает

Двойственное

Все падежи:	человѣка,	бога и -ове,	родителя,	обычая
-------------	-----------	-----------------	-----------	--------

Множественное

Им., Зв.	человѣцы	бози и богове,	родители,	обычай
Род., Вин.	человѣкаа [так!]	боговъ,	родителе,	обычает
Дат.	человѣкамъ,	богамъ,	родителемъ,	обычаемъ

Замеч. Имена по сему склонению довольно хорошо выговариваются, как и пишутся.

III склонение

1 образец

Единственное

Им.	село,	лице,	пладнуваніе
Род.	села,	лица,	пладнуванія
Дат.	селу,	лицу,	пладнуванію
Вин.	село,	лице,	пладнуваніе
Твор.	сѣсь селѣ,	лицѣ,	пладнуванії.

Дв. и множественное

Им., Вин.	села,	лица,	пладнуванія
Род.	селаа,	лицаа,	пладнуваніаа
Дат.	селамъ,	лицамъ,	пладнуваніямъ.

2 образец
Единственное

Им.	вра́бче,	небе,	ráмо,	врѣме
Род.	врабчeta,	небеси,	рамени,	врѣмени
Дат.	врабчети,	небеси,	рамени,	врѣмени
Вин.	врабче,	небе,	рамо,	врѣме
Твор.	сôсь врабчë,	небë,	раменê,	врѣменê

Дв. и множественное

Им., Вин.	врабчeta,	небеса,	рамена,	врѣменa
Род.	врабчетaa,	небесaa,	раменаa,	врѣменaa
Дат.	врабчетамъ,	небесамъ,	раменамъ,	врѣменамъ.

Замеч. Может статься, что иной скажет и *селове во множ.*; по крайней мере так случилось мне слышать от одного болгарина. Подобная аномалия в языке принадлежать может разве живущим посреди турков болгарам, каков был и сей житель берегов Камчика.

IV склонение
Единственное

Им.	трôсть,	хитрость,	клѣТЬ
Род.	трôсти,	хитрости,	клѣти
Дат.	трôсти,	хитрости,	клѣти
Вин.	трôсть,	хитрость,	клѣТЬ
Твор.	сôсь тростë,	хитростë,	клѣте

Двойственное

Все падежи	трôсте,	хитросте,	клѣте.
<i>Множественное</i>			
Им., Вин.	трôстie,	хитрости,	клѣтie
Род.	трôстий,	хитростей,	клѣтей
Дат.	трôstemъ,	хитростемъ,	клѣтемъ.

**Об употреблении падежных форм
или оборотном склонении**

Довольно близкое зозвучие большей части падежей, а преимущественно первого склонения и множественных чисел, произвело затруднение в отличении смысла или значения

оных; посему болгаре всячески стараются избегать чистое употребление падежей в прямом их смысле, т.е. стараются избегать склонения при помощи других средств или *оборотов*^a, кои находятся в их языке.

Средства сии суть разные сообразно с свойствами падежей.

Родит. 1) Так как *родительный* падеж по значению своему есть собственно *притяжательный*, то в избежание сего падежа болгаре образовали из него форму *притяжательно-прилагательную*, от имен мужского рода (на ъ, ь, й) на *овъ, ова, ово*, а от имен женского рода (и мужского на а) на *инъ, ина, ино*, например: “Той наслѣдоваше **бѣщино** си иманіе”, т.е. Он наследовал имение *отца своего*. Или: “Той щѣше да пази живѣяніе **Царево**”, т.е. Он хотел сохранить жизнь *султана*; и проч.

Нередко вместо *овъ, ова, ово* употребляют форму *скїй* или *ескъ, ска, ско*, например: “Той наслѣдовава **родителско** си иманіе” или “Той премѣнаше добрѣ **отроческо** си врѣме”, т.е. Он хорошо провел время *своего отрочества*, или глаголы *пророчески* и т.д.

Или образуются прилагательные на *ный* или *енъ, на, но*, например: *рожбѣ древесны* плоды дерев, *fructus arborum*, *свѣтина солнечна* свет солнца, *fulgor solis*, *быстрина вѣтерна* порыв ветра, *impetus tempestatis*, *пекъ огнѧнъ* жар огня, *calor ignis* и проч.

Замеч. 1. Если в речении находится или должно бы находиться притяжательное местоимение, напр., *свой, своя, свое*, то поелику родительный, с коим оно должно бы согласоваться, превращен в прилагательное, то переходит и оно в существительную форму и дательный или род. падеж, например, в вышеприведенном примере: “Той наслѣдоваше отческо си (вместо отца *своего*) иманіе”.

Замеч. 2. Правда, подобные случаи употребительны и в

^a Благосклонный читатель заметит, что здесь под именем *оборота* (*περίφρασις*, *Periphrasis*, *Circumscription*, *Circumlocution* – *обойденіе*) должно подразумевать грамматический, а не риторический. Может быть, с первого взгляду диковинно покажется название нового рода склонения; однако не мене того оно существует.

русском; разница, однако, в том, что болгаре в избежание родительн. падежа, чаще и почти всегда, при возможности прибегают к сим *оборотам*.

2) В других случаях *родительный* заменяют *дательным* падежом.

Заметим при сем, что глагол *есмъ*, означая существование чего-либо, в болгарском, равно как и в латинском, весьма удобно и часто принимает смысл и форму дательного падежа, например, *Est mihi pecunia* вместо *habeo pecuniam* (*имею деньги*), в болгарск. *Име ми бѣше*, помен *illi fuit* или *Майка ми бѣше Цвѣта Mater illi erat Zveta*, вместо *habuit* имел. Таким образом, *есмъ* с дательным заменяет притяжательный глагол *habeo* *имею*, посему вообще *притяжение* или *родительный* падеж правильно выражается дательным, что весьма часто случается в болгарском слове, напр., *Іоаннъ сынъ Секунду воевѣду, майка ми Анфуса; или дрехи имъ копрінѣны* и проч.

Замеч. Поелику дательный иногда употребляется вместо родительного и как сам дательный заменяется в свою очередь *оборотным* падежом, то случается, что и сей *оборотный* ставится вместо родительного, о чем увидим ниже.

3) Как родительный не всегда выражает именное притяжение или владение (что особенно относится к предметам одушевленным или лицам), а иногда означает только просто отношение какой-либо вещи к другой, то в сем последнем случае болгаре имеют достаточную причину не прибегать к родительному, а выражаются, впрочем довольно естественно, с помощью предлогов. Самый употребительный в сем отношении есть предлог *отъ*, который заменяет употребляемые в известных случаях русские предлоги *изъ*, *съ*, *отъ*. Напр., “*волосы твоей головы*”. В этом выражении болгарин не припишет голове власти *владетельной* или *притяжательной* как вещи, а только означит посредством предлога, с *какой* *вещи* волосы; посему скажет *власіє от главѣ, рога от бивола, вершина от күщї* вместо *күщї*. Равномерно и там, где подразумевается часть целого, например, *часъ* или *саатъ отъ*

денѣ, часть отъ имѣнія, т.е. час времени, часть сокровищ и проч.

Конечно, и в русском в некоторых случаях, сообразно с болгарами, но в противность латинам, ставится предлог *отъ* или *съ* вместо чистого родительного, напр., *tegmentum paterae* крышка с блюда, *scriniolem mensae ящик от стола*, или *столовой*, и проч. Дело только в том, что болгарин это делает чаще русского.

Здесь замечательно еще то, что, избегая родительный падеж посредством предлога, принуждены сохранить форму оного и употреблять, ибо предлог сей именно требует родительного падежа. Таким образом, хотя чистый родительный и мало употребителен, то сохранение его формы и правописания делается необходимым по крайней мере предлога ради. Есть, которые говорят: "Та дадѣ му едінъ дѣль отъ царство-то си", и др. Но предохранить язык от подобной порчи должны будут будущие болгарские литераторы.

4) Иные количественные: *мнѣо* или *млѣо*, *мѣлко*, *нѣцо*, *кѣлко*, *стѣлко*, принимают чистый родительный, напр., *мнѣго имѣнія*, *малко мукѣ* и проч. Но во множественном, а иногда и в единственном говорятся и с именительным, напр., *Колко ти дѣдоше пары сколько дал тебе денег; Імамъ мнѣго бѣцы вм. овецъ* и проч. (По восточн. нареч.).

Дательн. Мы видели отчасти средство дательного падежа с родительным, от коего дательный тем только отличается, что в родительном притяжение и владение чем-либо уже существует, между тем как в дательном оно только происходит посредством *действия*, означаемого действительными глаголами, которые все посему можно назвать *дательными глаголами* (*Verba dandi*). Итак,

1) Для выражения лица, в пользу коего что-либо делается, есть чистая падежная форма, довольно целая и общая в склонении имен мужского рода, а несколько умягченная в образцах других склонений. Посему довольно обыкновенно говорят: *Богъ дадѣ человѣку*, или *Струваше начѣнику добруѣ работѣ* и проч.

2) Но и этой формы болгаре избегают по возможности.

Чтобы лучше понять и оценить свойство их уклонений, мы должны заметить следующее:

Глаголы, означающие какое-либо действие или событие в чью-либо пользу или вред, можно разделить на два разряда: 1) на глаголы простые, прямо означающие *подаяние*, т.е. *глаголы дательные* (*Verba dandi*), 2) глаголы *сложные*, которые могут требовать дательного падежа то [так!] от правил словосочинения, т.е. только по силе своего сложения (*Verba regiminis*); так напр. в первом случае: *даю, дарю* и пр., а во втором: *сопутствую, причиняю* и проч.

Сложные глаголы в болгарском как и в латинском или повторяют тот же предлог с его падежом, или принимают другой предлог с его падежом, или же, наконец, в замену падежа с предлогом требуют дательный, напр.: *сопутствую с ним и сопутствую ему*, по лат. *injicio lapidem in puteum, ввергаю камень в колодец*, или с дат. *injicio lapidem puto*.

Итак, требование или употребление дательного может быть или *прямое, дательное* (*regimen dandi* или *dativum*), или *словосочинительное, синтаксическое* (*regimen syntacticum*).

Посему выходит то, что дательный падеж может быть заменен другим падежом, т.е. смысл *подаяния или действия в чью-либо пользу или вред* можно выразить и винительным, и предложным. И действительно, если *даяние* само по себе есть не что иное что, как только действие или движение в передаче предмета к предмету (или все равно к лицу), то *вбросить* (камень в колодец) именно выражает категорию *даяния* или *вдаяния* (*вдать* камень колодцу), *injicere lapidem puto*. Это вообще.

Итак, болгарам очень легко увернуться от формы дательного падежа посредством сего *оборотного* выражения. Кажется, впрочем, что форма дательного падежа вообще создана для лиц только или имен одушевленных, между тем как *даяние именам (вещам)* неодушевленным выражаться может посредством предлогов.

Вообще языки и наречия выражают *даяние* иные более *оборотным*, а иные более *форменным* падежом, иные следуют обоим способам, как славянский, греческий, латинский, а иные только одному оборотному, как итальянский,

французский и проч., в коих постоянно употребляется предлог *à*.

Итак, существенное отступление болгарского от прочих славянских состоит в том, что болгаре весьма часто дательную форму заменяют оборотным падежом. Самый употребительный предлог в значении даяния есть *на* с требуемым им винительным падежом.

Но заметим, что если дико покажется какому-либо западному славянину выражение болгарина: *той даде съю на кравѣ* вместо *кравѣ*, то в этом отношении болгарин последовал только отступлению русского языка, в котором *на* с винительным выражает дательный, напр., он *дал на царя*, *отдал на церковь*, *пожаловал на бедных*, *уступил на богадельню*, он *собирает на детей* и проч. Вот почему в болгарском недико сказать: дать сена *на кравѣ*; или *дадоше пары на болѣтина*, или *дадохъ хлѣбъ и вино на господство му*, т.е. его милости, и проч. Дело только в том, что болгарин и там выражается подобным образом, где русский употребляет дательную форму: это преимущественно бывает с именами первого склонения и множественным числом, по причине уже выше объясненной.

Дальнейшее отступление от русского состоит в том, что как дательный часто употребляется для означения притязания, то нередко винительный с предлогом *на* стоит на месте родительного! напр.: *перстъ на деснѣ-ту му рѣкѣ*, т.е. палец правой его руки. И проч.

Таким образом, предлог *на* с винительным часто есть и родительный и дательный падеж! Заметим, однако, что как родительный не всегда выражает *именное* притяжение или *владение* (что собственно относится только к предметам одушевленным, т.е. лицам, а именно разумным могущим владеть или притягивать), то следует, что притяжение вещи (если можно так выразиться) на вещь не есть *владение*, а только *отношение* между двумя вещами, *отношение*, которое весьма удобно выразить посредством предлога, напр., палец *на руке твоей*, т.е. палец *руки твоей*, и т.д.

Мы уже видели выше, что родительный выражается предлогом *отъ*, посему сюда же принадлежит и предлог *на*,

который, однако, может быть употреблен 1) или с винительным, если он будет стоять вместо дательного в значении притяжения, или 2) если нужен единственno для означения отношения между двумя вещами, тогда в значении родительного стоит с предложным, и тогда можно писать и: перстъ на деснѣ тѣ ми рѣкѣ. Если же выражают понятие об отдельном пальце правой руки, тогда болгарин выразится посредством *отъ*: *перстъ отъ правѣ тѣ ми рѣкѣ*. Таким образом, болгарский народ выражает смысл падежей тем или другим из нескольких оборотных способов, несмотря на то, что большая часть падежных форм сохранилась и сохраняется еще в его языке.

Винительный, вообще как в русском, отличается от именительного в склонении имен одушевленных мужского рода и имен женского рода вообще первого склонения, а в прочем равен именительному.

Звательный имеет свои падежные формы, зависящие или от рода, или от окончания имени: мужские звательный имеют на *e*: братъ *брате*, попъ *попе* и проч. Оканчивающиеся на *къ* (*человѣкъ* *человѣче*) на *че*, оканчивающиеся на *хъ* – *ше*, на *гъ* – *же*, напр., прахъ *праше*, врагъ *враже* и проч. Оканчивающиеся на *ь* имеют *ю*, напр., царь – *царю*, овчерь – *овчерю* и проч.

Звательный имен личных уменьшительных оканчивается на *ле* или *оле* в нежном смысле, например: Мирко – *Мирколе*, Данко – *Данколе*, Даноле, Стойко – *Стойноле* [так!].

Имена среднего рода и женского на *ь* звательный имеют как и именительный. О звательном имен женского рода на *а* сказано уже в замечаниях на первое склонение.

Творительный означается не окончанием, а предлогом *съ* или *сбѣ*, например, *сбѣ перѣ*, *сбѣ книгѣ* и проч. *Мъ* и *ю* окончания творительного проглощаются так, что едва заметны в выговоре, и посему стоящая перед ними гласная выдает звук *ы* глухого. Болгарский грамматик или правописец мог бы сохранить полное окончание творительного не мешая при том выговору. Я же, не мешаясь* в желания будущих болгарских литераторов, обозначил усечение окончания знаком *~*.

Предложный мне не встречался; в значении предлога *о* или *объ* употребляют *за* с винительным, *при* с родительным, *на* и *въ* побольше с винительным.

Вообще можно сказать, что разные способы выражать смысл падежей оборотным образом зависит от разных отношений глаголов к предлогам; посему дальнейшие о сем понятия относятся к статьям о сих предметах.

Итак, поелику падежные формы не имеют одного постоянного значения, поелику заменяются предлогами, то вообще нельзя постановить и *общих склонений*. Здесь приведем образец краткий *оборотного склонения*, которое есть только одно *общее* для всех имен четырех форменных склонений.

Оборотное склонение

Имен.	крава,	человѣкъ,	стно
Род.	на кравѣ,	на человѣка,	на стно
	на кравѣ		
Дат.	на кравѣ,	на человѣка,	на стно
Вин.	краву,	человѣка,	стно
Зват.	краво,	человѣче,	стно
Тв.	сѣсь краво,	человѣкo,	стнo.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Прилагательные употребляются или полноформные на *ый* или *ий; ая, яя; ое, ее;* или усечено на *ь, а, о.* Из полноформных употребляются только в мужском, а иногда в среднем роде, напр., *мудрый царь, синее небо-то.*

Вообще же прилагательные употребляются *усеченно,* напр., *конь добръ, добра работа, добро вино.*

Примеры:

Врѣденъ,	дна, дно	нужный, важный
Напрѣсенъ,	сна, сно	скорый, неминуемый
Тѣпль,	пла, пло	теплый
Напокѣщенъ,	щна, о	последний
Данашній,	на, о	нынешний
Глухъ,	а, о	глухой
Нѣмъ,	а, о	немой
Сѣленъ,	лна, о	сильный, храбрый
Дреѣбенъ,	бна, о	мелкий
Теменъ,	мна, о	мрачный
Грѣзенъ,	зна, о	гордый, уродливый
Страшненъ,	шна, о	ужасный
Мраченъ,	чна, о	мрачный
Тѣжкій,	ка, о	трудный
Виренъ,	рна, о	глубокий, бездонный
Сухъ,	а, о	сухой
Драгъ,	а, о	милый
Дебѣлъ,	ла, о	толстый
Голѣмъ,	ма, о	великий
Великъ,	а, о	великий
Красенъ,	сна, о	хороший
Лошавъ,	ва, о	злой, худой
Злой,	зла, о	злой (по нраву)
Добаръ,	бра, о	хороший, добрый, годный
Хитаръ,	тра, о	умный, искусный
Лѣпъ,	а, о	красивый

Правъ,	а,	о	справедливый, прямой
Кривъ,	а,	о	кривой, злодушный
Голъ,	а,	о	голый
Студёнъ,	ена,	о	холодный
Смѣренъ,	рна,	о	добродушный, послушный
Малокъ,	лка,	о	малый
Честенъ,	стна,	о	честный
Лютъ,	а,	о	свирепый
Горѣщъ,	а,	о	жаркий
Сивъ,	а,	о	голубой, буроватый
Червенъ,	ена,	о	красный
Черенъ,	рна,	о	черный
Хубавъ,	а,	о	хороший, добрый, красивый
Высокъ,	а,	о	высокий
Длубокъ,	а,	о	глубокий
Плащенъ,	шна,	о	боязливый, трусливый
Пустъ,	а,	о	порожний, необитаемый
Далеченъ,	чна,	о	далекий
Младъ,	а,	о	молодой
Танакъ,	нка,	о	тонкий
Празенъ,	зна,	о	пустой
Чиandra,	ста,	о	скорый, быстрый
Блазенъ,	зна,	о	слабый, тупоумный

и проч. и проч.

О производных

Прилагательные *производные* от существительных или от какой-либо другой части речи подвергаются известным формам, которые мы рассмотрим вкратце:

енъ

Самая обыкновенная, и соответствует русской *ный, ная, noe:*

Зель	-	зелень, ена, о
Червь	-	червенъ, ена, о
Сила	-	силенъ, лна, о
Прача	-	напрасень, сна, о

Вѣра	-	вѣренъ, рна, о
Ложь	-	ложенъ, жна, о
Боль	-	боленъ, лна, о
Похвалà	-	похваленъ, лна, о
Шумъ	-	шуменъ, мна, о (лесной)
Дрѣво	-	дрѣвенъ, ена, о
Прилика	-	приличенъ, чна, о похожий
Пýсакъ	-	пýсачень, чна, о песочный
Кóккалъ	-	кóккаленъ, лна, о костяной
Желѧзо	-	желязенъ, зна, о
Бутушь	-	бутушенъ, шна, о сапожный и проч. и проч.

Замеч. Хотя для означения материи какой-либо вещи производится прилагательное от имени самой материи, нередко, однако, болгаре вместо прилагательного употребляют предлог *отъ* с его падежом; посему выражаются двояко: *ножъ желѧзенъ* или *ножъ отъ желѧза*; *куща отъ дрѣва* вместо *дрѣвена* и проч.

ливъ, а, о

Если качество вещи находится в примеси с другим качеством, то сия примесь означается формою *ливъ*, *лива*, *ливо*, например:

Пýсакливъ,	ива, о	пещанистый
Каменливъ,	ива, о	каменистый
Кóккаливъ,	ива, о	костянистый
Зеленливъ,	ива, о	зеленоватый
Червенливъ,	ива, о	красноватый
Рáботливъ,	ива, о	труболюбивый
Думливъ,	ива, о	говорун
Прахливъ,	ива, о	пыльный
Трânливъ,	ива, о	колкий, тернистый
Свѣтливъ,	ива, о	светловатый
Ложливъ,	ива, о	ложный, неверный и проч. и проч.

авъ, ava, аво (явъ)

Сею формою выражается качество меньшей степени, например:

Сиволя́въ,	а,	о	немного голубой
Червени́кавъ,	а,	о	краснеющий
Черни́кавъ,	а,	о	черноватый
Свѣтлика́въ,	а,	о	блестящий
Стипца́въ,	а,	о	резковатый, горьковатый
Болнавъ,	а,	о	немощный
Лукавъ,	а,	о	хитрый, криводушный (как лук)
и проч.			

акъ, екъ

Сею формою не качество уменьшается, а вещь или лицо, посему ее можно назвать уменьшительною, например:

Добричакъ,	чка,	чко	добренький
Лошави́чакъ,	чка,	чко	зленький
Черни́чакъ,	чка,	чко	чорненький
Криви́чакъ,	чка,	чко	кривенъкий
Сиви́чакъ,	чка,	чко	сизый, сивенький
Зелени́чакъ,	чка,	чко	зелененъкий.

итъ (вить), а, о

Речеви́тъ,	а,	о	речивый
Ядови́тъ,	а,	о	ядовитый
Честитъ,	а,	о	почтенный
Людови́тъ,	а,	о	общежительный
Сердитъ,	а,	о	смелый.

ивъ, ива, иво

Незлоби́въ,	а,	о
Кровоточи́въ,	а,	о
Милостивъ,	а,	о
Чедолюби́въ,	а,	о

скъ, ска, ско
(Местописная и притяжательная)

Начéлническъ,	ска,	ско	
Пророческъ,	ска,	ско	
Кралéвскъ,	ска,	ско	
Болѣрескъ,	ска,	ско	
Господарескъ,	ска,	ско	
Владыческъ,	ска,	ско	
Божескъ,	ска,	ско	
Шуменскій,	ска,	ско	из Шумна
Терновскій,	ска,	ско	из Тернова, -ский
Дрѣнопольскій,	ска,	ско	Адрианопольский
Селунскій,	ска,	ско	Фессалоникский
Преславскій,	ска,	ско	Эски-Стамбулский
Русскій,	ска,	ско	рущукский
Старо-бѣлгарскій,	а,	о	македонский
Мисирскій,	ска,	о	египетский
Арбанасскій,	ска,	о	албанский
и проч.			

Замеч. Часто вместо прилагательных местописных употребляют предлог *отъ* с его падежом, например: *Попъ отъ Дрѣнополя, Тѣрговецъ отъ Тѣрнова* вместо *Попъ Дрѣнопольскій, Тѣрговецъ Тѣрновскій*.

овъ, ова, ово
(Мужская притяжательная)

Христовъ, а, о	Поповъ, а, о
Кральовъ, а, о	Воиновъ, а, о
Царевъ, а, о	Сосѣдовъ, а, о
Султановъ, а, о	
и проч.	и проч.

Замеч. Прилагательные притяжательные сей формы доставляют значительную часть собственных имен лиц (фамильных) и мест; в первом случае такие существительные суть *отцеменные* (*patronymica*), например: *Антоньевъ,*

Милановъ, Бойковъ и проч., а в последнем притяжательные местописные (*topographica possessiva*), напр.: *Антоново, Миланово, Бойково, Томирово, Жупаново* и проч., т.е. село. Если же название места стоит в мужском роде, тогда подразумевается *градъ*.

инь, ина, ино

(Притяжательные женской формы)

Маминъ, ина, о	Бабинъ, ина, о
Серстринъ [так!], ина, о	Царицинъ, ина. о
Кравинъ, ина. о	Башинъ, ина. о
и проч.	и проч.

Замеч. 1. И сей формы имена, как и предшествующей, суть или *матроименные* (*matronimica*) личные, или местные. Из числа сих последних упомяну о городах, основание и имя коих принадлежит болгарам: *Сегединъ* или *Сигединъ* (в Венгрии) от *Сигеда*; *Орадинъ* (там же *Arad*) от Рада, Орада; *Дебрицынъ* (*Debretzen*; по карпато-русски *Доброцынъ*) от *дебрица* там же. *Будинъ* (*Offen*) от *Буда*. *Видинъ* в Болг. от *Вида*. *Радинъ-градъ* (*Radgradъ*) в Болгарии.

Замеч. 2. Несмотря на то, что матронимические формы (*инъ, ина, ино*) притяжания весьма удобны в производстве и вместе благозвучны, богда [так!] иногда от сих имен производят притяжательное на *скій*, которое, однако, произносят как *шкій*: *кравишкій*, вм. *кравинъ* или *кравій*. Сюда относятся и *мравишкій*, *добиташкій* и некоторые другие, напр., *кравішка глава*, *мравішка работа*, *добиташко дѣле* или *їне*, *пташко піле*, т.е. муравьиная работа, детище животного, птичий [так!] птенец.

Об уравнении прлагательных

Формы уравнения окончательные не существуют, исключая превосходной степени, когда прилагательное употребляется полноформное. Сравнительная степень образуется из положительной с частицею *по*, а превосходная из положитель-

ной же с частицею *най*, например:

Полож.	Сравнит.	Превосходн.
Голъмъ, а, о	Поголъмъ, а, о	Найголъмъ, а, о
Старъ, а, о	Постаръ, а, о	Найстаръ, а, о
Добаръ, а, о	Подобаръ, а, о	Найдобаръ, а, о
Ягкъ, а, о	Поягкъ, а, о	Наягкъ, а, о
Дебель, а, о	Подебель, а, о	Найдебель, а, о
Хубавъ, а, о	Похубавъ, а, о	Найхубавъ, а, о
Гордъ, а, о	Погордъ, а, о	Найгордъ, а,
Криволявъ, а, о и проч.	Покриволявъ, а, о и проч.	Найкриволявъ, а, о и проч.

Превосходная полноформная

Найстарѣйшій, а, ее	Найчестнѣйшій, а, ее
Наймладшій, а, ее	Найхитрѣйшій, а, ее
Найдобрѣйшій, а, ее и прочие	Найлѣпшій, а, ее и проч.

Сию степень болгаре употребляют преимущественно тогда, когда, имея притязание на некоторую образованность, выражаются слогом более благородным, как это бывает в письмах и надписях писем и даже в разговоре о важных лицах, например: *Пречестнѣйшему Господину*, или *Господару Генчю Станеву, тѣрговцу отъ Габрова*; *Преподобнѣйшему Отцу Кирѣ Еѡѳиміе отъ Преславе* или *Словеснѣйшему Господину Драгомиру Даскалу (учителю) у Букурещи* или *Благонадежнѣйшему ученику N.N.* и проч.

Замеч. I. Читатель заметит, что употребление в степенях частицы *по* есть *руссизм*, ибо кто не говорит по-русски: *подобнее*, выбери *лучше*, ударь *посильнее* и т.д. со всеми почти прилагательными; или же можно сказать наоборот, что это в русском языке есть *болгаризм*.

Замеч. II. Превосходная степень еще нередко выражается и посредством наречия *твѣрдѣ* (весьма, очень), например: *твѣрдѣ ягкъ* (весьма жосток, тверд), *твѣрдѣ благоликъ* весьма красив, погож и проч.

Замеч. III. Некоторые отступают от правила:

Великъ	в сравн. имеет векѣ, ій, ветѣ, ій	превосх. найветій
Многій	-- -- више, ій	-- -- найвише
Малъ	-- -- мѣнѣ, манѣ, ій	-- -- найменшій
Добарь	-- -- лучше, ій	-- -- найлучшій

Замеч. IV. Сравнительная, а равно и превосходная степени требуют в словосочинении предлога *отъ* с его падежом, например: *Та́й е подобаръ отъ тѣхъ*, т.е. он из них добрее; *Она же́на е наймлѣда отъ сїчкіхъ* Эта женщина моложе всех прочих; *Филь е найголѣмъ отъ сїчкіхъ добитѣцы*, т.е. Слон больше всех животных; *Отъ сїчкіхъ людій е найбогатъ, кѣй юма наймалко нужды*, т.е. Из всех людей богаче тот, у кого менее нужд; и проч.

Склонение прилагательных

Единственное число

Им.	Добра [так!]	добра	добро
Род.	Доброго	доброй	доброда
	Добра	добрѣй	
Дат.	Доброму	доброй	доброму
Вин.	Доброго	добрѣ	добро
	Добръ		доброда
Тв.	Сѣсь добрѣ	добрѣ	добрѣ

Двойственное

Им. Вин.	Добра,	добре,	добра
Род. Дат.			

Множественное

Им.	Добры
Род.	Добрых
Дат.	Добрым, на добры
Вин.	Добры
Твор.	Сѣсь добры.

Замеч. Склонение прилагательных в общем своем употреблении совершенно зависит от склонения существительных, т.е. смотря как сие следует падежному или оборотному

выражению. *X* в окончании множ. род. сглажено в выговоре тем более, что *x* есть собственно то, что называют aspiration гласной *ъ*. *X* выбрасывают в род. мн. и сербы. По моему мнению следует писать род. мн. с *x*. *M* в дат. существует, но встречается редко потому, что, существительные во множ., склоняясь более *оборотно*, избегается форма сия [так!].

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Виды числительных суть следующие:

a) Качественные;

1 Единъ, една, едно	6 Шесть
2 Два, двѣ	7 Семь
3 Три	8 Осѣмъ
4 Четыре	9 Девять
5 Пять	10 Десетъ

11 Единъ на десеть	Произносят	В скором чтении
12 Два на десеть	Единайсеть	Единайсь
13 Три на десеть	Дванайсеть	Дванайсть
14 Четыре на десеть	Тринайсеть	Тринайсть
15 Пять на десеть	Четырнайсеть	Четырнайсь
16 Шесть на десеть	Петнайсеть	Петнайсть
17 Семь на десеть	Шестнайсеть	Шеснайсть
18 Осмъ на десеть	Семнайсеть	Семнайсть
19 Девять на десеть	Осмнайсеть	Осмнайсть
20 Двадесеть	Деветнайсеть	Деветнайсь
30 Тридесеть	Двайсеть	Двайсь
40 Четырдесеть	Тройсеть	Тройсь
50 Петдесеть	70 Семдесеть	
60 Шестдесеть	100 Сто, стотина	
	1000 Хиляда, тысяча.	

б) Умножительные

Еднажды – Еднаждъ, Веднаждъ, еднуждъ

Дважды – Дваждъ

Трижды — Триждъ

Четырежды – Четыриждъ

Пять путь – Пять раз, или пятью

Шесть путей

Десетъ путь

Семь путей

Двадцать путь

Осéмь пути

два́дцать путь Три́десе́ть путь

Семь путь Девять путь

Тридцать пути

Замеч. Вместо *путь* во множественном говорится и *путь*

краткости ради, например: *Аэъ бѣхъ три путь раненъ; видѣль го млѣго путь.*

в) Собирательные

Единица	Единица	Семёрица или Семища	Семерка
Двѣица	Двойка	Осмѣица	Восьмерка
Тройца	Тройка	Девятѣица	Девятка
Четвёркица	Четверка	Десетїица	Десятка
Пѣтица или		и проч.	
Пѣтица	Пятерка	Сторица	Сто их, сто
Шестырица	Шестеро их, -рка		крат или Сотня и проч.

г) Разделительные или частевые

Полови́на		
Трети́на	Треть	
Четвёрти́на	Четверть, четвертая доля	
Пяти́на	Пятая часть	
Шести́на	Шестая часть	
Семи́на	Седьмая часть	
Осми́на	Восьмая часть	
Девяти́на	Девятая часть	
Десети́на	Десятая доля, или дань 10 ^{оно} частью	
Стоти́на	Сотня	
Двѣ стотине	Двести, две сотни	
Три стотине и проч.	Триста, три сотни	
	По сей же форме:	
Мнози́на	Множество	
Кольцы́на	Количество (Какое их количество, или Сколько их?)	
Сетни́на или Сетнѣ́на	}	Oстаток

д) Порядочные

Пе́рвый, а, о	Два́десетый, а, о
Вто́рый, а, о	Три́десетый, а, о
Тре́тий, а, о	Пет́десетый, а, о
Четвéртый, а, о	Сем́десетый, а, о
Пе́тый, а, о	и проч.
Шесты́й, а, о	
Седмы́й, а, о	Се́ти́шнýй, а, о или
Осмы́й, а, о	Се́ти́шнýй, а, о
Деветы́й, а, о	Напо́кóщный, а, о
Десеты́й, а, о	
Единайсеты́й, а, о	
и проч.	

Замеч. Мужеский род порядочных не употребляется усеченно, как женск. и средний.

е) Временные (сложные)

Едноднeвенъ, вна, о	Сюда же:
Двуднeвенъ, вна, о	Многоднeвенъ Долговременный
Триднeвенъ, вна, о	Мáлкоднeвенъ Кратковременный
Четыреднeвенъ, вна, о	Катаднeвенъ Ежедневный
Петиднeвенъ, вна, о	
Стоднeвенъ, вна, о.	

Замеч. Подобным образом слагаются числительные и с другими существительными, как *лѣто* и проч., *брой* число, *четъ* число, *счет*, *брой* считаю, *броéница* четки.

МЕСТОИМЕНИЯ

A. Личные или существительные

Личные местоимения разделяются на 1) *самостоятельные*, т.е. такие, которые могут стоять без присутствия глагола, и 2) *глагольные*, которые употребляются только с глаголами.

Склонение личных

Единственное число

Самостоят.

Глагольное

Имен.	Азъ.....	Азъ
Родит.	Менè или на менè	—
Дат.	Мнѣ или на мене.....	ми
Вин.	Менè.....	ме
Твор.	сôсь или съ мене.....	—

Дв. и множественное

Имен.	Ны.....	ны
Род.	Насъ.....	—
Дат.	Намъ или на насъ.....	ны
Вин.	Насъ.....	ны
Тв.	сôсь или съ насъ	—

Единственное

Самостоятельное

Глагольное

Имен.	Ты.....	Ты
Род.	Тебè или на тебè	—
Дат.	Тебѣ или на тебе.....	ти
Вин.	Тебè.....	те
Твор.	сôсь или съ тебе	—

Дв. и множественное

Имен.	Вы.....	Вы
Род.	Васъ	—
Дат.	Вамъ или на Васъ.....	Вы
Вин.	Васъ.....	Вы
Твор.	сôсь или съ Васъ.....	—

Единственное
а) Самостоятельное

	Возвратное	Указательное личное
Имен.	Той, та, то (т.е. он, а, о)	Той, та, то (он)
Род.	Себè	Нѣго, нѣй, нѣго
Дат.	Себѣ или на себе	Нѣму, нѣй, нѣму
Вин.	Себè	$\left\{ \begin{array}{l} \text{Нѣго, нѣ} \\ \text{той, ту, то} \end{array} \right.$
Твор.	сôсь себе	$\left\{ \begin{array}{l} \text{сôсь} \\ \text{того, той} \end{array} \right. \left\{ \begin{array}{l} \text{нѣго, ней, то (нѣго)} \\ \text{того, той} \end{array} \right.$

Множественное

	Возвратное	Указательное
Имен.	Тѣ	Тѣ
Род.	Себѣ	нихъ
Дат.	Себѣ или на себе	нимъ
Вин.	Себѣ	нихъ
Твор.	сôсь себѣ	сôсь нихъ

б) Глагольное

	Возвратное	Указательное
Имен.	Той, та, то	Той, та, то
Родит.	си	го, е
Дат.	си	му, ей (или и), му
Вин.	се	го, ю (или е, я), той, тû, то
Твор.	—	— — —

	Множественное	
Имен.	Тѣ	Тѣ
Род.	си	ихъ
Дат.	си	имъ
Вин.	се	ги, и, я.

Б. Указательные
Единственное

Имен.	Той,	Ta	To, това
Род.	того	той	това

Дат.	{ тому на того	той на тѣ	тому на това
Вин.	того, той	ту	то, това
Твор.	сѣсь того	той	то

Множественное

Имен.	тѣ
Род.	тѣхъ
Дат.	тѣмъ или на тѣхъ, на тѣ
Вин.	тѣхъ, тѣ
Твор.	сѣсь тѣи, тѣхъ

Единственное

Имен.	онъ,	она	оно
Род.	оного	оной	оного, онова
Дат.	оному	оной	оному
	на оного	на ону	на оно
	на онъ		на онова
Вин.	оного	ону	оно, онова
	онъ		
Твор.	сѣ оного	оной	онова
	онъ		

Множественное

Имен.	Оные	Онт	Онеи (Она и Оныя)*
Род.	оных	(на оныхъ, на оные, онѣ, онеи)	
Дат.	онымъ	(на оныхъ, на оные, онѣ, онеи)	
Вин.	оныхъ	онѣ	онеи
		оные	
Твор.	сѣсь оныхъ	онѣ	онеи
		оные	

Замеч. I. Если болгарин желает приблизить показываемую вещь, то к указательному местоимению для большей определенности прибавляют частицу или дательный третьего лица

* Выговор двугласного окончания не всегда соблюдается один и тот же, как и в русском нередко произносят Экия добрыя Господа вместо Экие добрые. Подобные разности в устах простолюдина составляют род провинциализма. Я отметил сии варианты, так на [так!] слышал оные.

си; например: *Той-си человекъ, та си жена, то си врабче, тѣ си войници; Азъ доидохъ на тѣ си страну*, и проч. Сию частницу, по неумению или из небрежности часто пишут иные зи, а иные съ, напр., *тойзи, тойзи, тосъ*, иногда в мужском роде *този* и *тозъ*, как это бывает даже и в печатных болгарских книгах, а преимущественно в Евангелии перевода Петра Сапунова Травянина. Какой славянин, после такого правописания, узнает, угадает или поймет, что такое *този, тозъ и тосъ*. Так нередко [? неясное слово. – Г.В.] уродливое правописание придает и языку вид уродливый.

Си весьма часто употребляется тоже в тех случаях, когда какое-либо личное местоимение составляет главный смысл речения и когда происходит *указание* на оное, например:

“Кога начинахъ да познавамъ мёне си”, т.е. Когда я стал познавать *самого себя*. Или: “Той эв новцы себѣ си”, т.е. Он взял деньги для себя (*самого*). Или: “Щемъ да си животъ свой добрѣ свѣршимъ”.

Сверх сего часто употребляется и без личных, при глаголах, как *определительная* частица; например:

“Щеме да си живѣемъ мирно”, “Той стана, та отиде во своя си” и проч. Он встал и пошел прочь. *Surrexit, et ad propria temeavit*.

Надобно при сем заметить, что *си* незаметно переходит с *указания в притяжение*, о чем будет говорено ниже в Притяжательных.

Не должно при том смешивать с местоимением *си* второе лицо *си* глагола *самъ* (*есмь*), употребляемое в сложных прошедших временах.

Замеч. II. Если же указание усиливается или если говорящий ударяет на какой-либо предмет в своем речении, то к существительному, на которое он ударяет, прилагает указательное *той*, *та*, *то*, во мн. *тѣ* и согласует в роде и числе, напр. *рука-та, сердце-то, людие-тѣ*. В мужском роде, где имена оканчиваются на ь, ъ и ѹ, по неудобности приложить *той* по стечению согласных, то отбрасывается *ои*, а на место ь ставится *а*, а на место ъ и ѹ: *я*; например: *Человѣкать, ножатъ, царятъ, случаять*. В двойственном принимает

форму своего существительного: *два человѣка-та*, *два ножа-та*; *рѣцѣ-тѣ*, *жене-те*, а во множественном форму собственную: *человѣцы-тѣ*, *ножи-тѣ*, *царіе-тѣ*, *жены-тѣ*. С средними, однако, на *та*: *сердца-та* и проч.

Если же ударение речения находится на прилагательном, то сия указательная частица переходит к оному от существительного, например: “Человѣк-атъ е найгбренъ отъ сичкихъ добитаци”. Здесь ударение речения находится в слове *человѣкъ*, ибо указывается, что из животных благороднее всех *человек*, т.е. во множестве животных указывается на *человека*. Но если следует выразиться: *великие люди рождаются веками*, тогда в числе людей указывается на *великих*, точно так и выражается болгарин: “Голѣмы-тѣ *человѣцы* рождаять се сбѣсъ вѣкове”.

В словенском наречии сие местоимение потеряло свое указательное значение и употребляется со всяkim именем сущ. почти только как член подобно греческому *то* или немецкому *der*. В словакском, чешском и других употребляется как указательное, а вообще во всех стоит перед существительными, кроме болгарского и русского, в коих *указание* перешло в *ударение* речения и ставится в обоих позади имен.

Посему это обыкновение или черта в языке болгарском есть *жестокий russизм*; кто не знает, что и в русском (посторечии), т.е. естественном наречии, часто говорится: *человекат*, *ножат*, *рука-та*, *дело-то* и проч., а даже и с глаголами: *делать-то* нечего, *писать-то* не хочется, *денег-то* нет и проч. и проч.

Впрочем русские не всегда означают сим указанием ударение речения, как можно видеть из сравнения вышеприведенного примера: *великие люди рождаются веками*, в котором нет указания на слово *великие*, как в болгарском. Можно сказать, что болгаре постояннее или чаще по крайней мере ударяют сею частицею свои речения. Посему, наоборот, можно бы сказать, что *ножат*, *рука-та*, *дело-то* в русском языке есть *болгаризм* (все равно; ведь болгаре и так суть русское племя, русские выходцы). Притом *то* в русском напирает особенно на смысл или указание при *повторении* данного имени или в

возразительном обороте, как в следующем – Иван: *Купи на деньги*. Петр: *Купил бы я, да денег-то нет*.

Заметить должно еще и то, что вообще не всякое речение по свойству своему имеет или требует ударения, например, подобное следующему: Всякий человек должен почитать Бога. “*Съкій чловѣкъ трѣбова да почитѣ Бога*”. Посему и в болгарском не всякое речение *ударяется*. Необходимость ударения происходит от особенного отношения одной мысли к другой, одного речения к другому, из расположения периода вообще; здравомыслie человека отыскивает, обозначает и ударяет то слово указанием, в котором именно оттеняется смысл речения.

Хотя часто (или почти всегда) сам инстинкт, так сказать, или *языковедная ощущ* научает ударять речение, однако из вышесказанного очевидно, что определение или ударение смысла в письме требует знания языка и риторики, а преимущественно *умения писать* правильно, т.е. сообразно со свойствами языка. Итак, к числу всех неправильностей и погрешек пишущих болгар против их языка (погрешек, обыкновенно происходящих от филологической необразованности) принадлежит и неправильное употребление сего указательного местоимения, ибо между тем как простой болгарин по одному инстинкту употребляет указание там только, где оно нужно, пишущий, не зная грамматики своего языка, весьма часто ставит оное, без нужды, там, где оно не годится, как это можно заметить более или менее у писавших доселе, но преимущественно в переводе Н. Завета *П.Сапунова*.

Впрочем я должен заметить, что, прислушиваясь к разговору болгар из разных областей, менее встречал я сие местоимение как ударение в речах западных и македонских болгар, чем у восточных. Сюда относится и то, что я сказал уже выше в своем месте о правильности и чистоте болгарского языка относительно к областям.

Кто-то, видя в болгарской книжке частое, хотя нелепое, повторение сего указательного местоимения, принял оное за член *задисловный*, но несправедливо.

Само собою явствует, что *ударение* речения или указание необходимо только в особенных случаях и что посему чем реже оно употребляется, тем естественнее, тем оно правильнее. Замечание весьма важное и нужное болгарским писателям и переводчикам.

В. Притяжательные

	Дв.	мое	Мн.	мои
1. Мой, моя, мое				
2. Твой, твоя, твое				
3. { <i>Возр.</i> Свой, своя, свое				
<i>Прям.</i> муж. Нѣговъ, нѣгова, нѣгово				
<i>Прям.</i> женское. Нѣнъ, нѣна, нѣнио				
1. Нашъ, наша, наше				
2. Вашъ, ваша, ваше				
3. <i>Возв.</i> Свой				
<i>Прям.</i> Тѣхенъ, тѣхна, тѣхно				
			тѣхне	тѣхны.

Замеч. Из родительного *нѣго* (его), *нѣй* (ея) и множественного *тѣхъ* (их) образовались прекрасные притяжательные местоимения *нѣговъ*, *нѣнъ* и *тѣхенъ*, которые всегда употребляются там, где в русском *его*, *ея*, *его* или *их* стоит. Впрочем и в русском есть подобный *болгаризм* в просторечии в слове *ихний, ихняя, ихнее*.

Свой употребляется только при третьем лице, а не как в русском и с прочими. Поелику дательный в болгарском выражать может и притяжение, то вместо притяжательно-прилагательного *свой* почти чаще употребляют дательный 3го возвратного лица *си*, например:

“Той продадѣ күщѣ *си*”. Он продал дом свой.

“Тѣ видѣха бащѣ *си*”. Они видели отца своего. И проч.

Замечательно, однако, что *си* говорят и с вторым лицом: “Продай ми күщѣ *си* и күщѣ *ти*”.

Подобным образом и остальные личные глагольные весьма часто в дательном заменяют притяжательные, например:

“Майка *му* бѣше Анфуса”. Мать *его* была Анфуса.

“Баща *ти* є твѣрдѣ добарь”. *Твой* отец весьма добр.

“Сестрѣ *ми* є умрѣла”. Сестра *моя* скончалась.

“Гайдұты зѣха и сички дрехи”. Разбойники отняли у нее все *ее* вещи.

“Баша ны отъидошь на Цариградъ”. Отец *наш* поехал в Царьград.

И проч. И проч.

Н.В. Глагольные третьего лица могут быть заменены следующим еще образом.

“Майка нѣрова бѣше Анфуса”. “Гайдуты зѣха сички нѣины дрехи”.

О частом употреблении дательного глагольных

Сверх сего случая притяжания дательный глагольных местоимений весьма часто употребляется, по-видимому, без нужды, по навыку языка и там, где, по русскому переводу, он был бы не нужен, например:

“Що *ми* кажешь, побратиме!” Выражение удивления: Что вы говорите!

“Щешь да *си* пѣешь”? Желаешь ли петь?

“Гайди море! Да *ми* дадешь вечерю”. Пойди дай ужинать.

“Дойді при меңе да *си* зѣмешь пары”. Приходи ко мне и возьми деньги.

И проч. И проч.

Вследствие сего пристрастия к глагольным местоимениям в дательном падеже часто случается, что в одном и том же речении повторяется одно и то же местоимение, в одном и том же падеже в разных, однако, смыслах, например:

“Той отъидѣ на Преславу да *си* зѣме майкү *си*”. Он поехал в Преславу взять матерью свою.

“Ако те оженимъ, щемъ да *ти* приведемъ жену на күшү *ти*”. Т.е.: Если женим тебя, то введем невесту в дом твой.

И проч. И проч.

* * *

Склонение притяжательных происходит сообразно со склонением имен прилагательных, посему не представляет ничего особенно замечательного.

Г. Относительные и вопросительные

Относительное местоимение, равно как и вопросительное, бывает двоякое, личное *кой*, *коя*, *кое* и вещественное *що*. Делаю сие различие, хотя оно и не всегда соблюдается в точности.

Единственное

Имен.	Кой,	коя,	кое
Род.	Кого,	коë,	кого
Дат.	Кому,	коей,	на кое
	на кого, на кой	на коö	
Вин.	Kого	коö,	кое
	Кой		
Тв.	сöсь кого,	коë,	кое
	кой		

Множественное

Имен.	Кои, коя
Род.	Коихъ
Дат.	Коимъ, на коихъ, на кои, кое
Вин.	Коихъ, кои, коя
Твор.	сöсь коихъ, кои

Замеч. Часто вместо *кой* в относительном смысле употребляется *що* и *дѣто* или *дѣто*, которые, однако, во всех падежах остаются неизменными, например:

“Человѣкъ, дѣто дохождаше оть Преславы, умрѣ”, т.е.: Человек, который ехал из Эски-Стамбула, умер, положим, на дороге; или:

“Громъ и блáсканье, що бѣше вчера, уплáшиха много людіе”, т.е.: Гром и молния, которые были вчера, перепугали много народу; или:

“Сеймены, що дойдоха на селo, уловиха много кырджалий”, т.е.: Сеймены (областные стражи), которые пришли в село, перехватили многих горских разбойников; и проч. и проч.

Как *кой* склоняются и следующие:

Какъвъ,	каквà,	каквò	какой?
Нѣкакавъ,	нѣкаква,	нѣкакво	некоторый
Никой,	нико́я,	никое	никто, никакой
Нѣкой,	нѣкоя,	нѣкое	некоторый

Следующие не склоняются:

Що (чит. что)	что
Нѣщо	нечто
Ніщо	ничто

Сии местоимения не склоняются потому, что не могут иметь родительного падежа, ни дательного, не имея возможности ни *оказывать*, ни *принимать* притяжение. Смысл же падежей выражается *оборотно*, т.е. с предлогами, как и существительных имен, например: “Отъ що си кѣхѣрна?”. От *чего* ты печальна?; “Защо не читешь?” Почему не читаешь?; “За що ми хортувашь?” О *чем* ты мне говоришь?

Таким образом и *нѣцо*, и *ніцо*, напр.: “Съядохъ мѣлко нѣщо”. Я поел немного. “Да ми дадёте нѣщо мѣлко пары”. Одолжите *что-либо* денег; “И мѣлко нѣщо не бѣва отъ нїцо”. И безделица не делается из *ничего*. И проч. И проч.

О ГЛАГОЛАХ

Не стану здесь объяснять, что такое глагол, спряжение, наклонение, время, число и лицо; что глаголы у болгар, также как и у других славян, бывают действительные, средние, возвратные и взаимные; но приступаю к изложению важнейших особенностей сей части болгарской речи.

О категориях глаголов (Общее замечание)

Трудно или почти невозможно распределить болгарские глаголы на спряжения и формы, не изложивши прежде общих категорий глаголов, которые в особенности принадлежат не только болгарам, но вообще и другим славянским наречиям.

Известно, что грамматические формы глаголов образованы для выражения времени. Это есть общее и простейшее понятие языковедов о глаголах вообще. В этом отношении довольно было бы *трех* глагольных форм настоящего, прошедшего и будущего времени. Преходящее и давнопрощедшее существуют для особенных надобностей, напр. первое для выражения прошедшей современности, а последнее для более отдаленного времени прошедшего. Вот первая потребность языка, довольно удовлетворяемая во многих языках одними упомянутыми пятью временами.

Славянин, однако, сверх сего определения форм *относительно к времени*, определяет оные еще с другой точки зрения, а именно *относительно к свойству действия*, т.е. подразделяет еще упомянутые части времени (прошедшую, настоящую и будущую) согласно с образом и свойством действия. Итак здесь упомянем

О различии разных действий, производящем различие в формах

Поелику всякое действие (состояние или страдание, все равно) происходит в большее или меньшее продолжение времени, то выходит, что действиями только именно и можно более определять или подразделять времена.

Большее или меньшее количество времени, нужное для совершения действия, можно назвать *продолжительностью* действия. Само собою разумеется, что продолжительность действий бывает весьма разнообразна, согласно с разными способами, коими они происходят, так что одно действие может совершиться в продолжение одной минуты, напр., *стучу*, или в продолжение только целого часа, напр., *обедаю*. Таким образом, можно составить, так сказать, лестницу из глаголов, начиная с самых непродолжительных и выходя к самым продолжительным, и если разделить сию лес[т]ницу глаголов на двое, то выйдут два общие разряда глаголов *кратковременных* и *долговременных*.

Самое кратковременное действие совершается в одно *мгновение*, напр., *мигаю*, а самое долговременное (положим хоть примерно) в продолжение целого дня, напр., *жну, кошу*; говорим про кого-либо в настоящем, что *жнет*, или *косит*, подразумевая время действия с утра до вечера; посему в пределах настоящего, согласно с образом действия, может находиться не только *миг* ока, но и целый день.

Итак, *настоящее* продолжается до тех пор, пока продолжается и какое-либо действие или состояние или страдание, так что в раму настоящего входить может значительное пространство времени, напр., *целый год* и более, напр., *целый год страдаю*; или *пишу историю*, можно подразумевать два года; или с тех пор *занимаю* эту должность, т.е. пять лет.

Есть языки, которые не вмещают значительного времени в раму *настоящего*, и хотя бы действие еще и продолжалось, охотнее выражаются *преходящим* или даже *прошедшем*. Но у славянина, который столь естественен и точен в своих выражениях.

Происходящая посему разновременность настоящих времен вводит некоторым образом подразделение оных на два рода *настоящих*:

1) Есть действия или глаголы, коими буквально выражается то самое время, в которое говорится о действии, напр., *ломлю, паду, движу, шлю* и пр. Рама настоящего сих

* [Так! предложение не закончено. — Г.В.]

действий или глаголов непродолжительна, действие совершается в короткое определенное время; посему подобные глаголы суть ограниченные, *определенные*: итак, действие ограничено во времени, а глагол в окончании или форме.

2) Если же рама настоящего в нашем понятии делается обширнее, долговременнее, так что исчезает в ней кратковременность, определенность настоящего, от того что может быть понимаема по произволу слушающего; если действие не тогда совершается, когда о нем говорится, а может быть отнесено равным образом и к другим дням прошедшем или будущим по состоянию обстоятельств, напр., *ломаю, падаю,двигаю, посылаю* и пр. (Я за говядиной посылаю в город N.N. Камень для стройки ломаю в N.N.). Здесь в *посылаю* и *ломаю* ни рама настоящего *не определена*, ни же выражена и самая настоящность. Посему и глаголы сии, или лучше сказать формы, суть *неопределенные*.

* * *

Наконец, действия или глаголы еще подразделяются на два разряда с особенной точки зрения, т.е. действие может [быть] или *простое* и [ли] *повторяемое*.

1) *Простое* есть то, которое однажды только начинается и однажды оканчивается, посему заключается в себе *одну* только рамку настоящего, или одно настоящее, которое посему и называется *однократным*, напр., *паду, кладу*. Такие глаголы суть *однократные*.

2) Если же действие несколько раз начинается и несколько раз оканчивается, то настоящее бывает *многократное*, напр., *падываю, кладываю* и пр. Такие глаголы суть *многократные* или *повторительные*.

Итак, в трояком сем отношении действия один и тот глагол бывает троякий:

- 1) кратковременный или долговременный,
- 2) определенный или неопределенный,
- 3) однократный или многократный.

Здесь заметить должно, что кратковременные глаголы часто бывают вместе и определенные, по причине самой непродолжительности времени их действия, а долговременные суть

часто неопределенные; наконец, с определенным согласуются и однократные, а с неопределенными многократные. Впрочем, хотя и часто встречается по два подобных качества в одном и том же глаголе или форме, не следует, однако, смешивать сии три разных категории глаголов.

Из сего взаимного *тройного* отношения в существенных значениях глаголов усмотреть можно, что глагол вообще может быть

- 1) кратковременный определенный,
- 2) кратковременный однократный,
- 3) кратковременный неопределенный,
- 4) кратковременный многократный,
- 5) определенный однократный,
- 6) определенный долговременный,
- 7) определенный многократный,
- 8) однократный долговременный,
- 9) однократный неопределенный.

Из вышеприведенного видно, что поелику три главные категории в своем подразделении сходны между собою аналогически, то язык, в создании форм *настоящего*, вместо обременительных *девяти*, весьма удобно мог удовлетвориться *тремя*. Назовем оные *определенную*, *неопределенную* и *многократную*. Итак, формы или категории сии суть следующие:

I	II	III
Определ.	Неопредел.	Многократ.
у, ю	аю, ею	ываю
паду	падаю	падываю
ломлю	ломаю	ламываю
белю	белею	побеливаю
и проч.	и проч.	и проч.

Достойно замечания то, что язык славянский по мере рас-tяжения действия растягивает и глаголы свои! Всякий заметит, что определенные, кратковременные или однократные глаголы обыкновенно состоят из одного слова, например: *пру*, *прю*, *эву*, *клю*, *мну*, *тру*, *мру* и проч. или же для облегчения выговора из двух, напр., *зову*, *перу*, *паду*, *беру* и проч.

Сии-то кратковременные глаголы в словоизводном значении называют *корнями* или *простыми* глаголами.

Само собою разумеется, что не всякий глагол может иметь все три упомянутые формы, ибо не всякое действие, по свойству своему, может удобно подразделяться, т.е. не всякое действие может быть вместе и кратковременно, и долговременно, и многократно. Так, напр., *мигаю* есть вторая, т.е. неопределенная форма; сей глагол не имеет простой своей формы потому, что действие *делать миг* столь кратковременно, что совершаются скорее, нежели выговорить можно глагол, означающий оное; а посему словом нельзяхватить *настоящего* сего действия, которое тотчас уже делается прошедшим, в смысле коего равно как и будущего удобно говориться простою формою: я *мигнул*, я *мигну*. Таким образом, *простой* глагол, имея прошедшее и будущее, не имеет настоящего единственного по чрезмерной кратковременности действия оного. Так же и *сплю* не может иметь формы многократной потому, что спанье есть уже действие, коего повторение до самой смерти не может подать причины означать многократность оного. Так и *жну* не имеет формы многократной, а только в сложно-производных принимает форму неопределенную: *жну* глагол простой, может быть однократным и определенным, но не кратковременным.

Таким образом, всякий глагол отнести можно к какой-либо из вышеприведенных *девяти* аналитических категорий. Славянский язык, а от лица его преимущественно болгарский, создал достаточное количество форм для точнейшего изображения действий в строгом их значении; и там только глагол не употребителен по данной форме, где действие в натуре невозможно, или неестественно или же не выражимо по той данной форме. Я не знаю, какой другой язык, кроме славянского, мог дойти до такой строгой определительности.

О предлогах, входящих в состав форм, или о временах предложных

Отношение предлогов к разным действиям весьма

* [Над двоеточием написано *аю.* — Г.В.].

разнообразно, но не подлежит при том особым правилам. Вообще предлог своим значением придает глаголу или более силы или более определенности, или же уничтожает определенность, либо однократность оного. Посему предлог играет важнейшую роль в производстве глагольного возрастания или образования и, наконец, подмогает подразделять или выражать времена. Вторая, т.е. неопределенная, форма многих глаголов не может быть или по крайней мере не употребляется без предлога, напр.

	I	II	
	шию	посылаю	
	режу	изрезаю	
		и проч.	
или	I	III Многократная	
	пишу	писыываю	
		и проч.	

Замечательно, что в настоящем предлоги не прилагаются к простой форме, но в прошедшем и будущем могут сохранять определенность оной, напр., *послал*, *пошли*. Разумеется, что иные глаголы требуют иных предлогов, напр., *паду*, *упал*, *делаю*, *сделал*, *иду*, *шел*, а [в] будущем *упаду*, *сделаю*, *пойду* и пр.

Н.В. Как сии предлоги суть, так сказать, *вспомогательные* при простых глаголах, то не должно их смешивать с предлогами, которые входят в состав сложных глаголов, дают им особенное значение и сопровождают глагол во всех наклонениях и временах. Посмотрим на разницу определения в глаголах *подельваю* (вместо *дельваю*) и *придельваю*. Первый предлог помогает просто выразить категорию многократности, а последний, удерживая свое значение, сообщает оное и глаголу. Таким образом, предлоги, в их отношении к глаголам, разделить можно на *категорические* и *слагательные*.

О спряжении категорий

Наконец, заметим, что все три формы глагольных

определенностей спрягаются особо:

	I	II	III
Наст.	паду	падаю	падываю
Прош.	пал	падал	падывал
Предл.	упал	упадал	упадывал
Буд.	падну или упаду	буду падать	буду падывать

Из сего видно различие между спряжением глагола славянского и спряжениями других европейских языков, а в пример возьмем латинского. Между тем как сей последний соблюдает только меру времени между действиями, то первый обращает внимание сверх 1) меры времени между действий и на 2) продолжительность или мере самого действия, 3) на определенность оного и 4) на учащаемость оного же.

Мне кажется, что славянские филологи не отличали с точностью сего *тройного спряжения* славянских глаголов, и поелику грамматики славянских наречий составляемы были по образцу латинской, в коей нет тройного спряжения, то из *six трех спряжений*, в соответственность латинскому, образовано *одно*, т.е. введены латинские термины *прходящего* и *давнопрошедшего* (*Imperfectum et Plusquam Perfectum*), и для первого взято прошедшее *неопределенной* формы, а для второго прошедшее *многократной*.

Замечательная впрочем вещь, что латинский язык, который я, по строгом и критическом сравнении с другими языками, нахожу полуславянским, в теории своих глаголов во многом сохранил формы славянские. Между прочим и следующее. Мы видели, что в возрастании своем, а преимущественно в многократной категории (впрочем иногда и в неопределенной), наши глаголы придерживаются характеристической согласной *в* (*аваю, ываю, иваю*), и это же самое *в* (*b*, которое римляне, как известно, произносили и за *v*) латинец сохраняет в проходящем *atavat, docebam*. Мы припомним тоже, что многократное наше латынец чаще всего выражает проходящим, напр., *Cicero dicebat* Цицерон говоривал. И проч.

Как бы то ни было, но нам не следовало обшипывать свое *тройное спряжение* в угодность латинскому, которое можно бы подозревать в свою очередь из обломков тройного спряжения.

Впрочем как не всякий простой глагол может иметь все три упомянутые формы спряжения (ибо не всякое действие

удоборазделимо), то дело уже будет пространной грамматики вычислять все глаголы *тройного, двойного и простого* спряжений (ибо есть и такие, кои не имеют или неопредел. или многократной формы, а иные ни той, ни другой, а иные опять только некоторые времена той или другой формы). Это можно сделать тем легче, что тройность спряжения можно искать только в простых глаголах, а простых глаголов у славян немного. Грамматик тоже отметит, какие глаголы с какими *вспомогательными* предлогами употребляются. Тогда-то всякий учащийся легко сможет себе соединить все три сии спряжения в одно общее в любом для него порядке всегда с тем условием, что в куче форм или времен всякую порознь он будет отличать и давать ей настоящее значение и название. Таким образом, *тройное* спряжение он может превращать в *общее* или общее в *тройное* или *двойное*. Сложные глаголы не имеют тройственности в спряжении потому, что они сами по себе бывают большею частью формы производной.

Н.В. Сии общие замечания на теорию возрастания славянских глаголов я пояснил русскими примерами, *во-первых*, потому, что это относится не только к болгарским, но и к русским глаголам, *во-вторых*, что, излагая мысли свои об общих началах, для русского читателя я мог ощущительнее оттенять и покреплять оные только русскими примерами, несмотря на то, что замечания сии относятся к болгарским глаголам.

Формы возрастания болгарских глаголов

Болгарские формы глагольного возрастания как в неопределенной, так и в многократной категории усечены одним слогом, т.е. *ю* окончательное заменено согласною *мъ*. Посему

1) в неопределенной окончательная гласная простого глагола заменяется формою *амъ*;

2) таким же образом и в многократной формою *увамъ*, например:

I	II	III
падû	падамъ	падувамъ
четû	почитамъ	по/чтувамъ
гинû	загинамъ	загинувамъ
минû	минамъ	минувамъ

Замеч. I. Многие простые глаголы, которые в русском еще употребляются, в болгарском заменены производными.

II. Весьма нередко глаголы многократной формы употребляются в значении неопределенных.

Тройное спряжение

	I	II	III
Время	<i>Прост.</i>	<i>Неопредел.</i>	<i>Многокр.</i>
Настоя[щее]	паду	падамъ	падувамъ
Прошедшие	падохъ падиахъ упадохъ	падахъ упадахъ	падувахъ упадувахъ
Будущее	паднû упадû	щû пада	щû падува

Каждое из сих трех спряжений пополняется еще сложными временами из причастий прошедших и вспомогательного *сâмъ* (*есмъ*).

О формах сложно-производных глаголов

Сложно-производные глаголы принимают одну из производных форм глагольного возраствания, т.е. или неопределенную *амъ* или многократную *увамъ*.

В первом случае образование сложно-производных глаголов весьма легко, где окончательное *у* простых глаголов или корней заменяется через *амъ*, а *ю* через *ямъ*, например, следующие:

досéгамъ	достигаю	достигамъ	suffire
присéгамъ	присягаю	претвáрямъ	изменяю
притúрямъ	прикидываю	приговáрямъ	приповедаю
оттúрямъ	откидываю	изгóнямъ	изгоняю
облéкамъ	одеваю	пригбóнямъ	пригоняю
обтéкамъ	обтекаю	укráшамъ	украшаю
притéкамъ	призываю	отвалямъ	отдвигаю
развáлямъ	разрушаю	припáлямъ	прижигаю
заповéдамъ	запрещаю	запáлямъ	запаливаю

закачамъ	трогаю, обижаю	приколямъ	прикальваю
совѣршамъ	исполняю	закоблямъ	закалю
относимъ	отношу	уцѣнямъ	нанимаю,
			торгуюся
донбсямъ	приношу	изѣккамъ	иссекаю
разварямъ	развариваю	приставямъ	приставляю
присѣляемъ	насильствую	охранямъ	охраняю
прирекамъ	приговариваю	подканямъ	упрекаю
изрѣкамъ	изрекаю	прорекамъ	предсказываю
	и проч.		и проч.

Или же образуются из простых – производных второй формы тройного спряжения только через прибавление предлога, напр.:

хыркамъ	– прихыркамъ	срѣщамъ	– присрѣщамъ
тупкамъ	– притупкамъ	бацамъ	– забацамъ
фѣрлямъ	– отфѣрлямъ	падамъ	– припадамъ
хващамъ	– похващамъ	дигамъ	– придигамъ
чакамъ	– dochакамъ	и проч.	и проч.

Другие простые глаголы, во время своего переложения в сложно-производные, подвергаются некоторому изменению и суть обыкновенно простые односложные, в коих первая согласная есть твердая или же только занимает место твердой, а вторая мягкая, как в *пру* и проч. В производстве сии глаголы получают гласную и посреди двух своих согласных, а окончание *у* заменяют формою *амъ*, напр.:

прѣ – отпїрамъ, препїрамъ, запїрамъ, впїрамъ, подпїрамъ;

мрѣ – умирамъ;

трѣ – оттїрамъ, притїрамъ, обтїрамъ, затїрамъ, втирамъ;

мнѣ – премїнамъ, замїнамъ;

врѣ (киплю, fe-vruo) – завїрамъ, извїрамъ (избрасываю), отвирамъ, вѣзвїрамъ;

зрю – презїрамъ, призїрамъ, зазїрамъ, дозїрамъ, обзїрамъ;

пнû – препíнамъ, запíнамъ, распíнамъ, отпинамъ
и проч.

Сюда же отнести можно и те, которые, для удобности в произношении, в простой форме имеют уже посреди двух согласных *e*, напр.:

беру – разбíрамъ, прибирамъ, отбирамъ, забирамъ;

жегû – прижíгамъ, отжíгамъ, дожíгамъ, разжигамъ;

четû – причítамъ, почítамъ, дочитамъ, исчитамъ, зачи-
тамъ;

кленû – прокlíнамъ, закlíнамъ, покlíнамъ
и проч. и проч.

О многократной

Многократная, коей главный признак есть согласная *v*, относительно предшествующей сему *v* гласной, подразделяется на несколько форм, которые зависят от особенных условий простых или коренных глаголов. Посему многократные формы обыкновенно бывают следующие: *авамъ* (*явамъ*), *твамъ*, *ивамъ* (*ывамъ*), *овамъ*, *увамъ*. Или же гласный перед *v* выпускается, и тогда *v* стоит с согласною, напр., *свамъ* и проч.

Поясним сие вкратце примерами.

1) Коренные глаголы, имеющие гласную или полугласную *ї* перед окончательною *ю*, то сию последнюю превращают в *вамъ*, так что из стечения букв происходит *ивамъ*; например:

біô – разбíвамъ, отбíвамъ, прибíвамъ, избíвамъ, под-
бíвамъ, сбíвамъ, набíвамъ, вбíвамъ, оббíвамъ, надбíвамъ,
побíвамъ, пробíвамъ, добíвамъ, убíвамъ;

ліô – разливамъ, отли́вамъ, прили́вамъ, изли́вамъ, под-
ливамъ, слíвамъ, нали́вамъ, вли́вамъ, обли́вамъ, поли́вамъ,
проли́вамъ;

піô – разпíвамъ, отпíвамъ, изпíвамъ, напивамъ, про-
пíвамъ, запивамъ;

шіô – разши́вамъ, отши́вамъ, приши́вамъ, изши́вамъ, под-
ши́вамъ, оши́вамъ, наши́вамъ, обши́вамъ, зашивамъ, надши-
вамъ и проч.

віо – разви́вамъ, отви́вамъ, приви́вамъ, изви́вамъ, подви́вамъ, нави́вамъ, обви́вамъ, зави́вамъ;
и проч.

Сюда же относятся и кончавшиеся на ыю:

крыо – покры́вамъ, прикры́вамъ, открывамъ, закрывамъ, вбокрыва́мъ;

мыо – отмы́вамъ, помывамъ, домывамъ, умывамъ, смы́вамъ;

рыо – отрывамъ, порывамъ, изрывамъ;

и проч.

Сверх сего еще производные от прошедшего существительного глагола сâmъ (*есмъ*) третьего лица бы (*быхъ, быши, бы*):

простое производное: бывамъ,

сложно-производные: пребывамъ, прибывамъ, отбывамъ и проч.

2) Глаголы, коих простые формы оканчиваются на щу, шу, ню, лю, блю (употребительны ли они или нет, все равно) в производстве принимают аевамъ или явамъ, например:

гощавамъ	погублявамъ
угощавамъ	искусявшамъ
отгощавамъ	полюблявшамъ
прощавамъ	пороблявшамъ
прелщавамъ	изгонявшамъ
постщáвамъ	отгонявшамъ
утышавамъ	наполнявшамъ
насыщавамъ	големявшамъ
пресыщавамъ	измѣрявшамъ
украшавамъ	и проч.
срѣщавамъ	
умножавамъ	
и проч.	

Сюда отнести можно и производные от

стою – приставамъ, отставамъ, заставамъ, наставамъ, ставамъ;

знамъ – признавамъ, познавамъ, узнавамъ и проч.

Замеч. Некоторые глаголы, произносимые на *явамъ*, пишутся иногда *ѣвамъ*, о чём ниже.

3) Глаголы, имеющие перед окончательным *ю* гласную *ѣ*, в производстве принимают форму, начинающуюся с *ѣ*: *ѣвамъ*; например:

скудѣю – прискудѣвамъ, оскудѣвамъ;

разумѣю – уразумѣвамъ, подразумѣвамъ, доразумѣвамъ и проч.;

жѣднѣю – ужѣднѣвамъ, зажѣднѣвамъ, изжѣднѣвамъ, пре-жѣднѣвамъ;

гладнѣю – огладнѣвамъ или угладнѣвамъ, загладнѣвамъ, прегладнѣвамъ;

пѣю – распѣвамъ, припѣвамъ, напѣвамъ, запѣвамъ, отпѣвамъ и проч.

смѣю – присмѣвамъ се, осмѣвамъ, засмѣвамъ и проч.

сѣю – заѣвамъ, присѣвамъ, отсѣвамъ, насѣвамъ, усѣвамъ и проч.

И проч.

Замеч. Если перед *ѣ* стоит согласная удобо-умягчимая, напр., *н*, *л*, *đ* или *м*, то нередко *ѣ* произносят за *я*, напр.: *ожѣднявамъ*, *огладнявамъ*, *присмѣжамъ се*, *уразумявшамъ*. Если же *п* или *б* хотят умягчить, то ставится к нему *л* буква самая удобо умягчимая, напр., *ослѣплѣжамъ*. Впрочем это изменение в выговоре *ѣ* на *я* есть просто производное, так сказать, провинциальное, ибо оно произносится и за *е*, а в правописании постоянно пишется *ѣ*, которое впрочем в коренных или простых глаголах постоянно произносится за *е*. Иные же *ѣ*, если оно находится после неумягчимого согласного, произносят даже за *у*, напр., *ослѣпувамъ*.

При сем нельзя здесь не заметить, что и русский язык в своих сложно-производных сохраняет сию болгарскую норму выговора; так от *слепею* говорит *ослепляюсь*, между тем как от *стареюсь* – удерживает *е*: *состареваюсь*.

Происходящее здесь от умягчения *явамъ* не должно смешивать с *явамъ* предшествующей формы, ибо в сей форме *я*, произносимое произвольно за *ѣ*, есть только близкозвучие, и

глаголы сей формы в прошедшем простом и в причастиях удерживают свое *ѣ*, напр., *ожаднѣвамъ* или *ожаднявамъ*, прош. *ожаднѣхъ* или *самъ ожаднѣль*; между тем как *изгонявамъ* по предшествующей форме имеет в прош. *изгнаныхъ*, *самъ изгналъ*.

4) Глаголы коренные, имеющие *у* перед окончательным *ю*, удерживают оное и в производстве; например:

- чую — чувамъ, причувамъ, дочувамъ;
- обувамъ, изузавамъ;
- псуваамъ, запсуваамъ, приспуваамъ;
- блюю изблювамъ, облювахъ, наблювамъ;
- минувамъ, преминувамъ, заминувамъ, приминувахъ;
- цѣлувамъ, поцѣлувамъ, изцѣлувамъ, зацѣлувамъ;
- лѣкувамъ, излѣкувамъ, залѣкувамъ, прелѣкувамъ;
- милую милувамъ, помилувамъ, премилувамъ
- и проч.

Сюда принадлежат и те, которые соответствуют производным русским на *ую*:

пладнўвамъ	готувамъ
слугўвамъ	приготувамъ
трѣбувамъ	заготувамъ
дарўвамъ	уготувамъ
керувамъ	тôргувамъ
празднувамъ	
привезувамъ	
врачювамъ	
купўвамъ	
вѣрувамъ	
радувамъ се	
и проч. проч.	

Так же *плувамъ* (*плыву*) с его сложными: *преплувамъ*, *доплувамъ*, *приплувамъ*, *заплувамъ*, *отплувамъ*.

Сверх сего сложно-производные от неопределенной формы на *амъ*:

пометувамъ	помѣнувамъ
------------	------------

подскачивамъ
истекувамъ
и проч.

просвѣтювамъ
пожинувамъ
и проч.

Некоторые в производстве выбрасывают *y*, напр.:

Кажу́ – казувамъ, приказувамъ или приказвамъ, наказувамъ, показувамъ, закаузувамъ, указувамъ и т.д.

рѣзю – изрѣзвамъ, изприрѣзвамъ, прерѣзвамъ, надрѣзвамъ, подрѣзвамъ, зарѣзвамъ, порѣзвамъ;

лѣзу – излѣзвамъ, отлѣзвамъ, надлѣзвамъ, подлѣзвамъ, долѣзвамъ, залѣзвамъ, прилѣзвамъ;

пишу – исписувамъ, отписувамъ, написувамъ, приписувамъ, надписувамъ, подписувамъ, описувамъ, пописувамъ, записувамъ, предписувамъ, дописувамъ.

Так же: исчезувамъ и др. подобные.

5) На *овамъ* образуются весьма немногие, ибо о часто произносят как *y*, как, напр., в следующем: *приготувамъ* вм. *приготовамъ*. Можно сказать, что многие глаголы сей формы перешли к предшествующей единственно по поводу выговора; впрочем многие же из них в прошедшем возвращаются к своему *o*, так, напр., *приготовихъ* и даже *приготвихъ*, *уготовихъ*. Вообще же те, которые прошедшее имеют на *ихъ*, можно произносить не только на *увамъ*, но и на *овамъ*. Впрочем *опитовамъ* не принимает *y*.

6) *Средняя форма*. Глаголы простые, оканчивающиеся на *дѣ* и *дѣю* (в русск. *жу*), сей слог переменяют на *ждамъ*:

водї – развождамъ, отвождамъ, привождамъ, извождамъ, подвождамъ, свождамъ, навождамъ, довождамъ, обвождамъ, завождамъ;

ходї – расхождамъ, отхождамъ, прихождамъ, изхождамъ, подхождамъ, нахождамъ, дохождамъ, обхождамъ, захождамъ;

бодї – избождамъ, пробождамъ, отбождамъ, убождамъ, добождамъ, забождамъ, побождамъ;

гудї – пригуждамъ, отгуждамъ, догуждамъ, угуждамъ, погуждамъ;

будї – сбѣждамъ, пробѣждамъ, разбѣждамъ;

пудю (пугаю, отгоняю) – спүждамъ, распүждамъ, отпүждамъ, испүждамъ и пр.;

родю (не уп.) – рождамъ, прирождамъ, зарождамъ, пораждамъ;

и проч.

Равно и производные от существительных, кончаящихся на *дъ*:

хладъ – охлаждамъ, расхлаждамъ, изхлаждамъ;

градъ – ограждамъ, разграждамъ, приграждамъ, заграждамъ, обыграждамъ (осаждаю);

трудъ – труждамъ се, потруждамъ се;

редъ (ряд) – нареждамъ, отреждамъ;

и проч.

О спряжениях

Замечание

Если отличие в спряжениях состоит единственно в условии, чтобы известное (большее или меньшее) количество глаголов следовало известным особым формам, то нетрудно было бы все глаголы распределить на особенные спряжения по их формам; но весьма затруднительно разделять на спряжения такие глаголы, которые в иных временах согласны между собою, а в других разноформны, так что в одном спряжении происходит насильственно другое подразделение. Так, напр., иначе можно распределять спряжения по формам настоящего и проходящего времени, иначе по формам прошедшего. Латинские грамматики довольно сносно управились с своими глаголами, отличив оные на спряжения по формам настоящего и проходящего времени. Это потому, что в прошедших и в супинах находили великое разногласие глаголов, бесконечное подразделение коего не могло представить ни правила, ни правильности. Посему взяв одну форму прошедшего, более сходную во всех четырех спряжениях, за правило, все остальные формы заключили в общий разряд *отступающих от правила*, и таким образом при изучении латинского языка образовалась особенная затруднительная глава о многочисленных прошедших и супинах неправильных (*De Praeteritis et Supinis*).

Равным образом и новые, сродные латинскому, языки определяют свои спряжения преимущественно по формам настоящего и проходящего, тем более, что прошедшие их не выражаются более глагольными формами, а причастиями при вспомогательных; а посему все их затруднение в прошедшем состоит в изучении причастий как наследия неправильных латинских супинов.

Известно, что и немцы за общее правило приняли, по общему согласию глаголов, настоящее, предоставив грамматику исчислять в виде замечания все возможные роды форм прошедшего, т.е. причастий.

Но взглянем на распределение спряжений в славянских наречиях. Александр Христофорович Востоков, соображая вместе формы настоящего с формами прошедшего и неопределенного, по естественному следствию принужден был допустить *десять* глагольных различий, состоящих из 90 образцов спряжений. В распределении принял за отличия три черты: 1) форму первого лица наст. изъяв., 2) форму прошедш. прич., 3) форму многокр. прич. Сие довольно огромное подразделение снова различил на два главные спряжения по формам настоящего, т.е. на *ешь* и *ишь*. Отсюда произошло то, что первое спряжение, относительно к прочим формам, подразделяется на 8 разных спряжений. Иной иначе распределял русские спряжения более или менее поверхностно, или подробно. Казалось бы, что, поелику все существующие славянские наречия давно уже имеют свои грамматики, то при составлении болгарской в первый раз можно было последовать распределению спряжений в других наречиях. Однако так как временные формы ни в каком наречии так не уцелели как в болгарском, то глаголы сего последнего имеют то генетическое преимущество, и от которого более или менее зависят и формы спряжений других. Так, напр., русский источник своих форм следующих глагольных причастий: *чел*, *пас. видел*, *пострижен* и проч. найдет только в формах болгарских. Итак, поелику глагольные формы прочих наречий можно бы назвать обломочными, то и применять к ним болгарские глаголы невозможно. Вообще глаголы славянских наречий отличаются от глаголов

прочих европейских языков *тройностию* своей, которая нигде так не выявляется, как в болгарском, подобно следующим русским: *чуу, читаю,читываю*. Поелику в глаголах за форму [так!] должно принимать не согласную, а гласную (ибо нельзя принять за одну форму *дуть, грѣть, быть*) в слоге, тем разрушается затруднение в распределении болгарских спряжений. Мы уже видели, что глаголы двояко распределяются: 1) *Всякий порознь на тройное спряжение категорий* и 2) *Все вообще на формы общих спряжений*; сии опять подразделяются а) по формам настоящего на *три*, а б) по формам прош. прост. на *пять спряжений*, не выводя из сего никакого исключения.

Н.В. Не употребляемые категории не суть исключения, а недостатки. Кажется, можно б отважиться на подобный опыт и в других славянских наречиях.

Так как разделению глаголов болгарских по формам настоящего противуречит разногласие их в прошедших, то я долго колебался в распределении спряжений тем более еще, что обилие форм болгарских глаголов подает новые способы к разногласию прошедших с настоящими.

Объясним сие разногласие примерами.

<i>Настоящ.</i>	<i>Прошедшее</i>
берѣ – берешь	брахъ
текѣ – течешь	текохъ
біѣ – бੀешь	бихъ
гладнѣї – гладнѣешь	гладнѣхъ
и проч.	

Возьмем теперь с прошедшего:

<i>Прошедшее</i>	<i>Настоящее</i>
приведохъ	привождамъ, ашь, а
принесохъ	приносимъ, ишь, и
идохъ	идѣ, ешь, е
и проч.	

Казалось бы, что, при равносильном разногласии

настоящих с прошедшими, распределение спряжений по одним из них можно бы предоставить произволу первого сочинителя грамматики, что посему в подражание латинскому можно бы принять в образец одну только из прошедших форм, а остальные обозначить в рубриках в виде отступающих. Оно бы можно так, если бы болгарские глаголы в своих прошедших разрознились, почти поодиночке, на множество отступлений. К счастию все болгарские глаголы в простом прошедшем разделяются на пять форм, которым подвергаются все без всякого отступления, так что это обстоятельство показывает исключительную форменную правильность болгарских глаголов, не имеющую и не терпящую отступлений. Таким образом, болгарский грамматик имеет важную выгоду перед латинским; посему первый может распределять спряжения и по формам прошедшего.

Впрочем есть и другие обстоятельства или причины, которые перевешивают в пользу прошедшего. 1) Ни в каком времени не высказывается так характеристическая гласная буква глагола как в прошедшем. 2) От прошедшего происходят не только глагольные причастия (употребляемые в сложных временах), но и страдательные и, наконец, множество существительных, коих правописание зависит от характеристической гласной буквы прошедшего. Так, например, только сим временем можно себе объяснить, почему один и тот же звук *de* иначе стоит в слове *паденіе*, а иначе в слове *видѣніе*. Это яснее и подробнее увидим ниже в примерных таблицах, приложенных к спряжениям. 3) Даже самые формы (настоящего) *ешь* и *иши* в первом лице сходны между собою во многих глаголах, так что по первому лицу нельзя оттенять формы спряжения. 4) Великое большинство употребительных болгарских глаголов кончается на *амъ*, посему и формы настоящего сего большинства одни и те же и что следственno большинство употребительных болгарских глаголов разрозняется на пять разных форм только в прошедших временах. 5) Условия или формы прошедших времен гораздо многочисленнее настоящих, так что большую часть спряжения они занимают. 6) Много раз будущие зависят от формы прошедшего.

Таким образом, прошедшее время представляет самую общую и самую близкую и характеристическую точку для подразделения глаголов на пять спряжений или форм *ахъ*, *хъ*, *ихъ*, *охъ*, *ухъ* – разделения, коему подвергаются все глаголы, простые, производные, сложно-производные.

Несмотря на это, особенное подразделение глаголов в настоящем времени не позволит видеть в болгарской грамматике особенных, т.е. независимых спряжений, как это существует в других языках, а посему существует только *двоевидное* общее подразделение глаголов 1) по формам настоящего, 2) по формам прошедшего, о коих поговорим порознь.

Формы настоящего

Простых		Производн. и сложных
I	II	III
у, ю	у, ю	амъ
ешь	иши	ашь
е	и	а
емъ	имъ	аме
ете	ите	ате
ѣтъ	етъ, ятъ	атъ

Примеры простых Форма *ешь*

<i>Настоящее</i>	<i>Прошедшее</i>
ведѣ,	ешь
несѣ,	ешь
идѣ,	ешь
бію,	ешь
скачѣ,	ешь
лію,	ешь
пію,	ешь
крадѣ,	ешь
дремлю,	ешь
рекѣ,	чешь
	ведохъ
	охъ
	охъ
	ихъ
	кахъ
	ихъ
	ихъ
	охъ
	ахъ
	кохъ

жнû,	ешь	ахъ
бôдû,	ешь	охъ
колю,	ешь	ахъ
каждû,	ешь	ахъ
щû,	ешь	тхъ
растû,	ешь	охъ
плачû,	ешь	ахъ
пишû,	ешь	ахъ
влекû,	ешь	охъ
текû,	ешь	охъ
пекû,	ешь	охъ
ську,	ешь	охъ
рѣжû или		
рѣзîо,	ешь	ахъ
пасю,	ешь	охъ
ядû,	ешь	охъ
и проч.		

то

разумѣю,	ешь	тхъ
живѣю,	ешь	тхъ
пѣю,	ешь	пѣхъ
вѣю,	ешь	вѣхъ
умѣю,	ешь	тхъ
гладнѣю,	ешь	тхъ
голѣмѣю,	ешь	тхъ
болѣрѣю,	ешь	тхъ
сиromашѣю,	ешь	тхъ
и проч.		

Форма ишь

<i>Настоящее</i>		<i>Прошедшее</i>
губїо,	ишь	ихъ

мôлчу,	иšь	ахъ, кнахъ
горô,	иšь	ѣхъ
тêрпю,	иšь	ѣхъ
пазô,	иšь	ихъ
служû,	иšь	ихъ
торô,	иšь	ихъ
просô,	иšь	ихъ
носô,	иšь	ихъ
хранô,	иšь	ихъ
люблю,	иšь	ихъ
мûчû,	иšь	ихъ
свѣтô,	иšь	ихъ
мыслô,	иšь	ихъ
спô,	иšь	ахъ
цѣнô,	иšь	ихъ
морô,	иšь	ихъ
лежû,	иšь	ахъ
ставô,	иšь	ихъ
видô,	иšь	ѣхъ
грижû,	иšь	ихъ
смêрдô,	иšь	ѣхъ
силô,	иšь	ихъ
гâсô,	иšь	ихъ
браню,	иšь	ихъ
турô,	иšь	ихъ
палô,	иšь	ихъ
варô,	иšь	ихъ

и проч. и проч.

Замеч. Трудно отыскать правило, по которому можно было бы сказать, почему такие-то или что такие-то глаголы во втором лице кончатся на *ешь*, а такие-то на *ишь*; разве причина то, что в сих последних окончательное *у* умягчено предшествующею гласною *ї*, с которой сплавилось в *ю*. А собственно сказать, умягчается чрез *ї* не *у*, а стоящая перед ним

согласная. Итак, по-видимому, сие характеристическое *ї* или *и*, скрывающееся в первом лице, в умягченной согласной, остается наружу во втором лице, в коем отброшено *ю* или, лучше сказать, из *ю* отброшено только *у*. Это бывает и в латинском, где *i*, от первого лица *io*, остается и во втором лице *is* с тою, однако разницею, что в первом лице оно не скрывается. Если же перед *o* стоит *e*: *eo*, то второе лицо будет *es* точно как и у нас и у болгар после *ъю* второе лицо тоже *eши*. Аналогия сильная и не случайная, кажется.

Но скажут: впрочем кончается на *ишь* и глаголы, кончающиеся на *у*, т.е. неумягченные, как *мычӯ*, *мәлчӯ*, *вижу*, *слушаю*. Напротив, кажется, что и в сих глаголах есть умягчение согласной, т.е. что совершенно скрытно стоит *ї* в согласной вместо *мыкіу*, *молкіу*, *видіу*, *слугіу* или *молкъу* и проч. Мы видим опять, что латинец в сих же самых словах (глаголах) выставляет свое *i* *тигіо* (мычу), *түлгіо* укрошаю, заставляю молчать. Так и в *пеню*, *ишь* (*рүпіо*, *is*) наказываю, а от обоих *пеня*, *роепа* наказание. Конечно, в *молкіу* или *молкъу* *к* не иначе может умягчиться, как изменив звук, разумеется, в *Ч*, а *ї* стояло не для выговора, а для умягчения, посему по превращении *к* в *Ч* сделалось излишним и вышло *молчу*. Между тем латинец своего *ї* выбрасывать не мог, ибо с у него есть и *k* и *r*.

Итак, можно сказать, что *ш*, *ж* и *Ч* в окончательных слогах глаголов предполагают в себе скрытое *ї*, т.е. умягчение, и что посему глаголы не только кончающиеся на *ю*, но и на *шу*, *жу* и *чу* во втором лице удерживают свое *и* в *ишь*.

Посему можно бы выести замечание, что глаголы простые, коих окончательный слог *умягчен*, кончается во втором лице на *ишь*, глаголы же *неумягченные* на *ешь*. Из числа первых исключаются в пользу последних те, которые перед умягченным *ю* имеют еще гласную, напр., *бію*, *біешь*, *разумъю*, *ешь* (а в русском еще копаю, ешь, рою, ешь, кую, ешь).

Относительно к болгарским простым глаголам должно еще заметить то, что они *ж* и *ш* не ставят в умягченных глаголах, а употребляют более сродственные умягчимые, напр., *водѣю*,

водиши, *ходиѣ*, *ходиши*, *возиѣ*, *[во]зиши*, *носиѣ*, *носиши*, *просиѣ*,
просиши и проч.

Наконец, заметить следует, что умягченные глаголы, коих характеристическая гласная *и* (имея второе лицо на *ишь*) удерживают сию букву *и* в форме прошедшего *ихъ*. Дальнейшие же следствия сего умягчения заметнее будут более в словопроизводстве.

Что касается до форм прошедшего глаголов простых неумягченных, то можно еще сделать общее замечание, что глаголы, в коих пред окончательным слогом стоит *е*, напр., *ведѣ*, в прошедшем кончается обыкновенное на *охъ*, так же нередко и после *я* и *и*, а в иных и после *а* следует *охъ* прошедшее. Исключ. *беру*, *перу* (вм. *брѣ*, *прѣ*) *брахъ*, *прахъ*.

Глаголы, имеющие перед окончательным слогом *ѣ*, напр., *голѣмѣю*, удерживают оное *ѣ* и в прошедшем *голѣмѣхъ*.

Если же *о* или *а* предшествуют последнему слогу, то обыкновенное прошедшее кончается на *ахъ*. Исключаются *паду* – *охъ* и немногие другие. Впрочем заметим, что *ахъ* и *ухъ* более принадлежат производным глаголам.

Самые обыкновенные формы прошедшего простых глаголов суть *охъ* и *ихъ*.

Простые глаголы и в производных своих удерживают форму своего прошедшего, посему касательно оного подвергаются общему подразделению (как уже выше сказано) вместе с производными и сложными.

Итак, что касается вообще до спряжения, то видно, что оно совершается не по формам (ибо совершенное раздробление спряжений по оным невозможно), а по категориям *тройного спряжения*. Посему спряжение вообще разделяется 1) на спряжение простых глаголов, 2) спряжение производных и сложных.

О спряжении простых глаголов

Спряжений простых глаголов, относительно их форм настоящего, есть два 1) глаголов, оканчивающихся во втором лице на *ешь* и 2) оканчивающихся на *ишь*. Поелику простые глаголы большую частью бывают определенной или однократной категории, то спряжение их не может быть

общим спряжением всех трех категорий глагольных, а большею частью только одной, а иногда двух, то вообще спряжение *простых* бывает короче общего.

Есть простые глаголы, которые имеют две категорические, *простые* же формы, *определенную* и *неопределенную*, например:

<i>Определ.</i>	<i>Неопредел.</i>
несу	носю
веду	водю
vezу	возю
иду	ходю
и проч.	и проч.

Здесь достойно замечания то, что *определенные* глаголы кончатся во втором лице на *ешь*, а *неопределенные* на *ишь*, так что при изменении категории глагола изменяется и форма, т.е. спряжение оного.

Замеч. Читатель может заметить по сказанному в предшествующей главе, что здесь неопределенные глаголы суть *умягченные* гласною *и*. Таким образом приращение глагола гласною *и* при переходе его из категории в другую, есть само по себе одно из условий глагольного возрастания, так что *носю* (ношу) можно бы принять за *производный* глагол наравне с другими на *амъ*. Но как происходящее (от *несу*) *носю* или *носью* опять украшено произношением, то я сии глаголы, хотя *возрастающие* в норме своей, но *не возросшие* в своем механизме, единственно по наружной их форме, включил в число простых для грамматического облегчения. Несмотря на то, языковед всегда отличит такой глагол от определенного или простого собственно так называемого глагола.

Есть много простых глаголов второй категории, коих первая категория не существует или не употребительна единственно по свойству означаемого действия, напр., *люблю*, *ишь* есть глагол неопределенный, глагол второй категории, ибо означаемое им действие или состояние страсти не имеет временной определительности, ограничения, т.е. что страсть

предполагается и впредь на *неопределенное* время. Вот почему, согласно с своею категориою неопределенности, глагол сей носит на себе печать умягчения. Я заметил уже, что если в глагольном производстве буква *п* или *б* (будучи неумягчимы) должна умягчиться (взрастить глагол), то приставляется к ней *л*.

Итак, этот производный болгарский глагол *люблю* не имеет первой своей категории, т.е. коренного своего глагола, ибо невозможно *любнуть* однократно, ограниченно, определенно.

Излишнее было бы исчислять другие, подобные сему, глаголы, не имеющие определительной своей степени; читатель уже знает оные и насчитает себе вдоволь по лексикону.

Несмотря на это, *люблю* не есть такой глагол, который будучи *производным* не имел бы своего *простого*. Дело только в том, что он не имеет оного, может быть, только в русском и болгарском языках. Болгаро-русское его значение не есть его настоящее; *люблю* означает у нас состояние страсти только в переносном смысле. *Люблю* у сербов значит *прикасаться устами*, целовать (та дѣвойка полюби ми руку, т.е. поцеловала мне руку). Посему в болгарском действие *прикосновение устами* принято за выражение *страсти*. Действие приносовения устами, целования есть определятельного свойства, посему оно должно бы выражаться коренно-простым *неумягченным* глаголом. Теперь не могу сказать, сохранился ли коренной сей глагол в каком-либо славянском наречии; однако сейчас же вспоминаю, что сей славянский глагол, без умягчения, сохранился в латинском *libo, as* прикасаюсь устами, отведываю. Вот отношение формы *ишь* к *ешь* простых глаголов!

Итак, спряжение простых глаголов, у коих недостает одной категории, *просто*, ибо однокатегорическое; спряжение же *общее* двукатегорического глагола заключает в себе вместе и обе формы как в настоящем, так и в прошедшем. Таков и прилагаемый мною здесь образец спряжения простого глагола, в коем определенная категория соединена с неопределенную.

Изъявительное
Настоящее определенное

Азъ ведў	Ны ведемъ
Ты ведешь	Вы ведете
Той веде	Тѣ ведутъ

Настоящее неопределенное

Азъ водю	Ны водимъ
Ты водишь	Вы водите
Той води	Тѣ водятъ

Прошедшее неопредел. или переходящее

Азъ водихъ	Ны водихме
Ты водише	Вы водихте
Той води	Тѣ водиха

Переходящее сложное I

Азъ сâмъ водилъ	Ны сме водили
Ты си водиль	Вы сте водили
Той е водиль	Тѣ сû водили

Переходящее сложное II

Азъ бѣхъ водилъ	Ны бѣхме водили
Ты бѣше водилъ	Вы бѣхте водили
Той бѣ водиль	Тѣ бѣхû водили

Прошедшее определ. или простое

Азъ ведохъ	Ны ведохме
Ты ведоше	Вы ведохте
Той веде	Тѣ ведоха

Прош. простое сложное I

Азъ сâмъ вель	Ны сме вели
Ты си вель	Вы сте вели
Той е вель	Тѣ сû вели

Прош. простое сложное II

Азъ бѣхъ вель	Ны бѣхме вели
Ты бѣше вель	Вы бѣхте вели
Той бѣ вель	Тѣ бѣхû вели

Прошедшее предложное

Азъ поведохъ	Ны поведохме
Ты поведоше	Вы поведохте
Той поведе	Тѣ поведоха

Прошедшее предложное сложное I

Азъ сâмъ повель	Ны сме повели
Ты си повель	Вы сте повели
Той е повель	Тѣ сû повели

Прошедшее предложное сложное II

Азъ бѣхъ повель	Ны бѣхме повели
Ты бѣше повель	Вы бѣхте повели
Той бѣ повель	Тѣ бѣхû повели

Давнопрошедшее

Азъ водѣхъ	Ны водѣхме
Ты водѣше	Вы водѣхте
Той водѣше	Тѣ водѣхû

Будущее неопределенное

Азъ щû води	Ны щемъ води
Ты щешь води	Вы щете води
Той ще води	Тѣ щûtъ води

Будущее определенное

Азъ щû да ведû	Ны щемъ да ведемъ
Ты щешь да ведешь	Вы щете да ведете
Той ще да веде	Тѣ щû да ведûть

Будущее совершенное неопределенное

Азъ щû да водô	Ны щемъ да водимъ
Ты щешь да водишь	Вы щете да водите
Той ще да води	Тѣ щûtъ да водѣтъ

Будущее совершенное предложное

Азъ ще поведû	Ны ще поведемъ
Ты ще поведешь	Вы ще поведете
Той ще поведе	Тѣ ще поведûть

Повелительное

Настоящее определенное

Веди ты	Ведиме ны
Нéка веде той	Ведите вы
	Нéка ведûть тѣ

Настоящее неопределенное

	Водъме ны
Води ты	Водѣте вы
Нѣка води той	Нѣка водѣть тѣ
<i>Будущее многократное</i>	
	Поводѣме ны
Поводи ты	Поводѣте вы
Нѣка поводи той	Нѣка поводѣть тѣ
<i>Будущее однократное</i>	
	Поведиме ны
Поведи ты	Поведите вы
Нѣка поведе той	Нѣка поведѣть тѣ

Сослагательное и условное

Настоящее неопределенное

Да водіо азъ	Да водиме ны
Да водишишь ты	Да водите вы
Да води той	Да водѣть тѣ
<i>Настоящее определенное</i>	
Да веду азъ	Да ведеме ны

Да ведешь ты	Да ведете вы
Да веде той	Да ведѣть тѣ

Прошедшие

	<i>Простые</i>	<i>Сложные</i>
Чи водихъ азъ	Чи сâмъ, бѣхъ водилъ азъ	
и проч.	и проч.	
Чи ведохъ азъ	Чи сâмъ, бѣхъ вель азъ	
и проч.	и проч.	
Чи поведохъ азъ	Чи сâмъ, бѣхъ повель азъ	
и проч.	и проч.	
Чи водѣхъ азъ		

Условные

Неопределенное I

Водилъ быхъ азъ	Водили быхме ны
Водилъ быше ты	Водили быхте вы
Водилъ бы той	Водили быха тѣ

Неопределенное II

Водиль бѣхъ азъ	Водили бѣхме ны
Водиль бѣше ты	Водили бѣхте вы
Водиль бѣше той	Водили бѣше тѣ

Определенное I

Вель быхъ азъ	Вели быхме ны etc.
---------------	--------------------

Определенное II

Вель бѣхъ азъ	Вели бѣхме ны etc.
---------------	--------------------

Положительные

Повель быхъ азъ	Повели быхме ны
Повель бѣхъ азъ	Повели бѣхме ны etc.

Предположительные

Азъ бы сâмъ водиль etc.	Ны бы сме водили
Азъ бы сâмъ вель etc.	Ны бы сме вели
Азъ бы сâмъ повель etc.	Ны бы сме повели etc.

Неопределенное

Формы: нет.

1) Иногда усеченно неопределенная со вспомогательным: щû води.

2) Заменяется будущими изъявительного и сослагательными:

щû да	{	водû вместо водити	
		ведû – вести	
		поведû – повести	

Замеч. Можно заметить, что *ешъ* есть форма первой категории глагольного возрастания, а *иши* форма спрягательная второй категории, но только относительно к настоящему. *Ашъ* принадлежит равномерно и второй, и третьей. По сему спряжению спрягаются и прочие, не[ре]численные на 111 - 113 страницах глаголы. Если иные

и которые из них не могут иметь тех или других форм сего образца, читатель уже сам заметит причину сего недостатка из понятий о категориях.

Замечание о роде и числе

Само собою разумеется, что времена, состоящие из вспомогательного и глагольного причастия, согласуются со своими лицами и в числе; так, напр.:

Человѣкъ бѣ водилъ

Жена бѣ водила

Мѣчѣ бѣ водило.

Поелику это согласование совершаются как и в русском, то я не выставлял его при спряжениях как подразумевающееся.

Что касается до *двойственного* числа, то причастия глагольные могут отчасти принимать окончание двойственного числа имен женского рода; так, напр.:

Двѣ жene водиле сѫ;

или с именами среднего рода, напр.:

Два момчета водила сѫ.

Впрочем подобное согласование в языке простолюдина излишнее, ибо и редко соблюдается, так что *водили* одинаково можно признать и в двойств. и во множ.

Равным образом и в формах глагольных простолюдин не делает явного отличия между дв. и множ. Посему если бы нужно определять двойственные формы, то разве только по правописанию. Но это было излишнее, если простолюдин и в дв. и во мн. одинаково произносит *водіхме*, *водіхте* (а не *водісте*). Впрочем решение этого вопроса я предоставляю будущим природным болгарским грамматикам.

О спряжении вспомогательного *есмь*

Излишне было бы выставлять спряжение существительного и вместе вспомогательного глагола *есмь*, так как спряжение его встречается при спряжении всякого глагола. Здесь мы покажем только двойную его категорию.

Однокр. или определ.

Азъ сâмъ

Ты си

Многократная

Азъ бывамъ

Ты бывашъ

Той е	Той быва
Ны сме	Ны бываме
Вы сте	Вы бывате
Тѣ сў	Тѣ бываётъ
<i>Прошедш.</i>	<i>Прошедшее определ.</i>
Азъ бѣхъ	Азъ быхъ
Ты бѣше	Ты быше
Той бѣ	Той бы
Ны бѣхме	Ны быхме
Вы бѣхте	Вы быхте
Тѣ бѣхѣ	Тѣ быха
<i>Прошедш. неопредел.</i>	
Азъ бывахъ	Ны бывахме
Ты бываше	Вы бывахте
Той бываше	Тѣ бывахѣ

Прошедшее сложное образуется с причастия *былъ* и настоящего; таким образом: Азъ сâмъ былъ, ты си былъ etc. Азъ сâмъ бывалъ, ты си бывалъ etc.

<i>Будущее</i>	
Азъ бûдû	Ны бûдеме или бûдемъ
Ты бûдешъ или бûдеши	Вы бûдете
Той бûде	Тѣ бûдûтъ.

Неопределенное иногда употребляется *быти*, но чаще выражается посредством сослагания, например: ему *быть* начальником переводится той ще *да ё начéлникъ*. С отрицательною частицею *не* часто писцы сплавливали в одно слово *несâмъ* или *нëсмъ*, или *нëсмъ*, *неси*, *нëсть*, *нee*, *несме*, *несте*, *несу*. Само собою разумеется, что отличать их должно.

<i>Изъявительное</i>	
<i>Настоящее</i>	
Азъ викамъ	Ны викаме
Ты викашь	Вы викате
Той вика	Тѣ викать.

Преходящее простое

Азъ викахъ	Ны викахме
Ты викаше	Вы викахте
Той викаше	Тѣ викахѣ

Преходящее сложное I

Азъ сâмъ викаль	Ны сме викали
Ты си викаль	Вы сте викали
Той е викаль	Тѣ сû викали

Преходящее сложное II

Азъ бѣхъ викаль	Ны бѣхме викали
Ты бѣше викаль	Вы бѣхте викали
Той бѣ викаль	Тѣ бѣхѣ викали

Прошедшее предложное

Азъ повикахъ	Ны повикахме
Ты повикаше	Вы повикахте
Той повика	Тѣ повикахѣ

Прошедшее предложное сложное I

Азъ сâмъ повикаль	Ны сме повикали
Ты си повикаль	Вы сте повикали
Той е повикаль	Тѣ сû повикали

Прошедшее предложн. сложное II

Азъ бѣхъ повикаль	Ны бѣхме повикали
Ты бѣше повикаль	Вы бѣхте повикали
Той бѣ повикаль	Тѣ бѣхѣ повикали

Прош. определенное простое

Азъ викнахъ	Ны викнахме
Ты викнаше	Вы викнахте
Той викна	Тѣ викнахѣ

Прош. определ. сложное I

Азъ сâмъ викналь	Ны сме викнали
Ты си викналь	Вы сте викнали
Той е викналь	Тѣ сû викнали

Прош. определ. сложное II

Азъ бѣхъ викналь	Ны бѣхме викнали
Ты бѣше викналь	Вы бѣхте викнали
Той бѣ викналь	Тѣ бѣхѣ викнали

Прош. определенное предложное

Азъ повикнахъ	Ны повикнахме
Ты повикнаше	Вы повикнахте
Той повикна	Тѣ повикнаху
	<i>Пр. определ. предл. сложное I</i>
Азъ самъ повикналь	Ны сме повикнали
Ты си повикналь	Вы сте повикнали
Той е повикналь	Тѣ сү повикнали
	<i>Пр. определ. предл. сложное II</i>
Азъ бѣхъ повикналь	Ны бѣхме повикнали
Ты бѣше повикналь	Вы бѣхте повикнали
Той бѣ повикналь	Тѣ бѣху повикнали
	<i>Будущее однокр. неопределенное</i>
Азъ щѣ вика	Ны щемъ вика
Ты щешь вика	Вы щете вика
Той ще вика	Тѣ щуть вика
	<i>Будущее однократн. определенное</i>
Азъ щѣ викамъ	Ны щѣ викаме
Ты щѣ викашь	Вы щѣ викате
Той щѣ вика	Тѣ щѣ викать
	<i>Будущее совершенное неопределенное</i>
Азъ щѣ да викамъ	Ны щемъ да викаме
Ты щешь да викашь	Вы щете да викате
Той ще да вика	Тѣ щуть да викать
	<i>Будущее совершенное предложное</i>
Азъ щѣ повикамъ	Ны щѣ повикаме
Ты щѣ повикашь	Вы щѣ повикате
Той щѣ повика	Тѣ щѣ повикать
	<i>Будущее определ. простое</i>
Азъ щѣ викну	Ны щѣ викнемъ
Ты щѣ викнешь	Вы щѣ викнете
Той щѣ викне	Тѣ щѣ викнуть
	<i>Будущее определ. предложное</i>
Азъ щѣ повикнѣ	Ны щѣ повикнемъ
Ты щѣ повикнешь	Вы щѣ повикнете
Той щѣ повикне	Тѣ щѣ повикнуть

Повелительное

Настоящее

Викайме ны

Викай ты

Викайте вы

Нека вика той

Нека викать тѣ

Повел. совершенное

Повикайме ны

Повикай ты

Повикайте вы

Нека повика той

Нека повикать тѣ

Повелит. неотступное

Викнѣме ны

Викни ты

Викните вы

Нека викне той

Нека викнѣть тѣ

Будущее неотступное

Повикнеме ны

Повикни ты

Повикните вы

Нека повикне той

Нека повикнуть тѣ

Сослагательное и условное

Настоящее неопределенное

Да викамъ азъ

Да викаме ны

Да викашь ты

Да викате вы

Да вика той

Да викать тѣ

Настоящее определенное

Да викнѣ азъ

Да викнеме ны

Да викнешь ты

Да викнете вы

Да викне той

Да викнать тѣ

Прошедшие

Чи повикахъ азъ и проч.

Чи викнахъ азъ и проч.

Условные

Неопределенное I

Викаль быхъ азъ

Викали быхме ны

Викаль быше ти

Викали быхте вы

Викаль бы той

Викали быха тѣ

Неопределенное II

Викаль бѣхъ азъ	Викали бѣхме ны
Викаль бѣши ты	Викали бѣхте вы
Викаль бѣше той	Викали бѣше тѣ [так!]

Определенное I

Повикаль быхъ азъ	Повикали быхте ны и проч.
-------------------	------------------------------

Определенное II

Повикаль бѣхъ азъ	Повикали бѣхме ны
и проч.	

Однократное I

Викналь быхъ азъ	Викнали быхме ны
и проч.	

Однократное II

Викналь бѣхъ азъ	Викнали бѣхме ны
и проч.	

Положительное I

Повикналь быхъ азъ	Повикнали быхме ны
и проч.	

Положительное II

Повикналь бѣхъ азъ	Повикнали бѣхме ны
и проч.	

Условные предположительные

Азъ бы сâмъ викаль	Ны бы сме викали
Ты бы си викаль	Вы бы сте викали
Той бы е викаль	Тѣ бѣ сû викали

Азъ бы сâмъ повикаль Ны бы сме повикали etc.

Азъ бы сâмъ викналь Ны бы сме викнали etc.

Азъ бы сâмъ повикналь Ны бы сме повикнали etc.

Сложн. прошедшие согласательные

а) Чи сâмъ викаль азъ	в) Чи сâмъ викналь азъ
б) Чи сâмъ повикаль	г) Чи сâмъ повикналь азъ

Неопределенное

Формы: нет.

- а) Усечено иногда со вспомогательным: *щү вика*.
 б) Заменяется будущими и сослагательными:

щû да викамъ, т.е. звать
повикамъ, т.е. позвать
викнû, т.е. кликнуть
повикнû, т.е. покликнуть

Замеч. По сему образцу спрягаются все глаголы, как производные, так и сложно-производные, которые в прошедшем определ. и в производимых от оного причастиях и существительных сохраняют гласную *а*. Определенность или форма прошедшего обозначается двояко:

- 1) Или сокращается глагол в своем составе (т.е. берется норма прошедшего I категории), напр.:

опитовамъ . . .	овахъ	-	опитахъ
собираю . . .	иrahъ	-	собрахъ
заколяю . . .	оляхъ	-	заклахъ
и проч.			

- 2) Или глагол, не имея простой формы, для выражения определенности, прибирает к себе характеристический предлог:

думамъ . . .	махъ	-	подумахъ
чакамъ . . .	кахъ	-	дочакахъ
хыркамъ . . .	кахъ	-	похыркахъ
и проч.			и проч.

Здесь прилагается примерная таблица форм и производимости глаголов сего образца [см. стр. 129].

Замеч. Те из глаголов, принадлежащих к форме А, которых действие может быть *сокращено*, т.е. если нужно выразить решительную определительность или кратковременность оного, то в прошедшем принимают перед окончательною формою согласную *н*, напр., *гледамъ* – *гледнахъ*, *викамъ* – *викнахъ* (то же самое и в русск. *кричал* – *крикнул*). Таким образом, сие время, которое должно бы называть *украшенным*, занимает место уже после прош. простого:

гледамъ, гледахъ, погледахъ, гледнахъ.

Примерная таблица спряжения А

Настоящее	Преходящее	3 ^е лицо	Прич. глаг.	Прич. стр.	Су- ществ.	Простое	3 ^е лицо	Прич. глаг.	Прич. стр.	Су- ществ.
собира́мъ, ашь	собирахъ	собира-ше	лъ	иъ	ниe	собрахъ	собра	лъ	нъ	ниe
опитовамъ, ашь	опитовахъ	опитова-ше	лъ	иъ	ниe	опитахъ	опига	лъ	нъ	ниe
показавамъ, ашь	показавахъ	показва-ше	лъ	иъ	ниe	показахъ	показа	лъ	нъ	ниe
изгоня́мъ, ашь	изгояхъ	изгоя-ше	лъ	иъ	ниe	изгнахъ	изгна	лъ	нъ	ниe
призна́вамъ, ашь	признавахъ	признава-ше	лъ	иъ	ниe	признахъ	призна	лъ	нъ	ниe
поместу́вамъ, ашь	поместувахъ	поместува-ше	лъ	иъ	ниe	поместахъ	поместа	лъ	нъ	ниe
почи́намъ, ашь	починахъ	почина-ше	лъ	иъ	ниe	почакъ	почак	лъ	нъ	ниe

Примерная таблица глаголов укратимых

Настоящ.	Прош. неопр.	3 ^е лицо	Прич. глаг.	Прич. стр.	Сущ. указщ.	Прош. указщ.	3 ^е лицо	Пр. глаг.	Прич. стр. и существ.
трогамъ	трогахъ	трога / ше	лъ	иъ	ниe	трогнахъ	трогна	лъ	
хыркамъ	...ахъ	... / ше	лъ	иъ	ниe	хыркнахъ	хыркна	лъ	
мѣтамъ	...ахъ	... / ше	лъ	иъ	ниe	мѣтнахъ	мѣтна	лъ	
чакамъ	...ахъ	... / ше	лъ	иъ	ниe	дочакахъ	дочака	лъ	
гледамъ	...ахъ	... / ше	лъ	иъ	ниe	гледнахъ	гледна	лъ	
думамъ	...ахъ	... / ше	лъ	иъ	ниe	подумахъ	подум	лъ	

Изъявительное

Настоящее однократное

Азъ распинамъ Ны распинаме

Ты распинашь Вы распинате

Той распина Тѣ распинать

Настоящее многократное

Азъ распинувамъ Ны распинуваме

Ты распинувашь Вы распинувате

Той распинува Тѣ распинувать

Преходящее простое

Азъ распинахъ Ны распинахме

Ты распинаше Вы распинахте

Той распинаше Тѣ распинахѣ

Преходящее сложное I

Азъ сâмъ распиналь Ны сме распинали

Ты си распиналь Вы сте распинали

Той е распиналь Тѣ сү распинали

Преходящее сложное II

Азъ бѣхъ распиналь Ны бѣхме распинали

Ты бѣше распиналь Вы бѣхте распинали

Той бѣ распиналь Тѣ бѣхѣ распинали

Прошедшее простое

Азъ распѣхъ Ны распѣхме

Ты распѣше Вы распѣхте

Той распѣ Тѣ распѣхѣ

Прошедшее сложное I

Азъ сâмъ распѣль Ны сме распѣли

Ты си распѣль Вы сте распѣли

Той е распѣль Тѣ сү распѣли

Прошедшее сложное II

Азъ бѣхъ распѣль Ны бѣхме распѣли

Ты бѣше распѣль Вы бѣхте распѣли

Той бѣ распѣль Тѣ бѣхѣ распѣли

Прош. определенное простое

Азъ распнахъ Ны распнахме

Ты распнаше Вы распнахте

Той распнâ Тѣ распнâха

Прош. определенное сложное I

Аэ́зъ сâмъ распналь	Ны сме распнали
Ты си распналь	Вы сте распнали
Той е распналь	Тѣ сû распнали

Прош. определенное сложное II

Аэ́зъ бѣхъ распналь	Ны бѣхме распнали
Ты бѣше распналь	Вы бѣхте распнали
Той бѣ распналь	Тѣ бѣхû распнали

Давнопрошедшее или многократное

прходящее простое

Аэ́зъ распинувахъ	Ны распинувахме
Ты распинуваше	Вы распинувахте
Той распинуваше	Тѣ распинувахû

Давнопрошедшее сложное I

Аэ́зъ сâмъ распинувалъ	Ны сме распинували
Ты си распинувалъ	Вы сте распинували
Той е распинувалъ	Тѣ сû распинували

Давнопрошедшее сложное II

Аэ́зъ бѣхъ распинувалъ	Ны бѣхме распинували
Ты бѣше распинувалъ	Вы бѣхте распинували
Той бѣ распинувалъ	Тѣ бѣхû распинували

Будущее однократное неопредел.

Аэ́зъ щû распина	Ны щемъ распина
Ты щешь распина	Вы щете распина
Той ще распина	Тѣ щутъ распина

Будущее однократное определенное

Аэ́зъ щê распинамъ	Ны щê распинаме
Ты щê распинашь	Вы щê распинате
Той щê распина	Тѣ щê распинать

Будущее многократное

Аэ́зъ щê распинувамъ	Ны щê распинуваме
Ты щê распинувашь	Вы щê распинувате
Той щê распинува	Тѣ щê распинувать

Будущее совершенное неопределенное

Азъ щû да распинамъ	Ны щемъ да распинаме
Ты щешь да распинашь	Вы щете да распинате
Той ще да распина	Тѣ щутъ да распинать

Будущее определенное простое

Азъ щû да распинû	Ны щемъ да распнемъ
Ты щешь да распнешь	Вы щете да распнете
Той ще да распне	Тѣ щутъ да распнуть

Повелительное

Настоящее однократное

Распинай ты	Распинайме ны
Нека распина той	Распинайте вы
<i>Настоящее многократное</i>	
Распинувай ты	Распинувайме ны
Нека распинува той	Распинувайте вы

Повелительное совершенное

Распни ты	Распниме ны
Нека распне той	Распните вы
	Нéка распнуть тѣ

Условное и сослагательное

Настоящее неопределенное

Да распинамъ азъ	Да распинаме ны
Да распинашь ты	Да распинате вы
Да распина той	Да распинать тѣ

Прошедшее

Чи распнахъ азъ	Чи распнахме ны
Чи распнаше ты	Чи распнахте вы
Чи распнаше той	Чи распнâха тѣ

Условные

Неопределенное I

Распинахъ быхъ азъ Распинали быхме ны

Распинахъ быше ты Распинали быхте вы

Распиналь бы той Распинали быха тѣ

Неопределенное II

Распиналь бѣхъ азъ Распинали бѣхме ны

Распиналь бѣше ты Распинали бѣхте вы

Распиналь бѣ той Распинали бѣше тѣ

Определенное I

Распѣль быхъ азъ Распѣли быхме ны

Определенное II

Распѣль бѣхъ азъ Распѣли бѣхме ны

Положительные I и II

Распнѣль быхъ азъ Распнѣли быхме ны etc.

Распнѣль бѣхъ азъ Распнѣли бѣхме ны etc.

Предположительные условные

Азъ бы сâмъ распиналь Ны бы сме распинали

Ты бы си распиналь Вы бы сте распинали

Той бы е распиналь Тѣ бы сû распинали

Азъ бы сâмъ распѣль Ны бы сме распѣли

Азъ бы сâмъ распналь Ны бы сме распнѣли

Неопределенное

Формы нет.

1) Употребляется усеченно иногда со вспомогательным:

щû распина в будущем.

2) Заменяется будущим и сослагательными:

щû да	{	распинамъ, т.е. распинать
		распинувамъ, т.е. распинывать
		распнû, т.е. распять.

Замечания

1) Глаголы, имеющие в прошедшем определенном и в

производстве причастия и существительного характеристическое *ѣ*, сходятся под сей закон с тройкой точки.

а) Относительно к источнику глаголов, корню, должно заметить, что односложные коренные глаголы, кончающиеся на *ю*, напр., *зрю*, *прю*, *клю*, *ю* (*je saisis*) и проч. как умягченные и в прошедшем удерживают свое умягчение. Поелику характеристическая гласная простых неумягченных глаголов есть *а*, то умягченных будет умягченное же *а* = *я*. Мы видели уже, что болгарин в производстве часто *я* заменяет через *ѣ* или *ѣ* произносит за *я*. По принятому большинству голосов умягченное *а* прошедшего (*я*) пишется через *ѣ* и произносится за умягченное *е*. И действительно собственная черта сего спряжения не состоит столько в *отличии* гласной сего спряжения от гласной других, сколько в *умягчении* предшествующей ей согласной. Читателю уже известно, что болгарин, подобно южно-rossу, не умягчает своих согласных перед *е* и *и* как северо-ross, но перед *ѣ* всегда.

Таким образом, глаголы вышеприведенной категории свои же простые прошедшие оканчиваются на *ѣхъ* - *ѣлъ*, например:

зрю	-	зрѣхъ	-	зрѣль
прю	-	прѣхъ	-	прѣль
клю	-	клѣхъ	-	клѣль
ю	-	ѣхъ	-	ѣль
и проч.				

Сии прошедшие повторяются и в сложно-производных:

Призýрамъ	-	призрѣхъ	-	лъ
Препíрамъ	-	препрѣхъ	-	лъ
Заклýнамъ	-	заклѣхъ	-	лъ
Обýмамъ	-	обѣхъ	-	лъ
и проч.				

б) Сложно-производные глаголы, в образовании коих *ѣ* составляет формное условие, т.е. глаголы, оканчивающиеся в

настоящем на **ѣ**амъ, удерживают **ѣ** и в прош. определенном, например:

Оскудѣвамъ	- оскудѣхъ
Претерпѣвамъ	- претерпѣхъ
и проч.	

Здесь прилагается примерная таблица [см. стр. 136].

в) Глаголы, в настоящем коих **ѣ** стоит перед окончателью гласною, т.е. оканчивающихся на **ѣо**, удерживают **ѣ** в прош. определ. с производными от оного, напр.: **живѣо** - **живѣхъ**, **жаднѣо** - **жаднѣхъ**, **разумѣо** - **разумѣхъ**. Н.В. **ѣ** нередко и в сих глаголах, а именно после удобоумягчимой согласной, в просторечии выговаривается за **я**, напр., **живяхъ**, **живяше**, **ужаднише**.

Примерная таблица

Настоящее	Пр.	Существо.	Прос- тое	3 ^е лицо	Прич. гл.	Существо.
Разумѣо	ѣяхъ	разумѣяніе	ѣхъ	ѣ	лъ	разумѣніе
Живѣо	ѣяхъ	живѣяніе	ѣхъ	ѣ	жилъ	живѣніе
Пѣо	ѣяхъ	пѣяніе	пѣхъ	ѣ	лъ	пѣніе
Сѣо	ѣяхъ	сѣяніе	-	-	-	-
Умѣо	ѣяхъ	умѣяніе	ѣхъ	ѣ	лъ	умѣніе
Вѣо	ѣяхъ	вѣяніе	-	-	-	-
Голѣмѣо	ѣяхъ	ѣяніе	ѣхъ	ѣ	лъ	голѣмѣніе
Жаднѣо	ѣяхъ	ѣяніе	ѣхъ	ѣ	лъ	-
Чернѣо	ѣяхъ	ѣяніе	ѣхъ	ѣ	лъ	-
Слѣпѣо	ѣяхъ	ѣяніе	ѣхъ	ѣ	о-плъ	ослѣпѣніе
Жѣлтѣо	ѣяхъ	ѣяніе	ѣхъ	ѣ	лъ	жѣлтѣніе
и проч.		и проч.				

Примерная таблица глагольного производства спряжения 5

Настоящее	Пр. неопр. или переход.	3 ^е лицо глаг.	Прич. глаг.	Прич. страд.	Су- ществ.	Простое	3 ^е лицо	Прич. гл.	Пр. стр.	Су- ществ.
При́зира́мъ	при́зира́хъ	при́зира́ше	лъ	нѣ	при́зирѣхъ	при́зирѣ	лъ	нѣ	нѣ	нѣ
При́пира́мъ	при́пира́хъ	— а/ше	лъ	нѣ	при́пирѣхъ	при́пирѣ	лъ	нѣ	нѣ	нѣ
Оску́дыва́мъ	оску́дыва́хъ	— а/ше	лъ	нѣ	оску́дѣхъ	оску́дѣ	лъ	нѣ	нѣ	нѣ
Возви́ра́мъ	возви́ра́хъ	— а/ше	лъ	нѣ	възвѣ́хъ	възвѣ́	лъ	нѣ	нѣ	нѣ
Претерпѣ́вамъ	— ахъ	— а/ше	лъ	нѣ	претерпѣ́хъ	претерпѣ́	лъ	нѣ	нѣ	нѣ
Владамъ	— ахъ	— а/ше	лъ	нѣ	владѣ́хъ	владѣ́	лъ	нѣ	нѣ	нѣ
Зави́ждамъ	— жлахъ	— а/ше	лъ	нѣ	завидѣ́хъ	завидѣ́	лъ	нѣ	нѣ	нѣ
Повелѣ́вамъ	— ахъ	— а/ше	лъ	нѣ	повелѣ́хъ	повелѣ́	лъ	нѣ	нѣ	нѣ
Припѣ́вамъ	припѣ́вахъ	— а/ше	лъ	нѣ	припѣ́хъ	припѣ́	лъ	нѣ	нѣ	нѣ
Уразумѣ́вамъ	— ахъ	— а/ше	лъ	нѣ	уразумѣ́хъ	уразумѣ́	лъ	нѣ	нѣ	нѣ
	и проч.				и проч.					

Страдательные причастия прошедшие, а равно и происходящие от оных существительные от односложных прошедшихраждающиеся, образуются от части и на *ть*, *tie*, например:

почѣхъ — почѣтъ — почѣтіе
заклѣхъ — заклѣтъ — заклѣтіе

Иные, как *препірамъ*, имеют двояко и *препѣнъ* и *прѣпѣнъ*, *nie*, *призѣнъ*, *ть*, *nie*.

Примерная таблица

Настоящее	Прех.	При- частия	Существ.	Пр. пр.	З ^е ли- цио	Прич. гл.	Прич. стр.	Су- ществ.
Распінамъ	нахъ	ль, нъ	распинаніе	распѣхъ	т	лъ	ть	распѣтіе
Взімамъ	махъ	ль, нъ	взіманіе	взѣхъ	т	лъ	ть	взѣтіе
Обімамъ	махъ	ль, нъ	обіманіе	обѣхъ	т	лъ	ть	обѣтіе
Почінамъ	нахъ	ль, въ	починаніе	почѣхъ	т	лъ	ть	почѣтіе
Отвѣрзамъ	захъ	ль, нъ	отвѣрзаніе	отвѣрѣхъ	т	лъ	рѣть	отвѣр- стіе
Отви́рамъ	рахъ	ль, нъ	отвираніе	отвѣрѣхъ	т	лъ	рѣть	

Замеч. [I] Относительно причастий страдательных прошедшего определенного времени должно заметить, что *ѣ* в односложных или даже односложных сложенных с предлогом произносится за *я* в иных областях Болгарии. Но если перед *ѣ* гласною, которая уже сама собою умягчена, стоит еще умягченная согласная, каковы суть *ч*, *ж*, то в таком случае гласная *ѣ* теряет свое умягчение как лишнее (ибо двойное умягчение в одном слоге невозможно) и произносится не за *я*, а за *а*, напр.:

почїнамъ, почѣхъ — поchatъ, tie
зачїнамъ, зачѣхъ — заchatъ, tie
пожїнамъ, пожѣхъ — пожatъ, tie
и проч.

Так и глагольное *почалъ*, *зачалъ*, *пожалъ*. Несмотря на это, прошедшее простое время удерживает свое *ѣ*, которое, однако, произносится за простое *е* и *э*.

Замеч. II. Глаголы сего спряжения не имеют формы украйтого прошедшего посредством вставки буквы *и*.

Изъявительное

Настоящее однократное

Азъ хващамъ	Ны хващаме
Ты хващаши	Вы хващате
Той хваща	Тѣ хващать

Настоящее многократное

Азъ хващавамъ	Ны хващаваме
Ты хващавашь	Вы хващавате
Той хващава	Тѣ хващавать

Преходящее простое

Азъ хващахъ	Ны хващахме
Ты хващаши	Вы хващахте
Той хващаши	Тѣ хващаху

Преходящее сложное I

Азъ сâмъ хващаль	Ны сме хващали
Ты си хващаль	Вы сте хващали
Той е хващаль	Тѣ сû хващали

Преходящее сложное II

Азъ бѣхъ хващаль	Ны бѣхме хващали
Ты бѣше хващаль	Вы бѣхте хващали
Той бѣ хващаль	Тѣ бѣху хващали

Прошедшее простое

Азъ хватихъ	Ны хватихме
Ты хватиши	Вы хватихте
Той хвати	Тѣ хватиха

Прошедшее сложное I

Азъ сâмъ хватиль	Ны сме хватили
Ты си хватиль	Вы сте хватили
Той е хватиль	Тѣ сû хватили

Прошедшее сложное II

Азъ бѣхъ хватиль	Ны бѣхме хватили
Ты бѣше хватиль	Вы бѣхте хватили
Той бѣ хватиль	Тѣ бѣху хватили

Прошедшее предложное

Азъ ухватихъ Ны ухватихме

Ты ухватише Вы ухватихте

Той ухвати Тѣ ухватиха

Прош. предложное сложное I

Азъ сâмъ ухватиль Ны сме ухватили

Ты си ухватиль Вы сте ухватили

Той е ухватиль Тѣ сû ухватили

Прош. предложное сложное II

Азъ бѣхъ ухватиль Ны бѣхме ухватили

Ты бѣше ухватиль Вы бѣхте ухватили

Той бѣ ухватиль Тѣ бѣхû ухватили

Прош. определенное простое

Азъ хватнâхъ Ны хватнахме

Ты хватнаше Вы хватнахте

Той хватна Тѣ хватнâха

Прош. определенное сложное I

Азъ сâмъ хватналь Ны сме хватнали

Ты си хватналь Вы сте хватнали

Той е хватналь Тѣ сû хватнали

Прош. определенное сложное II

Азъ бѣхъ хватналь Ны бѣхме хватнали

Ты бѣше хватналь Вы бѣхте хватнали

Той бѣ хватналь Тѣ бѣхû хватнали

Прош. определенное предложное

Азъ ухватнахъ Ны ухватнахме

Ты ухватнаше Вы ухватнахте

Той ухватна Тѣ ухватнâха

Прош. опред. предл. сложное I

Азъ сâмъ ухватналь Ны сме ухватнâли

Ты си ухватналь Вы сте ухватнали

Той е ухватналь Тѣ сû ухватнали

Прош. опред. предложное сложное II

Азъ бѣхъ ухватналь Ны бѣхме ухватнали

Ты бѣше ухватналь Вы бѣхте ухватнали

Той бѣ хватналь Тѣ бѣхû ухватнали

*Давнопрошедшее или многократное
прходящее простое*

Азъ хващавахъ Ны хващавахме

Ты хващаваше Вы хващавахте

Той хващаваше Тѣ хващавахѣ

*Давнопрошедшее или многокр. прех.
сложное или отдаленное*

Азъ сâмъ хващаваль Ны сме хващавали

Ты си хващаваль Вы сте хващавали

Той е хващаваль Тѣ сû хващавали

Отдаленнейшее (сложн. II)

Азъ бѣхъ хващаваль Ны бѣхме хващавали

Ты бѣше хващаваль Вы бѣхте хващавали

Той бѣ хващаваль Тѣ бѣхѣ хващавали

Будущее однократн. неопределенное

Азъ щû хваща Ны щемъ хваща

Ты щеши хваща Вы щете хваща

Той ще хваща Тѣ щутъ хваща

Будущее однократное определ.

Азъ щê хващамъ Ны щê хващаме

Ты щê хващаши Вы щê хващате

Той щê хваща Тѣ щê хващать

Будущее многократное

Азъ щê хващавамъ Ны ще хващаваме

Ты щê хващаши Вы ще хващавате

Той ще хваща Тѣ ще хващавать

Будущее соверш. неопределенное

Азъ щû да хващамъ Ны щемъ да хващаме

Ты щешь да хващаши Вы щете да хващате

Той ще да хваща Тѣ щутъ да хващать

Будущее соверш. определенное

Азъ щû да хватю Ны щемъ да хватимъ

Ты щешь да хватишь Вы щете да хватите

Той ще да хвати Тѣ щутъ да хватеть

Будущее соверш. предложное

Азъ щê ухватîо Ны щê ухватиме

Ты щê ухватишиь Вы щê ухватите

Той щê ухвати Тѣ щê ухватеть

Будущее определенное простое

Азъ щê хватнû Ны щê хватнемъ

Ты щê хватнешь Вы щê хватнете

Той щê хватне Тѣ щê хватнûть

Будущее определенное предложное

Азъ щû да ухватнû Ны щемъ да ухватнемъ

Ты щешь да ухватнешь Вы щете да ухватнете

Той ще да ухватне Тѣ щûть да ухватнûть

Повелительное

Настоящее однократное

Хващайме ны

Хващай ты Хващайте вы

Нéка хваща той Нека хващâть тѣ

Настоящее многократное или неопредел.

Хващавайте ны

Хващавай ты Хващавайте вы

Нека хващава той Нека хващавать тѣ

Повелительное совершенное

Хватиме ны

Хвати ты Хватите или хватѣте вы

Нека хвати той Нека хватѣть тѣ

Совершенное предл. или будущее

Ухватиме ны

Ухвати ты Ухватите вы

Нека ухвати той Нека ухватѣть тѣ

Повелительное неотступное

Хватниме ны

Хватни ты Хватните (или *time*) вы

Нека хватне той Нека хватнûть тѣ

Неотступное совершенное

Ухватни ты	Ухватниме ны
Нека ухватне той	Ухватните (или <i>нѣ</i>) вы Нека ухватнѣтъ тѣ

Условное и сослагательное

Настоящее неопределенное

Да хващамъ азъ	Да хващаме ны
Да хващаши ты	Да хващате вы
Да хваща той	Да хващате тѣ

Настоящее определенное

Да хватю азъ	Да хватиме ны
Да хватишь ты	Да хватите вы
Да хвати той	Да хватеть тѣ

Прошедшие

- a) Чи хватихъ азъ etc. Чи хватихме ны и проч.
- б) Чи ухватихъ азъ etc. Чи ухватихме ны и проч.
- в) Чи хватнахъ азъ etc. Чи хватнѣхме ны и проч.
- г) Чи ухватнахъ азъ etc. Чи ухватнѣхме ны и проч.

Условное неопределенное I

Хващалъ быхъ азъ	Хващали быхме ны
Хващалъ быше ты	Хващали быхте вы
Хващалъ бы той	Хващали быха тѣ

Условное неопределенное II

Хващалъ бѣхъ азъ	Хващали бѣхме ны
Хващалъ бѣши ты	Хващали бѣхте вы
Хващалъ бѣше той	Хващали бѣше тѣ

Условное определенное I

Хватиль быхъ азъ	Хватили быхме ны
и проч.	и проч.

Условное определенное II

Хватиль бѣхъ азъ	Хватили бѣхме ны
и проч.	и проч.

Условное положительное I

Ухватиль быхъ азъ	Ухватили быхме ны
и проч.	и проч.

Условное положительное II

Ухватиль бѣхъ азъ и проч.	Ухватили бѣхме ны и проч.
------------------------------	------------------------------

Условное однократное I

Хватналь быхъ азъ и проч.	Хватнѣли быхме ны и проч.
------------------------------	------------------------------

Условное однократное II

Хватналь бѣхъ азъ и проч.	Хватнѣли бѣхме ны и проч.
------------------------------	------------------------------

Усл. однокр. положительное I

Ухватналь быхъ азъ и проч.	Ухватнѣли быхме ны и проч.
-------------------------------	-------------------------------

Условн. однокр. положительное II

Ухватналь бѣхъ азъ и проч.	Ухватнѣли бѣхме ны и проч.
-------------------------------	-------------------------------

Усл. предположительные

Азъ бы сâмъ хващаль и проч.	Ны бы сме хващали и проч.
--------------------------------	------------------------------

Азъ бы сâмъ хватиль и проч.	Ны бы сме хватили и проч.
--------------------------------	------------------------------

Азъ бы сâмъ ухватиль и проч.	Ны бы сме ухватили и проч.
---------------------------------	-------------------------------

Азъ бы сâмъ хватналь и проч.	Ны бы сме хватили и проч.
---------------------------------	------------------------------

Азъ бы сâмъ ухватналь Ты бы си ухватналь	Ны бы сме ухватнали Вы бы сте ухватнали
---	--

Той бы е ухватналь <i>Прошедшие сложные сослагательные</i>	Тѣ бы сû ухватнали
---	--------------------

a) Чи сâмъ хващаль азъ и проч.

b) Чи сâмъ хватиль азъ и проч.

c) Чи сâмъ хватналь азъ и проч.

d) Чи самъ ухватналь азъ и проч.

Неопределенное

Формы: нет.

1) Усеченное иногда употребляется со вспомогательным
шû: шû хваша

2) Выражается будущими и сослагательными временами:

щұ да	{	хващамъ, ашь, а, т.е. хватать
		хващавамъ, ашь, а, т.е. хватывать
		ухващамъ, а, а, т.е. ухватить
		хватю, ишь, и, т.е. хватить
		хватнү, ешь, е, т.е. хвануть
		ухватну, ешь, е, т.е. ухвануть

Замечания.

На *ихъ* оканчиваются в прошедшем определенном:

а) Умягченные глаголы простой формы, но второй категории глагольного возрастания, т.е. имеющие в себе более одного слога и оканчивающиеся на *ю*, что уже изложено выше в главе о спряжении простых глаголов.

б) Кончатся на *ихъ* и все глаголы сложно-производные, образуемые из сих умягченных глаголов, какой бы они ни были производной формы на *авамъ, явамъ, ивамъ, увамъ* или просто на *амъ* или *ямъ*.

Образование страдательного причастия и происходящего от него глагольного существительного от третьего лица прошедшего определенного в сем спряжении подвергается изменению гласной и отчасти согласной. Поелику третье лицо кончится на *и*, то сия гласная в причастии и сущ. превращается в *e*. Это общий закон. Но главная характеристика сего спряжения состоит в том, что часто предшествующая сему *и* согласная в причастии умягчается, напр., *гостихъ* – *гости* – *гощенъ* – *гощениe*, *бұдихъ*, *бұди*, *бұдты*, *бұдтыie* и проч.

Умягчение сие происходит только в иных случаях также как и в русском языке. Смотри прилагаемую здесь таблицу форм и гл. производства [см. стр. 146-147].

Замеч. 1. К сему спряжению принадлежат и глаголы II^{ой} формы или категории глагольного возрастания или, иначе сказать, глаголы *умягченные* или оканчивающиеся на *ю* с предшествующею ей согласною, или на *у* с предшествующим ему умягченным *ж*, *ч*, *ш*, *щ*. О глаголах сего разряда смотри выше стр. 111-115.

Замеч. 2. Глаголы, спрягаемые по сей форме, редко принимают форму *укратимого* прошедшего, кроме выставленных в вышеприведенной примерной таблице.

Настоящее однократное

Азъ пáдамъ	Ны пáдаме
Ты пáдашь	Вы пáдате
Той пáда	Tѣ пáдатъ

Настоящее многократное

Азъ падувамъ	Ны падуваме
Ты падуваше	Вы падувате
Той падува	Tѣ падувать

Преходящее простое

Азъ падахъ	Ны падахме
Ты падаше	Вы падахте
Той падаше	Tѣ падахъ

Преходящее сложное I

Азъ сâмъ падаль	Ны сме падали
Ты си падаль	Вы сте падали
Той е падаль	Tѣ сû падали

Преходящее сложное II

Азъ бѣхъ падаль	Ны бѣхме падали
Ты бѣше падаль	Вы бѣхте падали
Той бѣ падаль	Tѣ бѣхъ падали

Прошедшее простое

Азъ падохъ	Ны падохме
Ты падоше	Вы падохте
Той падѣ	Tѣ падоха

Прошедшее сложное I

Азъ сâмъ паль	Ны сме пали
Ты си паль	Вы сте пали
Той е паль	Tѣ сû пали

Прошедшее сложное II

Азъ бѣхъ паль	Ны бѣхме пали
Ты бѣше паль	Вы бѣхте пали
Той бѣ паль	Tѣ бѣхъ пали

Примерная таблица глагольного производства спряжения и

Настоящее	Прош.	Греч.-частия	Существо.	Прош. опред.	Прич. гл.	Прич. стр.	З ^е лино	Существо.	Прошед. укаш.
Упáшамъ	шахъ	лъ, нъ	пáие	уплашнхъ	лъ	пенъ	ши	уплашнс	
Полагамъ	гахъ	лъ, нъ	ганie	положнхъ	лъ	женъ	жи	положнс	
Разлучамъ	чахъ	лъ, нъ	чанie	разлучнхъ	лъ	ченъ	чи	разлучнс	
Прескóжамъ	кахъ	лъ, нъ	канie	прескóжнхъ	лъ	ченъ	чи	прескóжнс	
Вратамъ	шахъ	лъ, нъ	шанie	вратнхъ	лъ	пенъ	ти	вратнс	
Зарачамъ	чахъ	лъ, нъ	чанie	зарачнхъ	лъ	ченъ	чи	зарачнс	
Ограждамъ	ждахъ	лъ, нъ	жданie	оградижъ	лъ	жденъ	ди	ограденс	
Готувамъ	вахъ	лъ, нъ	ванie	уготовнхъ	лъ	венъ	ви	уготовенс	
Изгонявамъ	вахъ	лъ, иъ	ванie	изгонихъ	лъ	ненъ	ни	изгоненс	
Бацамъ	ахъ	лъ, нъ	аинie	бацнхъ	лъ	свъ	ци	бациенс	
Развалимъ	яхъ	лъ, нъ	янie	развалинхъ	лъ	свъ	ли	разваленс	
Пороблявамъ	вахъ	лъ, нъ	ванie	поробихъ	лъ	бленъ	би	поробленс	

Охлаждатъ	ждахъ	лѣ, нѣ	охлажданіе	ождалихъ	лѣ	жденіе,
Притурачъ	яхъ	лѣ, нѣ	янис	притурихъ	ренъ	дненіе
Приникамъ	ахъ	лѣ, нѣ	анис	приничихъ	чи	рение
Собуждатъ	ахъ	лѣ, нѣ	анис	собудихъ	дненъ	чесіе
Дарувамъ	ахъ	лѣ, нѣ	анис	дарихъ	ренъ	дненіе
Намирамъ	ахъ	лѣ, нѣ	анис	намерихъ	ренъ	рение
Вѣрувамъ	ахъ	лѣ, нѣ	анис	верихъ	ренъ	взреніе
Искуствамъ	ахъ	лѣ, нѣ	анис	искусихъ	шено	шешіе
Гощавамъ	ахъ	лѣ, нѣ	анис	гостихъ	стіи	щеніе
Лѣкувамъ	ахъ	лѣ, нѣ	анис	лѣчихъ	ченъ	чесіе
и проч.				и проч.		

Прошедшее предложное

Азъ упадохъ Ны упадохме

Ты упадоше Вы упадохте

Той упаде Тѣ упадоха

Прошедшее предл. сложное I

Азъ сâмъ упалъ Ны сме упали

Ты си упалъ Вы сте упали

Той е упалъ Тѣ сû упали

Прошедшее предл. сложное II

Азъ бѣхъ упалъ Ны бѣхме упали

Ты бѣше упалъ Вы бѣхте упали

Той бѣ упалъ Тѣ бѣхû упали

Прошедшее определенное простое

Азъ пâднахъ Ны паднахме

Ты паднаше Вы паднахте

Той падна Тѣ паднахû

Прош. определенное сложное I

Азъ сâмъ падналъ Ны сме паднали

Ты си падналъ Вы сте паднали

Той е падналь Тѣ сû паднали

Прош. определенное сложное II

Азъ бѣхъ падналъ Ны бѣхме паднали

Ты бѣше падналь Вы бѣхте паднали

Той бѣ падналь Тѣ бѣхû паднали

Прош. определенное предложное

Азъ упаднахъ Ны упаднахме

Ты упаднаше Вы упаднахте

Той упадна Тѣ упаднахû

Прош. определ. предл. сложное I

Азъ сâмъ упадналь Ны сме упаднали

Ты си упадналь Вы сте упаднали

Той е упадналь Тѣ сû упаднали

Прош. определ. предл. сложное II

Азъ бѣхъ упадналь Ны бѣхме упаднали

Ты бѣше упадналь Вы бѣхте упаднали

Той бѣ упадналь Тѣ бѣхû упаднали

*Давнопрошедшее или многократное
преходящее простое*

Азъ падувахъ Ны падувахме
Ты падуваше Вы падувахте
Той падуваше Тѣ падувахѣ

*Давнопрошедшее или многократн.
преходящ. сложное или отдаленное*

Азъ сâмъ падувалъ Ны сме падували
Ты си падуваль Вы сте падували
Той е падуваль Тѣ сû падували

Отдаленнейшее

Азъ бѣхъ падувалъ Ны бѣхме падували
Ты бѣше падувалъ Вы бѣхте падували
Той бѣ падувалъ Тѣ бѣхѣ падували

Будущее однократн. неопределенное

Азъ щû пада Ны щемъ пада
Ты щешь пада Вы щете пада
Той ще пада Тѣ щутъ пада

Будущ. однократн. определенное

Азъ щê падамъ Ны щê падаме
Ты щê падашь Вы щê падате
Той ще пада Тѣ щê падать

Будущее многократное

Азъ щê падувамъ Ны щê падуваме
Ты ще падувашь Вы щê падувате
Той ще падува Тѣ щê падувать

Будущее совершенное неопределенное

Азъ щу да падамъ Ны щемъ да падаме
Ты щешь да падашь Вы щете да падате
Той ще да пада Тѣ щутъ да падутъ

Будущее совершенное определенное

Азъ щû да падû Ны щемъ да падемъ
Ты щешь да падешь Вы щете да падете
Той ще да паде Тѣ щутъ да падутъ

Будущее совершенное предложное

Азъ ѿпаду	Ны ѿпадемъ
Ты ѿпадешь	Вы ѿпадете
Той ѿпаде	Тъ ѿпадутъ
<i>Будущее определенное простое</i>	
Азъ ѿпаднѫ	Ны ѿпаднемъ
Ты ѿпаднешь	Вы ѿпаднете
Той ѿпадне	Тъ ѿпаднутъ
<i>Будущее определенное предложное</i>	
Азъ ѿпаднѫ	Ны ѿпаднемъ
Ты ѿпаднешь	Вы ѿпаднете
Той ѿпадне	Тъ ѿпаднутъ

Повелительное

Настоящее однократное

Падай ты	Падайме ны
Нѣка пада той	Падайте вы
	Нѣка падаѣть тъ

Настоящее многократное

или неопределенное

Падувай ты	Падувайме ны
Нѣка падува той	Падувайте вы
	Нѣка падуватъ тъ

Повелительн. совершенное

Пади ты	Падѣме или да падеме ны
Нѣка паде той	Падѣте вы

Совершенное предл. или будущее

	Нѣка падутъ тъ
--	----------------

Упадемъ ны

Упади ты	Упадѣте вы
----------	------------

Да упаде той Да упадутъ тъ

Упадемъ ны

Упадѣте (падните) вы

Нѣка паднутъ тъ

Падни ты

Падните (падните) вы

Да падне той

Неотступное совершенное

Упадни ты	Да упаднеме ны
Да упадне той	Упадните вы

Сослагательное и условное

Настоящее неопределенное

Да падамъ азъ	Да падаме ны
Да падашь ты	Да падате вы
Да пада той	Да падать тѣ
<i>Настоящее определенное</i>	
Да падемъ азъ	Да падеме ны
Да падешь ты	Да падете вы
Да паде той	Да падутъ тѣ

Прошедшее

Чи паднахъ азъ	Чи паднахме ны
Чи паднѣше ты	Чи паднахте вы
Чи паднѣше той	Чи паднѣху тѣ
<i>Чистое условное неопределен. I</i>	
Падаль быхъ азъ	Падали быхме ны
Падаль быше или	
бѣше ты	Падали быхте вы
Падаль бы той	Падали быха или бяху тѣ

Чистое условное неопределен. II

Падаль бѣхъ азъ	Падали бѣхме ны
Падаль бѣши ты	Падали бѣхте вы
Падаль бѣши той	Падали бѣше тѣ

Чистое условное определенное I

Палъ быхъ азъ	Пали быхме ны
Палъ быше ты	Пали быхте вы
Палъ бы той	Пали быха тѣ

Чистое условное определ. II

Палъ бѣхъ азъ	Пали бѣхме ны
Палъ бѣши ты	Пали бѣхте вы
Палъ бѣше той	Пали бѣше тѣ

Условное положительное I

Упаль быхъ азъ Упали быхме ны

Упаль быше ты Упали быхте вы

Упаль бы той Упали быха тѣ

Условное положительное II

Упаль бѣхъ азъ Упали бѣхме ны
и проч.

Условное однократное I

Падналь быхъ Паднали быхме
и проч.

Условное однократное II

Падналь бѣхъ Паднали бѣхме
и проч.

Однократное положит. I

Упадналь быхъ Упаднали быхме
и проч.

Однократное положительное II

Упадналь бѣхъ азъ Упаднали бѣхме ны
и проч.

Прошедшие сослагательные

а) Чи сâмъ падаль азъ и проч.

б) Чи сâмъ падналь азъ и проч.

в) Чи сâмъ упаль азъ и проч.

г) Чи сâмъ упадналь азъ и проч.

Неопределенное

Формы неопределенного: нет

Существует усеченное *пада*, употребляемое при помощи
щû, *щâшь*, *ще*, *щемь*, *щете*, *щûтъ*: *щû пада* хочу падать.

В разных временах своих неопределенное заменяется будущими и сослагательными временами:

щû да	{	падамъ или	}	падать
		падувамъ		
		упадамъ		
		паднû		
		упаднû		

Замечание

1) На *охъ* в прошедшем определенном оканчиваются большей частью простые неумягченные глаголы, т.е. оканчивающиеся на *у*, напр.:

крадӯ	—	крадохъ
везӯ	—	вездохъ
текӯ	—	текохъ
чётӯ	—	чётохъ
жёгӯ	—	жёгохъ

и проч.

См. главу о спряж. прост. глаг.

2) Сложно-производные от оных, напр., *привозяմъ, привезохъ, истекамъ, истекохъ, почитамъ, почитохъ, раждегохъ* и проч.

3) Следующие простые второй категории: *стígамъ, дíгамъ, срѣцамъ, обѣцамъ, облекамъ* и др.

Причастие определенное и существительное, при образовании своем, буквально придерживаются третьего лица прост. определ.:

истекохъ, ше, тече	—	истечениe
пochtохъ, ше, чїте	—	чїтенъ, чїтенie
раждегохъ, ше, дeже	—	дeженъ, дeженie
достигохъ, ше, стiже	—	стиженъ, стiженie

и проч. см. Пр. табл. [см. стр. 154-155].

Замеч. I. Многочисленность форм сего спряжения *пáдамъ* зависит от соединения трех спряжений категорических. Посему, если категория какого-либо из глаголов сего спряжения не двойственная или тройственная, а единственная, в таком случае спряжение не будучи *общее* (но простое) не представит того обилия форм, которые можно видеть в сем образце. Читатель сам уже увидит, какие именно формы может иметь такой глагол. Это преимущественно должно подразумевать о глаголах II категории, сложных с предлогами, которые действию придают особенную определенность и которые посему часто не допускают глаголу иметь формы такого значения, которые бы противоборствовали назначению предлога.

Примерная таблица глагольного производства спряжения о

Настоящее Почитамъ	Прош. такъ	При- частия лъ, нъ	Существо. тanie	Пр. опред. почетохъ	3 ^е личко	Прич. глаг. челе	Прич. Страд. чтени	Существо. почтение
Извѣргамъ	захъ	лъ, нъ	занie	извѣрохъ	же	глъ	женъ	женie
Нарекамъ	кахъ	лъ, нъ	канie	нарекохъ	че	калъ	ченъ	ченie
Постигамъ	гахъ	лъ, нъ	гanie	постигохъ	же	глъ	женъ	женie
Прирастамъ	ахъ	лъ, нъ	станie	прирастохъ	сте	расль	щенъ	щенie
Разсткамъ	ахъ	лъ, нъ	канie	разсткохъ	че	калъ	ченъ	ченie
Помагамъ	ахъ	лъ, нъ	ганie	помогохъ	же	глъ	женъ	женie
Огнадамъ	ахъ	лъ, нъ	данie	отпадохъ	де	аль	денъ	денie
Раждегамъ	ахъ	лъ, нъ	ганie	раждегохъ	же	глъ	женъ	женie
Припѣкамъ	ахъ	лъ, нъ	канie	припекохъ	че	калъ	ченъ	ченie
Истѣкамъ	ахъ	лъ	канie	истекохъ	че	калъ	ченъ	ченie
Пробождамъ	ахъ	лъ, нъ	данie	пободохъ	де	богъ	денъ	денie
Срѣщамъ	ахъ	лъ, нъ	щанie	срѣтохъ	те	тель	тенъ	тенie
Воздигамъ	гахъ	лъ, нъ	ганie	вѣдигохъ	же	глъ	женъ	женie

Облекамъ	кахъ	лъ, нъ	кане	облекохъ	хъль	чень	чете
Обращамъ	щахъ	лъ, нъ	щание	обртохъ	бръль	тень	тене
Прозождамъ	ждахъ	лъ, нъ	жданіе	проведохъ	вель	день	деніе
Погрѣбамъ	бахъ	лъ, нъ	баниe	погребохъ	бль	бенъ	беніе
Застыдамъ	дахъ	лъ	даніе	застыохъ	стъль		
Прилегамъ	гахъ	лъ	ганиe	прилегохъ	гль		
Избѣгамъ	гахъ	лъ, нъ	ганиe	избѣгохъ	же	жень	
Излѣзамъ	захъ	лъ	заніе	излѣзохъ	зѣ	злъ	
Исчезвамъ	вахъ	лъ	аніе	исчезохъ	зѣ	злъ	
Пристрагамъ и проч.	гахъ	лъ, нъ	ганиe	пристрогохъ и проч.	гль	жень	

Замеч. II. Есть глаголы такие, коих действие может быть, несмотря на присутствие предлога, еще *укратимо* (что я и называю *укратимыми* глаголами) посредством вставления в форму буквы *и*. Читатель опять сам заметит, какие из глаголов, приложенных в сей таблице, по свойству действия своего суть *укратимы* или *не укратимы*. Таким образом, к первым принадлежат:

постигамъ	-	гнâхъ
прирâстамъ	-	снâхъ
пробождамъ	-	днâхъ
вôздигамъ	-	гнâхъ
засѣдамъ	-	днâхъ
прилêгамъ	-	гнâхъ
и проч.		

Изъявительное Настоящее

Азъ обувамъ Ны обуваме

Ты обувашь Вы обувате

Той обува Тѣ обувать

Преходящее простое

Азъ обувахъ Ны обувахме

Ты обуваше Вы обувахте

Той обуваше Тѣ обуваха

Преходящее сложное I

Азъ сâмъ обувалъ Ны сме обували

Ты си обувалъ Вы сте обували

Той е обувалъ Тѣ сû обували

Преходящее сложное II

Азъ бѣхъ обувалъ Ны бѣхме обували

Ты бѣше обувалъ Вы бѣхте обували

Той бѣ обувалъ Тѣ бѣхû обували

Прошедшее простое

Азъ обухъ Ны обухме

Ты обуше Вы обухте

Той обу Тѣ обуха

Прошедшее сложное I

Азъ сâmъ обуль Ны сме обули
и проч.

Прошедшее сложное II

Азъ бѣхъ обуль Ны бѣхме обули
и проч.

*Будущее однократное
определенное*

Азъ щê обувамъ Ны щê обуваме

Ты щê обувашь Вы щê обувате

Той щê обува Тѣ щê обувать

Будущее соверш. определенное

Азъ щê да обуё Ны щемъ да обуемъ

Ты щешь да обуешь Вы щете да обуете

Той ще да обуе Тѣ щутъ да обуютъ

Будущее определ. простое

Азъ щê обуну́ Ны щê обунемъ

Ты щê обунешь Вы щê обунете

Той щê обуне Тѣ щê обунуть

Повелительное

Настоящее

Обувайме ны

Обувай ты Обувайте вы

Нека обува той Нека обуваётъ тѣ

Повелительное совершенное

Обуйме ны

Обуй ты Обуйте вы

Нека обуе той Нека обуётъ тѣ

Сослагательное и условное

Настоящее

Да обувамъ азъ Да обуваме ны
и проч.

Прошедшее

Чи обухъ азъ Чи обухме ны
и проч.

Чи обунухъ азъ Чи обунухме ны
и проч.

Условные

Неопределенное I

Обувалъ быхъ азъ Обували быхме ны
и проч.

Неопределенное II

Обуваль бѣхъ азъ Обували бѣхме ны
и проч.

Определенное I

Обулъ быхъ азъ Обули быхме ны
Определ. II

Обулъ бѣхъ азъ Обули бѣхме ны

Предположительные

Азъ бы сâмъ обувалъ Ны бы сме обували
Азъ бы самъ обуль Ны бы сме обули

Сослагательн. сложные

Чи сâмъ обувалъ, Чи сâмъ обуль

Неопределенное

Формы: нет.

1) Усеченно: щу обува

2) Заменяется будущим и сослагательными

щû да $\left\{ \begin{array}{l} \text{обувамъ обувать} \\ \text{обую обуть} \end{array} \right.$

Замеч. Глаголы, спрягаемые по сей форме, немногочисленны; оканчиваясь в настоящем на *увамъ* или *ювамъ*, в прошедшем удерживают *ухъ* или *юхъ*.

Причастия образуются у всех на *тъ*, но существительные от оных не происходят, так как прош. сего образца имеет свойство определительно-однократное, то и действие оного неудобовыразимо посредством существительного. См. табл. на стр. 159.

Примерная таблица спряжения ү

Настоящее	Прош.	Прич. глаг.	Стия стр.	Существо.	Прош. опред.	3 ^е лицо	Прич. глаг.	Прич. стр.	Су-ществ.
Огринахъ	отринахъ	наль	нанъ	отринанie	отринухъ	отрину	лъ	тъ	
Обувамъ	обувахъ	валъ	ванъ	обуванie	обухъ	обу	лъ	тъ	
Изувамъ	изувахъ	валъ	ванъ	изуванie	изухъ	изу	лъ	тъ	
Чувамъ	чувахъ	валъ	ванъ	чуванie	чухъ	чу	лъ	тъ	
(стегу)									
Помѣнувамъ	нужахъ	валъ	ванъ	нужанie	помѣнухъ	помѣну	лъ	тъ	
Псувахъ	псувахъ	валъ	ванъ	псуванie	по-псухъ	попсу	лъ	тъ	
(гажу,									
ругаю)									
Изблювамъ	ювахъ	валъ	ванъ	юванie	изблюль	изблю	лъ	тъ	
Преминамъ и проч.	и нахъ	нахъ	нанъ	нанie	преминухъ и проч.	премину	лъ	тъ	

О требованиях глаголов

Замеч. Требованием глаголов (*Regimen Verborum*) называется известное их свойство согласоваться с известным падежом; так, напр., глагол действительный должен иметь или *требует* вин. падежа, глагол дательный дательного и проч. Посему вообще система глагольных требований заключает в себе все их отношения к падежам.

Мы видели, однако, при обозрении склонений, что в выражении смысла падежей в болгарском языке весьма важную роль играют предлоги, потому именно *семь* падежных форм не достаточны для выражения отношений всякого возможного действия к его предмету. Мы заметили тоже, что *падежная форма* и *предлог*, хотя в грамматическом отношении и различны, в мыслительной сущности, однако, суть одно и то же, ибо как *окончание* падежа, так и *предлог* выражает отношение действия к предмету. Если бы не было так называемых предлогов, то должно бы тогда иметь столько же падежей в склонении, сколько существует предлогов. Эта мысль действительно оправдывается в языках, в которых есть до 10 и 12 падежей. Есть даже языки, как мадярский (или так называемый венгерский) и другие татаро-турецкого корня, в коих не имеется *предлогов*, а есть залоги (*postpositiones*), т.е. частицы, ставимые позади слов так, однако, что с ними сплавливаются в одно слово и, таким образом, представляют собственно не иное что, как только *формы* или разные окончания одного и того же слова; посему, напр., в мадярском столько же есть окончаний или падежей, сколько и так называемых (N.B. Мадярские грамматики в подражание европейским грамматикам и свои же залоги называют *предлогами*) предлогов, например, *asztal* (астал) стол, *asztal-nak* столу, *asztalt* стол, *asztallal* столом, *asztaltól* от стола, *asztalról* со стола, *asztalon* на столе, *asztalban* в столе, *asztalba* в стол, *asztalra* на стол и проч.

Вообще *предлог* составляет исключительную принадлежность глагола; хотя он может находиться при существительном и без глагола, но в таком случае глагол подразумевается. Предлог есть *ключ к явлениям*, ибо он есть *условие*, под которым совершается действие; предлог есть *подвижной*,

бродящий, независимый падеж; он кочует между действием и предметом оного, то сплавливается с глаголом, то становится к существительному; в обоих случаях стоит спереди. Предлог есть не только *всеобщее склонение*, ибо он обозначает все отношения действия к предлогу в *пространстве*, но и сверх сего предлог есть *всеобщее спряжение* (преимущественно в славянских наречиях), ибо за недостатком форм он определяет действия *во времени*. Вспомним из спряжений, что оттенки между многократностью, определительностью и продолжительностью действия совершаются посредством предлога, равно как и прошедшие и будущие времена и, наконец, категории глагольного возрастаия.

Итак, если глагол должен требовать чего-либо, то требует не только *падежей*, но и *предлогов*. Само собою разумеется, что если в каком-либо наречии падежные формы довольно скучны, то требования глаголов такого наречия большею частию относятся к одним только предлогам. Если сравнить требования глаголов разных языков, то можно будет заметить *разности*, которые посему и составляют отличительные черты того или другого языка. Следовательно, надлежит знать общее склонение, т.е. систему глагольных требований. А эта-то система независимо от форм падежных может иметь свои сходства и свои разности. Это еще ощутительнее должно быть при сравнении и изучении систем сродных славянских наречий.

Сверх сего наречия или языки, кроме разности в требованиях глагольных, могут еще тем разниться между собою, что одни могут напирать более на падежные формы, а другие более на предлоги. Это обстоятельство одно из величайших в языкописи или филологии, ибо [о]но показывает настоящий путь, которым произошла существенная разница между старыми и новыми языками. Замечательно, что старые языки дорожат падежными формами и что, наоборот, новые бросились более или менее на предлоги и склоняют посредством предлогов или так называемых частиц, что мы уже назвали *оборотным склонением*. В пример припомню новые языки латинского корня: волошский, италианский, французский, испанский. Само собою разумеется, что из отступления от

падежных форм на предлоги произошли все те перемены и обороты, коими отличается механика новейших языков.

Хотя нам и не известен старотевтонский, однако нынешние его наречия носят на себе печать перерождения. Таким же образом (хотя и под другими еще условиями) нынешний греческий до того отступил от древнего, что нынешний грек весьма трудно понимает Аристотеля или Гомера. При взгляде на нынешние славянские наречия можно тотчас заметить, что они принадлежат к категории старых, полноформных, цельных, так сказать, языков; стоит только сравнить (напр., русский с греч. и латинским и новыми языками), чтобы убедиться в этом. Таким образом, из всех славянских наречий одно болгарское вступило в путь перерождения. Впрочем оно не выполнило еще всех условий нового языка, и новоболгарским можно называть оное только по сравнению со староболгарским, т.е. церковным нашим.

Соображая обратные склонения сего наречия с требованием глаголов, нельзя не заметить, что сии последние составляют самую [так!] отличительную главу в изучении сего наречия. Существенное отступление его от северо-русского и южно-русского состоит в особенном употреблении предлогов; так, напр., где северянин употребит *к* (приходи *ко* мне), где южанин ставит *до* (приди *до* мене), там болгарин поставит *при* (доиди *при* мене) и проч. О предлогах будет говорено отдельно в своем месте; здесь же упомянуто будет об них во столько, во сколько они составляют принадлежность глаголов, заступая место падежей.

1) Взаимные глаголы требуют предлог *сбсъ* или *съ*, напр.: “Дойдбха московцы та се бйха сбсъ турцы”. И проч.

2) Глаголы действительные для означения орудия принимают *сбсъ* или *съ*, напр.: “Забйха го сбсъ пиштове”. – Убили его пистолетами вм. из пистолетов; “Сбсъ каменіе заградїха му путь”. И проч.

3) Глаголы движения к месту или на место принимают предлог *на*, напр.: “Щесь да се вѣрнешь *на* свое отечество”; “Кога ходїхте *на* Дренополе, на Солунь”; “Баша ми дигнû *на* Россію, *на* Влашкû, на Богданскû” (в Валах., в Молдавию). И проч.

Замеч. I. На употребляется в подобном случае и в русском: поехал на Родину, на Рязань, только это исключение, а у болгар правило.

Замеч. II. Если глагол движения сложен с предлогом *въ* для означения внутренности, то он же и повторяется вместо *на*, напр.: “Кога бýше турцы внишли *въ* градъ, запалиха го”; “Стóри да не влéзешь *въ* кўщú му”. И проч.

4) Глаголы движения с места принимают *отъ*: “Парѝ ми донéсоха *отъ* Цариграда” вм. изъ Щ[ари]гр[ада]. “Доидé ми кни́га *отъ* Запланинска”, т.е. Я получил письмо из Трансильвании или Венгрии.

5) *Отъ* ставится и при глаголах, означающих движение от какого-либо явления, напр.: “Той ме ё извáдиль *отъ* гортани вражí”; “Христосъ ны спасè *отъ* той-си смéрти”; и проч.

6) Многие глаголы, которые в русском по синтаксису требуют дательного падежа, принимают предлог *на*: “Да се поклáнять *на* бездушны идолы”; “Да се учи *на* кни́ги”, т.е. учиться писанию; “Катò се нанесè бéда *на* оного си человéка”; и проч.

Замеч. Однако глаголы сего разряда, если на требование их соответствует не существительное, но местоимение личное, то сие последнее ставится в дательн. падеж, напр.: “Да *му* се поклáнять”; “Катò *му* се нанесè бéда”; и проч.

Поелику часто глагол от сложения с предлогом получает смысл *действия в пользу* чью-либо, напр., *сопутувамъ* (сопутствую), то по сей причине подобные глаголы и могут принять дательный падеж, напр., буду ему сопутствовать *щу да* *му* *сопутувамъ* и проч. Но сверх дательного глагол может потребовать и повторение предлога, напр., *щу да* *сопутувамъ* *сбсъ него* или *приступиша при него*; и проч. Если же вместо местоимения стоит существительное муж. роду и в единств. числе, то тоже можно поставить оное в дат. падеж *щу да* *сопутувамъ* *оному-си* *человéку*. Но если существительное будет женск. роду на *а* или *я* или в множ. числе, в каких случаях обыкновенно менее употребительна падежная форма дательного, то тогда вместо дательного охотнее повторяют

предлог, напр.: щѣ да сопутувамъ сѣсъ онѣ си женѣ или сѣсъ онѣи человѣцы.

Впрочем как предлог *на* часто употребляется в прямом смысле дат. падежа, то легко усмотреть можно, где он стоит как предлог и где как падеж.

Вообще же требование одного и того же глагола может быть различно согласно с характеристикою склонений. Следующая таблица покажет это.

Присмѣвамъ се насмехаюсь

- I. “Той *ми* се присмѣва”. Он насмехается надо мною.
- II. “Той се присмѣва безумному человѣку”.
- III. “Той се присмѣва на безумнаго человѣка”.
- IV. “Той се присмѣва на безумнѣ женѣ”.
- V. “Той се присмѣва на безумны человѣцы”.
- VI. - - - - - на безумны жены”.

Подобным образом можно согласовать *приличамъ я похожу*, с тою только разницею, что при сем глаголе, выражаящем подобие, *на* употребляется как предлог, если дело идет о наружном подобии, а как падеж, если о нравственном.

О причастиях и деепричастиях

а) О причастиях действительных

Причастий действительных болгаре не имеют или не употребляют в просторечии, разве иногда при повторении текста из Св. Писания или в подражание оному. Посему причастия действительные заменяются оборотами, составляемыми из относительного *кой*, *коя*, *кое* или *що* или *дѣтѣ* и глагола. В этом отношении болгаре наравне поступают с французами. Приведем несколько примеров:

Человек, делающий добро, и сам заслуживает благодеяние.

“Человѣкъ кой стбri милостинѣ и самъ заслугува да му се стбri блаѓо”.

L'homme qui fait du bien m rite qu'on en fasse   lui-même.

Бывшие здесь купцы все разъехались.

“Тôрговцы, що бѣше дотекли тuka, січкі разидбoшe сe”.

Tous les marchands qui étaient arrivés ici, se sont en allés.

Всяк возвеличающийся унизается;

“Кой се оголемява ще да е пониженъ”.

Qui s'enorgueillit trouvera des humiliations.

И проч. и проч.

Замеч. Если рече́ние, в котором находитсѧ относи́тельное, вставле́но в то, в котором есть *преди́дущее*, то сие посleднее должно находитсѧ в передней части разделеного рече́ния, напр.:

“Стоянъ, кой бѣше ходилъ на Терновъ, умрѣ”.

Стоян, { хаживавший
который хаживал в Тернов, { скончался.
И проч.

Но как болгаре вместо *кой* имеют еще другое относительное *що*, то первое удобнее употреблять в таких речениях, в которых или недостает предидущего существительного, напр.:

“Си́чки кой сидѣше у градѣ неймаše грижѣ отъ врагове”.

Все те, которые оставались в городе, не опасались от неприятеля;

или,

если относительное находится в вводном речении,
напр.:

“Көй нейма пары требува да работы”.

Кто не имеет денег, должен работать;

или

“Кой нѣма родителіе на землѣ тому ще да є баща Божъ”.

У кого нет родителей на земле, тому отцом Бог.

И проч.

Если же предидущее существительное выставлено, то вместо *кой* ставят охотнее *что*; посему в вышеприведенном примере можно было удобнее сказать

"Стоянъ, *що бѣше ходилъ на Терновъ, умрѣ*"; или:
"Стоянъ, *дѣтѣ бѣше ходилъ на Терновъ, умрѣ*"; и проч.

Впрочем должно заметить, что и русский народ реже употребляет причастия, нежели это делается в литературе. Причина сему довольно естественная, ибо причастия употребляются с большою выгодою только там, где нужно сократить многочленность периодов. Но как простой народ редко или почти никогда не употребляет многочленных периодов, то и не имеет такой необходимости в причастиях. Всякому известно, что следу[ю]щее, напр., впрочем хорошее русское выражение "*Вы возвратите мне врученные мною вам деньги*" простолюдин переведет по-своему: "*Вы мне воротите деньги, что я вам давал*". И проч.

Соображая действ. причастия с этой точки зрения, можно сказать, что со временем болгаре также легко могут усвоить себе действит. причастия русского языка, как и русские мыслители. Аналогия русского простолюдина с болгарином в том, что и он старается избегать Причастия и свое *что (што)* в таких же случаях употребляет как и болгарин, а в литературе даже и поляк.

б) О причастиях страдательных

Страдательные причастия довольно употребительны, преимущественно прошедшие. Настоящие, поелику означают состояние или страдание лица или вещи, то чаще заменяются средними или возвратными глаголами или же оборотом из существительного и предлога. Напр., хотя и может сказать болгарин *крѣсть вѣдигаемъ* (воздвигаемый) или *сѣжигаема книга*, или *развалимо царство*, или *душа непогубима* и проч., простолюдин, однако, в первом случае скажет и *крѣсть що го вѣдигаютъ*, во втором *книга що сѣжигатъ*, *царство що може да се развали*, *душа що неможе да се погуби* или *да ю погубетъ* и проч. Если же при страдат. настоящем причастии выставляется и причина или способ страдания, напр., движимый любовью, состраданием, подстрекаемый завистью, ревностью и проч., то чаще сие страд. причастие превращают в

действ. или средн. речение, напр., *воспалѝ го любовь, возгорѣ отъ ревности, возбудѝ го зависть, злоба и проч.*

Замеч. В таких случаях, т.е. когда болгаре вместо наст. страд. причастия употребляют действ. или среднее речение, то для связи ставят после оного соединит. частицу *та*: *възбудѝ се отъ состраданія та му дадѣ милостынѣ побуждаемый состраданием дал и проч.; воспалѝ се отъ гнѣва та го заби.* Впрочем, если выставлена причина, то болгаре, как и русские, вовсе не употребляют причастия, выражаясь достаточно сущ. и предлогом: *отъ состраданія дадѣ му, отъ злоба забѣ го и т.д.; изъ состр., изъ злости говорится и по-русски.*

Что касается до прошедших и глагольных причастий, то употребление их столь же общее, как и в русском. Образование как страд. прошедших, так и глагольных можно видеть выше в словоизводных таблицах глаголов. Вообще генетическая их форма зависит от формы прошедшего, из коего они образуются; а в рифмическом отношении иные от русских отличаются тем только, что уничтожают умягчение, напр., л выбрасывают после губных: *влюбенъ, погубенъ, покупенъ* вместо *влюблень, погубленъ, купленъ* и проч. или ж перед д: *пробуденъ, проводенъ* вме. *пробужденъ, провожденъ* и проч. Или в прош. опред. спряж. охъ глагольное в муж. роде принимает а перед л, напр.: *рекаль, могаль* вме. *рекль, могль* и проч.

О деепричастиях

Форма деепричастий только одна настоящего на шкомъ: *сидишкомъ* (сидя), *молчишкомъ*, *течешкомъ* (идя), *правишкомъ* (делая) и проч. Поелику деепричастие, отвечая на вопрос как, есть собственно глагольное наречие, то в прошед. временах заменяется оборотами, смотря по условиям, по коим означает или время, или способ, или причину, напр.: Будучи в городе, потерял шапку. *Кога бѣхъ у кале, погубихъ кучму;* или: Много писавши, он лишился зрения. *Отъ много писанія той ослѣпѣ;* и проч.

ПРЕДЛОГИ

Предлоги суть почти все те же, что и в русском: *безъ, въ, до, за, къ или камто, на, надъ, низъ, о, освень, отъ, по, подъ, помежду, предъ, при, презъ, преко, сбсъ или съ, у, срѣцу*.

Но в значении и употреблении нередко значительно отступают от русских.

Предлоги глагольные, т.е. входящие в состав сложно-производных глаголов, суть почти те же и с тем же значением, как и [в] русском, исключая небольшие отступления в значении глаголов, составляющие посему особенность наречия.

Значение и употребление предлогов с существительными можно объяснить вполне не столько переводом их на русский язык, сколько примерами. Для лучшего их приискания я изложу оные в алфавитном порядке.

Безъ

а) Если нужно выразить недостаток чего-либо: “Оти́доше на Цариградъ *безъ пари*”, т.е. без денег; “Забіяше го *безъ пушкѣ*”, т.е. без ружья; “Идолъ бѣше напрѣвенъ *безъ руцѣ* и *безъ очи*”, т.е. Истукан был сделан без рук и глаз.

б) Если нужно выразить не недостаток, а исключение из чего-либо, то употребляют *освень* (кроме, исключая): “Всѣ ядохме хлѣбъ *освень тебѣ*”, т.е. Мы все обедали, *кроме тебя*; “Сичко му стига *освень ума*”, т.е. Всего у него довольно, *кроме ума*; и проч.

Въ

а) В том же значении как и в русском: “Влѣзуваше *въ церквѣ-тѣ*”. Входил в церковь; “*Въ единъ день дойде на калѣ*”. В один день дошел до города; “Забурѣвихъ чи е *въ күщи*”. Я забыл, что есть в комнате; и проч.

б) Нередко заменяется посредством *у*: “Влѣзоха *у күшѣ* му”. Вошли в дом его; “У двора му бѣше одно куче”. На дворе его была собака; и проч.

До

а) В значении *к*, как [в] мало-русском: “Дойди до мéне”. Прииди ко мне; “Та си речь се чу до царя-ть”. Этот слух дошел до царя; и проч.

б) В значении *почти*, как и [в] русском: “Путь ми бѣдаллѣчъ, до 60 побрища”. Дорога его была далека до 60 часов ходьбы; “Александъ имаше до 30 хиліады воиницы”. Александр имел до 30 тысяч войска; и проч.

За

Сей предлог имеет разные употребления и значения:

а) Обыкновенное: “Той го улови за рўку-тѣ и му рече”. Он его взял за руку и сказал ему;

б) В значении *для*: “За добро ги создадѣ Господь”. Для блага их сотворил Бог;

в) Значит *по причине, ради*: “За тебе щу да иду на смѣрть”. Ради тебя я пойду на смерть, или: За тебя я готов умереть;

г) Вместо *въ*: “Азъ за нищо ги имамъ”. Я ни во что их не ставлю; “За добро ны има Господь добрый животъ”. Добрую жизнь добром же принимает Господь;

д) В значении *о, об*: “За тѣ си гостбѣ и пророк Давидъ рече”. Об этом пире говорит и пр. Давид; “Мнѣго ми хортұваха за тебѣ”. Мне много говорили о тебе;

е) За требует или может принять сослагательное наклонение, если существительное его образовано из глагола; таким образом, сей предлог входит в состав особенного оборота, свойственного только болгарскому наречию; например: Он отправился для покупки лошадей. “Той отидѣ за да купува конie”; Он поручил мне свое сокровище для хранения. “Той даде ми иманіе си за да го чувамъ”.

Н.В. Таким образом, болгарин может выражаться двояко 1) или сослагательным или 2) существ. глагольным: 1) *за да* го чувамъ или 2) *за* чуваніе.

Изъ

В том же значении в сложности с глаголом заменяет русское *вы*; например: “Излѣзамъ изъ күшї”. Выхожу из дома; “Господь изведѣ ги изъ Египта”. Господь вывел их из Египта; “Турцы изтўриха ги изъ калѣ”. Турки выгнали их из крепости.

Къ, камто, ката

Къ заменяется чаще предлогом *камто*, а иные даже произносят *като*, *ката*: “Камто тѣбе”. К тебе; “*Ката* исток, *ката* море”. К востоку, к морю; “Ти имашь любовь *камто* него”; и проч.

Впрочем весьма часто сей предлог заменяется другими предлогами *на* и *при*; например: “Отиде *на* кладенецъ да почѣрпе воды”. Пошел к колодцу черпнуть воды; или: “Те дойдоха *при* мѣне та ми донесоха гостбы”. – Они пришли ко мне и принесли гостины; и проч.

На

Значение и употребление предлога *на* в падежном отношении уже объяснено при изложении оборотного склонения; здесь упомянем о некоторых других его значениях:

1) В значении движения к месту часто употребляется вместе с *въ*: “Баша му отъидаше *на* Дренополе да работи”. Отец его отправился в Адрианополь на заработки; “Азъ бѣхъ *на* Солуни кога го зѣха кѣрчовцы”. Я находился в Салонике тогда коего [так!] его взяли в плен кырджалии; “Царь го отпусти да иде *на* отчество си”. Султан отпустил его в отчество, *на* родину.

2) Относительно ко времени *на* отвечает на вопрос *когда*, напр.: *на* ютрешній день, *на* другій мѣсецъ.

Надъ

Употребляется при выражении превосходства одного предмета над другим; например: “Человѣкъ е найгоренъ *надъ* сички добитаци”. Человек достоинством выше всех прочих

животных; “Аянъ бѣше поставенъ надъ много села и градове”; и проч.

В иных случаях *надъ* заменяется предлогом *повѣрхъ*: “Блискавица бѣ *повѣрхъ* горы и планине”. Молния сверкала *надъ* горами и Альпами; “Едно птиче прелѣтѣ *повѣрхъ* күщіе”. Одна птица пролетела над домами.

Низъ

Сей предлог можно перевести французским *au-dessous*, а по лат. *infra*, так, например: “*Низъ* шуму, *низъ* поля”. *Под* лесом, *ниже* поля или *за* полем; “Потече по *низъ* горы”. Пошел *под* гору; и проч.

Вообще *по* предлог составляет с *низъ* один (*понизъ*), если движение означается к месту.

О, объ

Сей предлог заменяется, как уже выше сказано, предлогом *за*, посему в болгарском просторечии не употребляется; по крайней мере мне не встречалось, разве кто вздумает выразиться в духе церковного языка.

В сложных же глаголах *о* перед согласною и *объ* перед гласною употребляется во всей своей силе; напр.: *отекамъ, обымамъ, обираамъ, описвамъ, обливамъ* и проч.

Освенъ

Освенъ кроме употребляется в значении исключения: “Сички людіе потопены бѣше освенъ Ноя сôсь сынове my”.

Отъ

Употребление сего предлога в склонении оборотном уже показано в своем месте. В отношении предложном, кроме значения, в коем употребляется и в русском, напр., “*Отъ* родителя прїехъ живѣяніе, а *отъ* учителя добро живѣяніе”. *Отъ* употребляется еще:

1) В уделительном значении (*partitive*) и совершенно выражает французское *du* или *de la*, например: “Сестра ми поиде да почёрпе *отъ* воды”. Ma soeur est allée prendre *de*

l'eau; "Той срѣтна сиромаха да му даде малко нѣцо отъ иманія си", т.е.: Он остановил бедного, чтобы ему дать что-либо из своего имущества; и проч.

2) Сверх сего *отъ* выражает творительный падеж, если действие его происходит от человека; посему *отъ* с своим падежом совершенно есть то, что в латинском творительный с предлогом *a* или *ab*, требуемый страдательными глаголами, напр.: "Кнїга напісана *отъ* старого учителя"; вместо: старым учителемъ. Liber scriptus est *a* seniore docente; "Исусъ Христосъ преданъ бѣ *отъ* Іуды" вм. Іудою. Iesus Christus a Iuda proditus est; "Много ми желтицы препроводены *отъ* Божана Станова, Травнянина". – Multos aureos a Basiano Stanovio, Trawnenti, mihi missos, accepi. И проч.

3) В смысле землеписном (географическом) или местописном (топографическом) на вопрос *откуда* ставится вместо *изъ*: "Отде идешь? Отъ Габрова, отъ Кѣрчова, отъ Дрено-поля, отъ Преславы (Эски-Стамбула)"; и проч.; или: "Турцы идоха *отъ* Сѣрбіи, отъ Арбанасской" (из Албании);

4) *Отъ* ставится вместо *изъ* тогда, когда сей последний в русском употребляется после количественных и уделятельных частиц, напр.: Много *отъ* тѣхъ побиша врагове". Многих *из* них побил неприятель; "Малко *отъ* турцы сѣдѣха на кале". Мало турков было в крепости; "Нѣкои *отъ* грѣцы-тѣ фѣрлиха на тѣхъ камани". Иные из греков бросали в них каменьями; и проч.

5) В значении поверхности вместо предлога *съ* ставят *отъ*: "Туракъ го бутна *отъ* моста у водѣ". Турок его столкнул с моста в река [так!]; "Единъ турчинъ слѣзѣше *отъ* горы на касабѣ или на градѣ". Один турок сошел с горы в город; и проч.

По

1) Употребляется в том же значении, как и в русском, только с формою предложного, а не дательного падежа: "Бягаше *по* горахъ"; "Ходѣше *по* тѣхъ". Ходили по них; "Ходѣше *по* полатехъ"; "Тако чинять *по* монастырехъ"; и проч.

Надобно заметить, что *х* дыхательное, как полугласное, в окончании часто не договаривается в просторечии; так, вместо “по полатехъ” произносят “по полате”, “по монастыре”, а иногда даже и пишут так.

2) Также употребляется *по*, когда нужно выразить предмет, ради коего делается движение: “Вôлтъоза на планинû по овцы”; “Дíгнâха на далечь по женû”.

Н.В. *По* предлог характеризует прошедшее время в спряжениях, а в прилагательных с положительной степенью составляют сравнительную.

Подъ

Значение и употребление как и в русск.: “Вôдà ё найглûбока подъ Тюпрè”; “Мибóго епископы юмамъ подъ мéне”; “Той си лéгна да спи подъ крушû-тû”. Он лег спать под грушею; и проч.

Подиръ

Подиръ после, по, спустя: “Подиръ еднò мáлко време”. Спустя несколько времени; *Подиръ* много годины”. После многих лет.

Принимает тоже вместо существительного и сослагательное наклонение: “Подиръ що щешь да стобришъ”. После как сделаешь что-либо; “Подиръ да легнешь да спишъ”. После как ляжешь спать; и проч.

Предъ

“Това е мêрзно предъ Господа Бога”. Это скверно пред Господом; “Погна овчёта предъ себë-си”. Погнал овцы перед собою; и проч.

Помежду, помежъ

“Философы казвахû чи имáніе трѣбува да ё общо помежду пріятeli-тъ. Философы утверждали, что имущество должно быть общее между приятелями; “Торговцы хортувахû помежду си”. Купцы разговаривали между собою; “Градъ стои

помежъ водô и плáнинô". Город стоит между рекою и горою; и проч.

При

Сей предлог заменяет разные наши предлоги:

1) При значении местном на вопрос *где* употребляется сообразно с русским: "при горѣ, при морѣ, при кûши" и проч.;

2) На вопрос *куда* ставится вместо предлога *къ*; например: "Вêрни се назадъ *при* госпожду свою". Воротись назадъ къ своей хозяйке; "Щѣше да го тûри у трапъ *при* лëвове-тѣ". Хотел его бросить в яму къ львам; "Дойди *при* мёне да збемеш пары". Приходи ко мне и возьми деньги; и проч.

3) Употребляемое в русском *у* или *возле* заменяется предлогом *при*: "Той сбнува, и видѣ *при* вбзглавie-то му прѣснецъ". Он спал и видел (во сне) *у* подушки своей *placentam*; "Не може человѣкъ да пребуде *при* него". Никто не может находиться *возле* него; и проч.

Презъ, преко

Презъ = чрезъ, сквозь. Например: "Той може да прекâрва грахово зерно отъ далéче *презъ* еднû малкû дупкû", т.е. Он может издали перебросить горошину *сквозь* малую дырку; "Болнавъ бѣ *презъ* сичкû годинû". Болен был в продолжение целого года; "Радувамъ се чи никого не прожалихъ *презъ* сичкай животъ ми". Радуюсь, что в жизни моей я никого не оскорбил; и проч.

Преко = чрезъ, за, напр.: "Преидоша *преко* планины". Перешли через горы, за горы; "Ката годинû преходжаше *преко* Дунаву". Ежегодно переходили через Дунай; и прочая.

Спроти

1) *Спроти* против, напротив, насупротив: "Станахû *спроти* кûшъ". Остановились насупротив дома; "*Спроти* Светые горы Афонскіе има единъ островъ. Зове се Лугъ (Фассъ)"; и проч.

2) Иногда *сproti* стоит вместо русского *пред*: “Поглédна и видѣ человѣка *сproti* себѣ си”. Взглянул и увидел *пред* собою человека; и проч.

Съ или сбѣ

Сей предлог в русском употребляется только для выражения сообщества, сотоварищества, как и в латинском *сит*; но в болгарском он выражает не столько лицо, с коим обращаемся, но и *орудие*, коим действуем. Посему *съ* и *сбѣ* входит в состав творительного падежа, о чем уже говорено было при оборотном склонении. Примеры: “Работахме *сбѣ* него”; “Щешь да идешь *сбѣ* м не”. Ты пойдешь со мною; “Той зѣ опасъ та си обивѣ тѣло *сбѣ* него”. Он взял кушак и обвил им себе тело; и проч.

Срящу, срѣщу

Срѣчу или *срячу* значит: против, на, напр.: “Киръ Персидскій Царь дѣгна бой *срѣчу* него”. Кир персидский царь пошел воиню против него; “Турчинъ идѣше *срѣчу* московцу, или -ца”. Турки выступали против россиян; “Султанъ распали се отъ гнѣва *срѣчу* лукаваго того Бимбashi”; и проч.

У

1) У есть одно и то же, что *въ* и нередко сменяется оным, а именно часто для благозвучия ставится *въ* там, где последующее за ним существительное начинается с гласной; если же с одной или двух согласных, то *въ* превращается в *у*. В том и другом случае коренное значение предлога *у* есть внутренность чего-либо; напр.: “Азъ фѣрлихъ единъ камакъ *у* трапъ”. Я бросил камень в яму; “Азъ фѣрлихъ камакъ *въ* единъ трапъ”; или: “*Въ* единъ день дойдоха при м не много пріятеле”; и проч.

2) Русское значение предлога: “*У* въсъ непочитать добродѣтель, амѣ (но) красну одѣжду, или: красно облекло”.

НАРЕЧИЯ

Наречия главнейшие суть: 1) Места, 2) Времени, 3) Качества, 4) Количества, 5) Числительные, 6) Вопросительные, 7) Подтверждительные, 8) Отрицательные, 9) Сомнительные.

Места

Де, где? – где?; *тукъ, тўка* – здесь; *тамо, тамъ* – там; *долу, низу* – внизу; *горѣ – вверху; близу* или *близо* – близко; *далечь или делече* – далеко; *упреди* – впереди; *узади* – назади; *де бўде* – где-нибудь; *вредъ или врѣдъ* – везде; *на сичко място* – везде; *нигдѣ, нигдѣ* – нигде; *около* – вокруг; *окресть* – в окружности; *посреди* – в середине, *отсрѣщи* – насупротив.

Де? кудѣ – куда?; *на та-такъ* – в сию сторону; *на тамъ* – в ту сторону; *далече, надалече* – далеко; *повѣрхъ* – по вершине, понад; *покрай* – по пределу, к концу; *упредъ* – вперед или *напредъ*; *узадъ* – назад или *назадъ*; *назадъ* – обратно; *наоколо, на окресть* – в окружности; *низу – вниз; на доль – вниз; горѣ – к верху; нагору – к верху; надеснѣ – направо; на шуй, -шици – налево; вонъ, вонка, на вонъ, на вонка – надвор, наружу, вон; вѣтрѣ, внѣтрѣ – внутрь; никудѣ – никуда; на друго място – инде, в др. место; и сѣмъ и тамо – сюда и туда.*

Отдѣ, откүдѣ? – откуда?; *Отъ на татакъ* – с этой стороны; *отъ тамъ или оттамъ* – оттуда; *отдалечь, -че* – издалека, сдалека; *отблизу* – сблизи, снедалека; *отпреди, отпредъ* – спереди; *отзади, -ъ* – сзади; *отгорѣ – сверху; отдолу – снизу; отвонъ, отвонка – содвора, снаружи; отнѣтрѣ – свнутри; отдеснѣ – справа; отшутѣ – слева; отоколу – с окружности; ниотдѣ – ниоткуда; отдѣ-бўде – откуда-либо; извонъ – снаружи; оттукъ, оттука – отсюда.*

Времени

Кога – когда: *сега* – теперь; *днесъ, днеска* – ныне; *ютрѣ – завтра; на утрѣ, ютрѣ* – назавтра; *вчера – вчера, вчерашний*

день; *тогà, тогиwa* – тогда; *тогà-си* – тогда-то; *оттогáва, оттогà* – с тех пор; *рано* – рано утром; *напладне* – в полдень; *катадéнь* – ежедневно; *катанощь* – всякую ночь; *долго* – долговременно; *тұмакси* – тотчас; *подйòръ* – спустя; *съкогà* – во всякое время; *когà-то* – когда-то. некогда; *когà буде, кога щешь* – когда-нибудь; *додè, додt, донде или додгде* – пока, до тех пор пока; *до днесь, -ска* – до сих пор; *никогà* – никогда; *иногd, иновръме* – иногда; *откогà* – с тех пор как; *откога?* – с каких пор? *доколt* – до каких пор; *отсегà* – отныне, впредь, на будущее время; *отднесь, отнынt* – отныне; *нъкогà* – никогда; *докогà* – как долго еще; *привечерь* – к вечеру, в сумерки; *отъ наутрt* – с завтрашнего дня; *другоющь* – в другой раз, в другое время; *пêрвень* – сперва; *отпêрвень* – сначала; *давно* – давно; *отнапредъ* – прежде нежели; *по отнапредъ* – гораздо прежде; *на поконъ* – наконец, спустя, впоследствии; *напрásно* – тотчас, вдруг.

Качества

Категорические:

Какъ? – как?: *тâй* – так; *тâка, тâко* – так; *инакъ, инако* – иначе; *никакъ, никако* – никак; *катò* – как, как-то, так как; *Прилагательные*, т.е. происходящие от прилагательных.

Окончание наречий прилагательных двоякое:

1) на *о*: *мýрно, прáво* (прямо), *крíво, благó*, *умно, хýтро, благочестиво, высóко, красно, хұбаво, лéко, мýло, лéсно* (легко) и проч.;

2) на *т*: *добрt, злt, твêрдt, тѣлеснt, душéвнt*.

Сравнительные:

Вект или ветt – более; *мânт* – меньше.

Вообще же сравнительные наречия легко образуются, ибо состоят из сравнительной и превосходной степеней прилагательных с тем, что удерживают окончания наречий же прилагательных на *о* или *т*, напр.:

<i>похитро</i>	–	искуснее,	<i>наихитро,</i>
<i>похубаво</i>	–	лучше,	<i>наихубаво,</i>

<i>полѣю</i>	-	красивее,	<i>найлѣю,</i>
<i>полѣсно</i>	-	легче,	<i>найлесно,</i>
<i>подобрѣ</i>	-	лучше,	<i>найдобрѣ</i> и проч.

Напрягательные: *твѣрдѣ* – очень, весьма; *едва* – с силою.

Собирательные: *наѣдно*, *вкүпѣ* – вместе, вкупе; *вкратцѣ* – вкратце.

Уподобительные: *какъ* – как, как и; *наприлику* – на подобие, подобно; *отприлике* – почти, около, почти как; *да речешь* – словно, словно сказать, так сказать; *като* – как-то, подобно.

Количественные

Колко? колико? – Сколько; *мнѣго, млѣго, помного, наймного* – более, более всего; *твѣрдѣ много* – весьма много; *малко* – мало; *манѣ* – меньше, *наймѣнѣ*; *нѣколко* – несколько; *доста* – довольно; *толко* – только; *толико* – сколько; *толико-колико* – сколько-нибудь, несколько; *малко-нѣчто* – что-нибудь, несколько.

Числительные

Пѣрво – во-первых; *пѣрвенъ* – во-первых, сперва, сначала; *отпѣрвенъ* – с начала, опять, снова; *понапредѣ* – во-первых, прежде всего; *друго* – во-вторых; *третье* – в-третьих; *пакъ, паки* – опять, снова; *за ново* – сначала; *подирѣ* – потом, спустя; *семнѣ* – после того; *напослѣдокъ* – наконец; *колко пѣти?* – сколько раз? *веднаждѣ, -ы* – раз; *дваждѣ* – два раза; *пять пѣти* – пять раз; *мнѣго пѣти* – весьма часто, много раз; *често, рядко* – часто, редко; *пакъ другъ пѣть* – сверх сего, еще раз.

Вопросительные

Ли? Нели? Защо? – Почему; *отъ що?* – отчего, зачем.

Подтверждительные

Xы, хы! – да, да; *тай* – да; *право** – точно, хорошо;
управо – наверно; *сирѣчъ* – то есть; *быва* – можно, может быть.

**Bravo* у франков.

МЕЖДУМЕТИЯ

О междуметиях можно заметить следующее.

Как простые звуки, означающие расположение души человека, междуметия у болгар те же, что и у нас, за немногими исключениями, как *ахти*, *нуте*.

Особенность в болгарских междуметиях состоит в протяжном звуке *ы*, *ы*, который употребляется для изъявления радости или одобрения; в обыкновенной степени раз выговаривается, а в высшей повторяется. В противоположность этому для означения неодобрения или отрицания выдают звук *цё!*, который сопровождают киванием головы вверху.

Из других замечательны еще следующие:

бре, которое употребляют, когда кого кличут громко:
Стойко бре! Мило бре! и проч.;

мбрे, общее всем задунайским жителям; употребляется, когда кого ты [так!] зовут вблизи или обычным голосом, заменяя им имя лица: *Гайдимъ море – Слыши!* Пойдем; *Стой море – Слыши,* постой; и проч.;

зеръ усилительное, в придачаниях: *Твоя ли та майка? – Моя зеръ; Имашь ли бащû ти? – Имамъ зеръ.*

СОЮЗЫ

Союзы разделить можно на

- 1) Прекословные: *нô* – но, *тôкмо* – только лишь, *ами* – но, впрочем, *напреко* – напротив, *наспротû* – напротив, *а* – но;
- 2) Винословные: *защô* – ибо, поелику, так как; *понéже*, *понéжъ* – поелику; *когà* – когда так, так как; *катò* – как-то, но как, как уже; *чи* – что, что как;
- 3) Уступительные: *макàръ* – хотя, *áко* и – хотя бы;
- 4) Условные: *áко* – если; *áко ли* – если же; *áко не* – если не, разве; *акобы* – лишь бы; *да* – чтобы; *нежели* – нежели, разве; *ако да* – если; *колù* – ежели; *а колù* – а ежели;
- 5) Соединительные: *и* – и; *та* – и; *а* – но; *тако и* – также;
- 6) Заключительные: *итакъ*, *итако* – так; *оти* – вот, итак, таким образом; *атò* – итак; *за това* – потому следственно; *сътнѣ* – таким образом, следовательно; *ради това* – посему, по поводу сего; *тай*, *тô* – то, следовательно;
- 7) Исчислительные: *ли* – или, *какъ* – такъ, *бûде* – буде, *ако* – аколи (или или);
- 8) Сослагательные: *чи* – что, как; *что да* – чтоб; *давнò* – чтоб;
- 9) Отрицательные: *не*, *ни* – ни, *ни* – ниже, нет.

Примерные замечания

Употребление союзов не представляет важных особенностей, кроме некоторых случаев, в коих один употребляется вместо другого. По поелику союзы управляют оборотами в целых периодах и посему занимают важнейшее место в науке оборотов языка, то я заблагорассудил приложить здесь известное количество примеров, в коих бы языколюбец мог наблюдать сии союзы на их месте.

Соединительный *и* употребляется более для соединения двух вещей, а *та* для соединения двух речений, напр.:

“Братъ ми доиде отъ Цариграда, *та* ми донесè пиштобве

посребрены", т.е. Брат мой прибыл из Цариграда и принес мне посребренные пистолеты;

"Той зѣ ножъ, *та* се заклѣ", т.е. Он схватил нож и зарезался; и проч.;

Иногда *неопределенное наклонение* с помощью *ta* превращается в особое речение, связываемое посредством *оного*, напр.:

Паша велел меня выгнать или Паша велел, чтобы меня выгнали.

"Паша повелѣ *та* ме испѣдиха", т.е. Паша велел, и меня выгнали.

Ta соединительное заменяется еще сослагательным *да* в таком только случае, когда нужно выразить не *совершение действия*, а только *намерение* к оному, напр.:

"Паша повелѣ да ме испѣдѣть", т.е. Паша велел меня выгнать или Паша велел, *чтоб* меня выгнали.

Итак, после *да* остается еще вопрос, выгнали ли действительно; если выгнали, то сие совершение выражается посредством *ta*.

Условный *ако* равным образом принимает после себя и подтверждение и отрицание, требуя вместе и форм условных спряжения. Например:

"Ако быхъ ималь ножъ, заклалъ быхъ тѣ";

"Ако быхъ на чловѣцы угаждалъ, христовъ рабъ не быхъ быль".

Ичислительный отрицательный не всегда повторяется как в русском; напр.:

Не стану дома *ни* есть, *ни* пить.

"Не щѣ пой дома, *ни* юстіе да јмъ"; и проч.

Впрочем исчислительные отрицательные повторяются, если исчисление происходит не целыми речениями, но только известными частями речи; напр.:

"Отъ околу сиромахъ бѣ; не быше му *ни* башца, *ни* майка,

ни братъ, ни сестра, ниже пріятеле", т.е. Он кругом был сир; не было у него ни отца, ни матери, ни брата, ни сестры, ни даже и приятелей.

Ами ставится не только в значении прекословном вместо *но* или соединительном вместо *но и*, но и в смысле исключительном вместо *а* русского, напр.:

Он не будил его, *а* оставил спать.

"Той не го сбуди, *ами* го остави да спи".

Чи (что) заменяется иногда в смысле сослагательном посредством *какъ* или *бти* (вот). Первый употребляется, если говорится о подразумеваемом образе события:

"Казувать ми *какъ* много работишь" вместо "Казувать ми *чи* много работишь".

Говорят, что много трудишься вм. Сказывают, как ты трудишься.

И проч.

Второй [употребляется], если *чи* должно следовать после глаголов мышления, предположения (*verba putandi*), напр.:

"Мнѣха, *бти* ги граждане сѣкуть".

Думали: вот граждане их рубят вместо Думали, что граждане их рубят.

И так другие.

Если после винословного *защо* (ибо) непосредственно следует какой-либо из условных, то *защо* требует, чтобы глагол заключительного речения был в условном же наклонении; напр.:

"*Защо* *ако* не бы яль и пиль, като воскресѣ, *тай* *быха* рекли евреи: привидѣніе сторѣ Христосъ; *ами* за това ядѣше и піяше, като сїчки людіе", то есть:

Ибо, если бы не ел и не пил, когда воскрес, то евреи сказали бы, что Христос сделал привидение; и *так потому* ел и пил, как и все другие люди.

О СЛОВОСОЧИНЕНИИ

Под именем *словосочинения* я разумею здесь не известные *требования* (*regimen*) той или другой части речи, а, в следствие буквального значения слова, известный *порядок* или *распределение* (*τάξις*, порядок, распределение, *Σύνταξις*, *Syntaxis*, распределение в известный порядок) всех частей речи или даже целых речений.

Во всяком языке, равно как и в болгарском, есть правила, не зависящие от грамматики, которые в известных направлениях мысли человеческой расставляют слова в известный порядок. Посему *собрание* этих правил называется *словосочинением*. Разница между *грамматикою* и *словосочинением* довольно ощутительна, ибо грамматика занимается *одними формами слов отдельно, механикою слов*, а словосочинение *порядком слов*. Слова, двигавшиеся в грамматике по *отдельным законам*, в словосочинении же следуют все *общим*. Грамматика есть наука *частей*, а словосочинение наука *общего состава*, посему первая есть наука *аналитическая*, наука разбора, а последняя наука *синтетическая*, наука *состава*, т.е. обе противоположных категорий. Или если сравнить человеческое слово с музыкой, то можно сказать, что грамматика занимается очисткою тоном и составлением гармонии аккордов. Это и есть *согласование*. Но аккорды не составляют еще музыки; тон или аккорд тогда только получают мотивную мысль или мелодию, когда делают *оборот* в известном каком-либо *порядке* тонов. Точно так же это можно сказать и об языке. Поелику мыслим словами, то первое движение оной выражается первым *движением* в расположении слов, которое обыкновенно и называется *оборотом*, который есть то же самое, что *мотив* или *мелодия* (песнь) в музыке. Посему если грамматика составляет скелет, то словосочинение придает ему *движение, мысль, жизнь*.

Всякий язык может иметь свои особенные *обороты* (*phrases*, *фразы*), как и народы свои особенные песни или мелодии, напевы. Посему изучение *оборотов* лучше всего может происходить из сравнения оных с оборотами других языков. Следственно к изучению языка принадлежит не

только грамматика, но и обороты оного, ибо язык может розниться от другого не только формами слов, но и оборотов.

Науку об оборотах я называю *оборотописью* (*Phraseographia*). Замечательно, что приступить к изложению полной фразеографии языка можно тогда только, когда литература его, т.е. мыслительность народная, находится в полном своем развитии, в котором только и можно наблюдателю заметить все возможные избыты [так!] языка и подвести оные под правила. Итак, между тем как с грамматики начинается первое очищение и, так сказать, образование языка, то фразеография, наоборот, определяет гибкость и красоты оного только в его развитии, и очень естественно, ибо фразеография есть наука синтетическая.

Между тем как нельзя языка обогащать *новыми* грамматическими формами (ибо грамматика есть наука постоянно определенная), то напротив можно обогатить оный новыми оборотами. Посему фразеография или *теория оборотов* неподвижно-определенная.

Вообще наблюдая обороты, можно словосочинение или фразеографию подразделить на *обороты* и *идиотизмы*. Обороты суть формы речений изменимые, смотря по соотношениям в связи мыслей, а *идиотизмы* суть речения неизменимые, имеющие постоянное свое значение и норму; так, например, выражение болгарина *Што ми кáжешь побрати́ме*, означающее удивление слышающего, переводится другим французским идиотизмом: *Est-il possible!* или русским *Ужели!* и проч.

Всякий язык, всякое наречие может иметь также свои собственные обороты и идиотизмы, как и собственные грамматические формы. Но как посему обороты и выявляются только из сравнения с оборотами других языков, то и следует, что важное условие в изучении оборотов своего языка есть общая филология или языкопись. Вот почему древние, греки и римляне, сколь ни занимались обработыванием своего языка, все-таки не оставили нам теории своих оборотов, ибо не занимались филологией других языков. Правда, составили они нечто в этом роде; это риторика. Но риторика и фразеография суть вещи различные; можно по строгим правилам

риторическим составить речи и фигуры из ненародных, не существующих оборотов.

Впрочем и учителя новейших языков, не видя фразеографии народной у греков и римлян, не дали ходу сей науке и у себя. Знаю из опыта и видел иных французов и русских, писавших не совсем в духе диалектизма своего языка. При недостатке в изложении полной системы народных оборотов и идиотизмов, то народная чистота языка доселе сохраняется просто народною ощущью (*le tact national*). Вот почему иные нередко говорят о каких-либо выражениях, что *это-де сказано не по-русски, этак-де не говорится по-русски*, сами не умея дать себе отчету, почему то или другое говорится не по-русски, несмотря на то, что речение будет составлено из чистых русских слов и по правилам русской грамматики. Нередко тоже случается слышать указания, что-де это или другое есть, например, в богослужебных наших книгах *греческий* оборот, что-де в Св. Писании принято много греческих оборотов и т.п. Но, кажется, это часто говорили люди, которые, кажется, мало думали о категориях и народности оборотов, а иногда и принимали за оборот то, что еще не составляет оборота. Мы увидим ниже, что два разные и отдаленные народа по одним и тем же причинам могут иметь одни и те же обороты.

Но обратимся к болгарскому языку. Наблюдая характеристику разных речений и желая исследовать язык во всех его подробностях, по изложенным, однако, уже свойствам фразеографии, я не мог ласкать себя надеждою составить нечто целое в сем роде, тем более, что болгарское наречие русского слова [*так!*] не было обработано даже грамматически. Открыть [*так!*] и постановить полную систему оборотов и идиотизмов болгарских есть труд обширный и принадлежащий будущности. Но чтобы не оставить сей главы без содержания и чтобы дать хотя небольшое основание, я изложу здесь несколько оборотов и идиотизмов болгарского языка, которые 1) удобнее бросаются в глаза наблюдателю и 2) которые более выражают идиотическую собственность или сторону болгарского наречия.

К числу оборотов принадлежит то, что вместо неопределенного наклонения употребляют сослагательное, которое обыкновенно выражается посредством частицы *да*, как уже мы видели это в спряжениях. Это собственно называть должно *оборотным неопределенным Infinitivus periphrasticus*.

Но как сослагательное (иначе оборотное неопределенное) имеет лица, напр., *да просьб*, *да простишь* и проч., которые, однако, по-русски переводятся одним и тем же *просить*, то упомянутое оборотное вместе выражает и лицо, которое *намерено* или *должно просить*; итак, выходит следующее его значение:

Да просьб	я..... мне....	}{ просить
Да простишь	ты..... тебе...	}{ просить
Да прости	он..... ему....	}{ просить
Да просьиме	мы..... нам....	}{ просить
Да простите	вы..... вам....	}{ просить
Да просять	они..... им.....	}{ просить

В русском винительный, будет ли имя или местоимение, обыкновенное ставится после глагола, напр.: *просить его*, *просить человека*. Винительный существительный и в болгарском ставится после глагола, но местоимения ставятся перед глаголом, как и во французском: тебе просить его, “*да го просишъ*”, *de le prier*.

Глаголы, требующие неопределенного наклонения и которые посему можно назвать глаголами намерения (*Verba intendendi*), в болгарском сами по себе составляют черту идиотическую, входящую в состав оборота. В русском сии глаголы намерения суть, напр., *стал*, *решился*, *захотел*, *вздумал*, *принялся – делать* и проч. В болгарском: *зѣлъ* (взял), *стѣрилъ* (створил, сделал), *щѣлъ* (хотел), *почель* (начал, стал) и проч.

Сии-то глаголы требуют сослагательного наклонения.

Зѣлъ переводится смотря по обстоятельствам выражения: *стал*, *принялся*, *решился*, *хватился* и проч., напр.: “Той зѣлъ да ядѣ хлѣбъ”. Он принялся обедать или Он стал обедать. И проч.

Иногда излишне было бы переводить глагол *намерения*, если после неопределенного следует сослагательное, напр.:

“Баша ми зѣлъ да го проси, да донесе грѣздie”. Отец мой попросил его принести винограду. И проч.

Также и *стѣрилъ* переводится разными глаголами: *заставил*, *принудил*, *довел до*, *причинил* или *был причиной*. Впрочем, хотя именной смысл глагола сего (*торѣ* или *творѣ*) означает в сем случае *принуждение* (*vim jubendi*), однако по употреблению весьма часто не означает *принуждения* или *повеления*, а только *причину*, *доставление способа*, *одолжение*, *помощь*, *просьбу* и соответствует, почти буквально, французскому *faire*:

“Той го сторѣ да работы”. *Il l'a fait travailler*. Он дал ему работу или Он заставил его работать.

“Той стѣрилъ да го храни”. *Il l'a fait nourrir*.

или

“Той го стбрѝ да погубѝ сичко имање-то си”. “Il l'a fait perdre tous ses biens”. Он был причиною, что тот всего лишился;

или

“Аэъ го сторихъ да сбчё дрёва”. Я ему велел рубить дрова.

Сверх сего болгарин, наравне с французом, придерживается сего глагола и оборота и там, где *намерение* (*Verbum intendendi*) теряется, а в русском переводе употребляется совсем другой глагол, напр.:

“Каквò стбрихте да долбёте прекò плáнину?” “Comment avez vous fait de franchir les Alpes?” Как вы могли пробраться чрез полонины (Альпы); и проч. и проч.

Конечно, иной мог бы принять это за галлицизм в болгарском наречии, точно также как на равном основании можно бы допустить болгаризымы во французском. Дело только в том, что ново-болгарский язык попал на ту же стезю многих оборотов, как и другие новые языки Западной Европы. Известно филологам, что англо-саксонцы глагол *to do* (творю, делаю) употребляют в этом самом обороте, напр., *do you write?* или как немцы в просторечии: *thun Sie schreiben* или же глагол *machen* в следующем выражении: *Mach nur dasz das Essen fertig sey*, что болгарин не иначе как: “Сторѝ да угбтвиш ястie”; и проч.

Сверх сего употребляются еще следующие выражения:

“Стбриха много врбме”. Долго были, находились;

или

“Десеть годинъ бъше тога си стбрриль кога майка му умръ”. Тогда-то ему было десять лет, когда мать его скончалась;

или

“Лéгна да спи и стбрѝ му се като да ё у Солуни”. Лег спать и увидел во сне, будто находится в Салонике; и другие тому подобные.

Вообще же болгаре употребляют *намеренные* глаголы и там, где русский в них вовсе не нуждается. По сей-то причине

в болгарском нередко стекается несколько сослагательных форм, из коих, при изв. образе употреблять личные местоимения, выходит нечто в роде французских оборотов, напр.:

“И заради това э́хъ да го прося́ть да имъ покаже путь”.

Et pour cela ils se resolurent de le prier de leur montrer le chemin.

И посему они просили его показать им дорогу.

И проч.

Согласно со свойствами личных местоимений, болгаре вообще придерживаются почти того же расположения речений, как и французы. Таким образом, напр., если перед глаголом находится два глагольных местоимения (обыкновенно дательный и винительный), в таком случае винительный ставится перед самым глаголом, например:

Как же мне дать вам его?

“Каквò щéте да вы го дамъ?”

“Comment voulez vous que je vous le donne?”

или

Я его просил, чтоб он мне дал его.

“Азъ го проси́хъ да ми го да”.

Je le priais de me le donner.

Je voulais qu'il me le donne.

И проч. и проч.

Но если оба местоимения принадлежат к одному лицу, а именно к третьему, тогда ставится перед самым глаголом не винительный, а дательный, например:

Он просил его, чтоб ему показал его.

“Той го проси́ше, да го му покаже”.

Il le priait de le lui montrer.

или

“Проси́ха го да го имъ покаже”.

On l'a prie de le leur montrer.

И проч. и проч.

Причина, по которой французы в сем случае переставляют свои местоимения, есть требование одного благозвучия; не хорошо было бы сказать *de lui le donner*, которое можно

было бы смешать с *de l'huile donner* или *de leur le вм. de le leur*. Почему и в болгарском сия перестановка местоимений соблюдается и почему лучше говорят *да го му покаже, да го имъ покаже*, сказать не могу, разве приписать простонародной ощупи.

Но как сверх сего отношения между местоимениями входят в порядок речений еще вопросительные, отрицательные и сослагательные частицы, то скажем нечто еще о дальнейшем их между собою соотношении.

Поелику сложные времена состоят из трех слов, напр., *азъ сâмъ видѣль*, *ты си видѣль*, *той е видѣль*, то семья сего речения может умножиться глагольными местоимениями, вопросными и отрицательными частицами на следующих основаниях:

1) Лицо в обыкновенном выражении можно выбросить, ибо означается вспомогательным: *сâмъ видѣль*;

2) В простом речении, если глагол одинок, вспомогательное его ставится после:

видѣль сâмъ	видѣли сме
видѣль си	видѣли сте
видѣль ё	видѣли сû

3) Если глагол отрицается или сослагается, то отрицательная или сослагательная частица падает на вспомогательный, который переходит перед причастие, напр.:

Не сâмъ видѣль	Не сме видѣли
Не си видѣль	Не сте видѣли
Не ё видѣль	Не сû видѣли

или

Чи сâмъ видѣль	Чи сме видѣли
и проч.	и проч..

4) Лицо выставляется, если *ударение речения* должно находиться в оном, т.е. если именно лицо должно выставить в виде замечания, возражения или объяснения:

“Азъ сâмъ видѣль”, т.е. а не он;

“Язъ не видѣхъ”, но может кто другой.

- 5) Лицо выставляется во временах простых.
- 6) Вопросительное *ли* ставится тотчас после лица:
“Вы ли сте видѣли?”

или после отрицательной частицы, если она стоит на месте лица:

- “Не ли сте видѣли?”
“Не ли си видѣль?”

7) Если, например, вместо *ли* в речении должен находиться винительный глагольный, то онный ставится на место *ли* перед вспомогательным:

Азъ го сâмъ видѣль
Не го сâмъ видѣль
Не го си видѣль
Не го сме видѣли
и проч.

Но если *ли* для вопроса остается в речении, то *го* переходит перед причастие:

Не ли сâмъ го видѣль? Не видел ли я его?
Не ли си го видѣль?
Не ли è го видѣль?
Не ли сте го видѣли?

или

Азъ ли сâмъ го видѣль?
Вы ли сте го видѣли?

Если же кроме глагольного винительного должен присутствовать в речении и глагольный дательный, то сей последний обыкновенное стоит перед вспомогательным, а винит. перед причастием:

“Не ли ми си го даль?”
Разве ты не дал мне его?
Ne me l'avez vous pas donné?

8) Если вопрос делается без отрицательного *не*, то сия частица заменяется личным местоимением:

“Вы ли сте го видѣли?; и проч.

9) Если в начале речения стоит частица сослагательная, то отрицательная переходит перед самым глаголом:

“Да го не видиши”; и проч.

Может, однако, отрицание находиться и перед глагольным местоимением:

“Да не го видиши”.

10) Если винительный и дательный состоят из имен существительных, то уже ставятся после глагола:

“Не ли сте видѣли человѣка?”

“Не ли сте дали человѣку?”

И проч.

11) Если *ся* или лучше *се* находится в речении (что бывает в русском при глаголах так называемых возвратных, взаимных и даже страдательных и среднего значения) не как лично глагольное местоимение, а как объяснительно-глагольная частица, то она ставится:

а) После глагола, если речение не находится в сослагании или условии, например:

“Той встана и помолї *се* Богу”.

Он встал и помолился Богу.

И проч.

б) Если речение находится в сослагании, т.е. если имеет пред собою сослагательную частицу, то ставится перед глаголом:

“Той встана да *се* помоли Богу”.

Он встал, чтобы помолиться Богу.

или

Он встал помолиться Богу.

И проч.

в) Если кроме частицы *се* находится в речении еще личное местоимение, к которому относится глагол и которое обычно в дательном падеже, в таком случае *се* и перед глаголом и после оного следует после дательного; например:

1) “И стана да ми *се* моли”.

И стал меня просить.

“И зѣ да му *се* хвалї”.

И начал перед ним хвастаться.

И проч.

2) “Тога си встана и моли ми *се*”.

Тогда встал и начал просить меня.

“Богъ сторѝ и родѝ ми се сынъ”.

Божием дарованием у меня родился сын.

“Види ми се, чи є хубавъ”.

Мне кажется, что хорош.

И проч.

Что сказано об употреблении *се* как винительного, должно подразумевать и о *си* как дательном.

Употребление сослагательного или неопределенного наклонения у болгар имеет некоторую аналогию с употреблением оного во французском языке. Известно, что у сих последних неопределенное может быть или простое (*montrer*) или *условное*, т.е. *сослагательное* (*de montrer*). Надобно здесь сказать, что последнее употребляется после *намеренных глаголов* (*verba intendendi*), как это известно. Но в обоих случаях и русский и латинец переводит одним и тем же показать *monstrarē*.

Если так называемое французское или собственно галло-италианское наречие должно причислить к категории новых языков, т.е. или *спавших с голоса* или *усеченных* в своих формах, то при первом взгляде на *montrer* можно заметить, что оно есть усеченное неопределенное итало-латинского *monstra-re*, как и в болгарском *показа-* усечено с древнеболгарского *показа-*. Посему весьма замечательно, что и болгарское и французское просторечие, почти инстинктуально, старалось поддержать значение, т.е. пополнить усеченное посредством сослагательной частицы *de*, *да*, которую и те и другие употребляют после намеренных глаголов, с тою, однако, разницею, что болгаре придали своему личные формы. Посему у них и неопредел. и сослагание одинаково выражается, между тем как в сем последнем случае французы свое *de* заменяют частицами *que*, *afin que*, *afin de*, *pour que*, напр.:

Он хотел донести на него, чтобы лишить его имения.

“Той щыше да го объяви да се извади иманіе му”.

Il desirait de le dénoncer pour que son trésor lui soit ôté.

Is cupiebat cum incusare, ut cum privaret divitiis.

И проч. и проч.

Можно заметить однообразие оборота двух классических, т.е. старых полноформных языков – русского и латинского и однообразный же оборот двух новых – болгарского и французского! К сему должно еще заметить, что если здесь болгарин употребил *му* дательный вместо притяжательного *нѣгово*, то это сделает и француз и пожелает возложить ударение речения на слово притяжания, в этом случае сказал бы дательным: *que son bien à lui*; и проч.

Что касается до *усеченного* неопределенного, то оно в новоболгарском, как и в новосаксонском (т.е. английском) со вспомогательным глаголом *хочу* (*щѣ*, *I will*) выражает будущее, напр.: *Азъ щѣ пишѫ, I will write*, т.е. я буду писать. Так болгаре, в одном отступая от французов, согласуются с англичанами!

Весьма замечателен в болгарском еще следующий оборот, зависящий от вопросительного *що*, но подобный французскому, зависящему от *que*. Оборот сей состоит в повторении сей частицы, а посему в происходящем от сего лишнем речении, напр.:

“Що є що ти зѣха арбанаѣы?”

Qu' est ce que t' ont pris les Albanais?

Что забрали у тебя арнауты?

или

“Що є що ти дадѣ Богъ?”

Qu' est ce que t'a donné Dieu?

С чем Бог послал?

Или же вместо второго *що* ставится *да*, если дело идет о желании или намерении что-либо сделать, например:

“Що є да ти дамъ?”

Qu' est ce que je te donne?

Что тебе дать?

или

“Що є да ти донесў отъ касабѣ?”

Que faut-il que je t' apporte de la ville?

Что тебе принесть из местечка?

И проч.

Эта аналогия оборота в обоих двух языках происходит от одинаковой причины, ибо *что* равно как и *que* есть вместе и вопросное и относительное местоимение, напр., в последнем случае:

“Дѣца, ѿто чи дадѣ Богъ, помрѣхъ”.

Les enfans, que Dieu t'a donn s, sont morts.

Дети, которые дал тебе Бог, померли.

И проч.

Итак, если по второму примеру, который должен заключать один только вопрос, употребить одно следующее выражение “Що ти даде Богъ?”, по праву можно бы перевести не только С чем Бог послал?, но и Которое тебе Бог дал! А посему в смысле речения вышла бы совершенная разность и вместе двусмыслие. Итак, в случае вопроса для избежания двусмыслия как болгарин, так и француз повторяет относительное *что* в виде указания на вопросную вещь или предмет; например:

“Що є ѿто чи даде Богъ?”

Что есть то, которое тебе дал Господь?

Qu'est ce que t'a donn  Dieu?

И проч.

Кроме относительного смысла *que* как союз имеет сослагательное значение *чтоб*; в этом случае болгарин вместо *что* ставит *да*:

“Що ѿшеш да ти дамъ?”

Que veux-tu que je te donne?

Чего хочешь, чтоб я тебе дал? (не хорошо по-русски).

Лучше: Что тебе дать? или Чего тебе дать?

Quid tibi dari vis?

По анализу выходит, что более короткий, а посему и лучший оборот есть русский и латинский, с тою, однако, разницею, что болгарское *щешь* (вм. *хощешь*) выставлено и в латинском *vis* (от *volo*), между тем как в русском оно только подразумевается.

Таким образом, краткость выражения при полном смысле указывает нередко на изящество языка!

Вследствие сего закона в болгарском образуются обыкновенные обороты, которые в русском короче переводятся неопределенным, но часто двояко:

“Що щешь да ядешь?”	Чего хочешь есть?
	Чего будешь есть?

“Що щешь да пишешь?”	Что хочешь писать?
	Что будешь писать?

“Що щешь да ми купиши?” Что ты намерен мне купить?
И проч.

или

“Що є да ядешь?”	Что ешь?
------------------	----------

“Що є да пишешь?”	Что пишешь?
-------------------	-------------

“Що є да ми купиши?”	Что мне купишь?
----------------------	-----------------

или

“Кога́ человѣкъ начи́на да познáва, что є да є и каквò є”.

Quand l'homme commence à connaître tout ce qu'il existe et comment existe.

Cum homo incipit cognoscere quid sit et quale sit.

Когда человек начинает познавать то, что существует и как существует.

ИДИОТИЗМЫ

Гораздо труднее представить полное собрание идиотизмов какого-либо языка, нежели всех правил грамматических; посему изложение всех идиотизмов болгарского нового наречия можно совершать постепенно по мере развития болгарской народности и литературы. Тогда только можно будет обозначить ту черту, на коей оканчиваются идиотизмы и начинаются поговорки.

По сей-то причине я и оканчиваю идиотизмами Грамматику болгарского языка. Представляя дальнейшее над ними наблюдение будущим славянским филологам, я приведу здесь по крайней мере несколько примеров, хотя для того, чтобы глава сия не оставалась пустою.

Может быть, иной почетет иные из сих примеров за обороты, но, по моему мнению, идиотизмы составляют все то, чему нельзя, по крайней мере с первого разу, отыскать грамматической причины, языкописного закона. Так, например, не могу себе объяснить на сей раз, почему болгаре употребляют *да* вместо *но* в следующем выражении:

“*Ймамъ нѣщо да ти ѹщемъ; да ли го Ѣшешъ ми?*” Хочу (имею) нечто просить у тебя, но дашь ли?

Н.В. Послѣ Ѣшешъ ми подразумевается *да* (дати).

Или и аместо *да* (что):

“*Случи се и засыромашъ*”. Случилось, что обеднел; вместо

“*Случи се да засыромашъ*”.

Или колко вместо *да* (что):

“*И толко си стрѣдаху граждани, колко-то зѣху да умиратъ отъ глаꙑдъ*”. И до того терпели нужду, что с голоду умирали.

Или лишние слова:

“*Остави се отъ това да пѣшь вино*”. Перестань пить вино; вместо

“*Остави се да пѣшь вино*”.

О НАПЕВЕ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА

Напевом языка или речи я называю не только тоническое, но и тактовое отношение гласных, ибо [1]) слог может повышаться или понижаться относительно к восьми тонам с их полутонами и 2) может на одном и том же тоне быть произносим или короче или протяжнее. В первом отношении состояние слога называется *ударением* (*accentus*), в последнем *мерою* (*quantitas*). Соотношение сих двух музыкальных категорий языка составляет *напев* оного. Прибавим еще, что к механической части напева принадлежит и *произношение согласных*.

Часто *ударение* находится вместе с *мерою*, часто тоже порознь. Отношение между сими двумя категориями бывает в разных языках различно. Или *ударение* или *мера* могут изменяться, т.е. переходить на другой слог различным образом сообразно с различными грамматическими и слово-производными изменениями в разных языках. Посему и правила и отношения напева в одном языке могут быть многочисленнее и разнообразнее, нежели в другом. Таким образом, и в наречиях одного и того же языка могут быть разные напевы. Каково, напр., покажется следующее русское выражение с переставленными ударениями: *принёси мне вбды; я не хóтел обедáть; приходите кó мне кушáть* и проч. Нельзя не согласиться, что подобный напев русских выражений столь же сильно *дерет уши*, как и погрешности в формах грамматических. Из сего усмотреть можно следующие филологические положения: что

- 1) *Напев* сам по себе, независимо от грамматики, составляя категорию языка, как и формы.
- 2) Наречие от наречия может различествовать не только формами, но и напевом.
- 3) Если небольшое уклонение в формах двух наречий доказывает ближайшее их сродство, то подобным образом и тожественный напев есть уже условие ближайшего сродства.
- 4) Славянские наречия не в ровной и не в подобной мере подразделяются и по напеву как по формам.

Если обозреть *напев языка* во всем его объеме, то изучение его, как изучение всего, не может избегнуть систематики. Конечно, о напеве языка говорится в той части языкоznания, которую называют *просодией* или, сказать по-русски, *ударением*. Но не забудем, что вязанная речь так относится к напеву языка, как распланированные сады вообще к природе. Мы учимся просодии только мертвых языков, а на живых пишем стихи и без оной.

Вообще ударения

1) могут постоянно находиться на одном и том же слоге, посему таковые ударения суть *неизменные*;

2) могут при грамматических и словоизводных изменениях переходить на другой слог; такие ударения суть *изменимые*.

3) иногда слог может получить ударение от расположения речи или оборота. Часто бывает, что слово, на котором находится *ударение речи*, получает вместе и *ударение слова*. Поелику такое *ударение* зависит единственно от оборота, то и можно его назвать *оборотным* ударением.

Неизменные ударения могут быть обозначены в словарях; *изменимые* при изучении грамматики, а *оборотные* в оборотописи или фразеографии. Правило относительно оборотных ударений или *востревов* суть вместе правила *чтения* или *декламации*. Все сии отношения составляют языкописную *напевопись* (*Oedeographia philologica*).

Известно, что доселе мало были обработываемы *оборотописи* (фразеологии) языков. Тем менее были изучаемы и *напевы*, и не удивительно, ибо изучение напева есть самое трудное, самое высокое, самое философическое, самое последнее изучение языка. Если грамматика приводит слова в гармонию, если фразеология сообщает гармонии мелодию, мысль, то только напев дает ей *чувство, душу, жизнь*. Грамматике и фразеологии можно выучиться по бездушным, бесчувственным книгам, то *напеву* только в *живучи* [так!].

В напеве языка верно изображается политическое и нравственное состояние народа; в напеве виден его характер, его ухватки. Разительный тому пример в противоположном напеве французов, швабских немцев и молдаван.

Напев можно 1) исправить обозначением ударений в словарях и грамматике, ибо в одном и том же языке, или наречии, могут быть областные отступления в ударениях; 2) усовершенствовать, т.е. облагородить оборотную часть напева, относящуюся к декламации. Вообще язык приятнее бывает в устах высшего сословия. Так как облагорожение напева есть само собою некоторое приближение к общей музыкальности, то всегда более резкие черты в напеве, как и в народности вообще, находятся в низшем классе народа.

Напев изучается и сохраняется *народною ощущью* (*le tact national, le tact musical*), чрез сообщение. Вот почему жители открытых мест, где деятельность и сообщительность не имеют преград в больших горах, реках и морях, говорят *одинаково*. Такое преимущество имеет русский язык перед греческим и латинским. Такой язык можно назвать *цельным*. Можно совершенно правильно говорить и писать по-русски, но *народная ощущь* или ухо тотчас вам заметит, что вы иноплеменник, если ошибаетесь хотя в малейшем оттенке в напеве. На чужбине в родимом языке трогает нас не родимое слово, но родимый напев, ибо только жизненное сочувствие может тронуть глубоко. Родимому напеву можно разучиться как и песне. Это замечание оправдывается на французы, приезжающих в Россию. Сколь ни знают россияне язык французский, несмотря на то в разговоре напевают не по-французски; в таких семьях француз, живучи долго, начинает и сам напевать по напеву говорящих россиян. О таких свежо приезжие говорят: *il a l'accent russe*.

Изложив таким образом общие понятия о напеве языка, следовало бы приступить к изложению напева болгарского языка или наречия. Но выше уже я заметил, что этот труд принадлежит лексикографу, и грамматике, и ритору. Что касается до грамматики, то я старался по возможности везде над болгарскими словами ставить знак ударения. Из сих примеров, а равно и из прилагаемой болгарской Христоматии читатель может сам усмотреть напев болгарского языка хотя с одной точки зрения. Здесь же я представляю только свое общее замечание как общий филологический результат моих наблюдений. *Напев болгарского наречия есть вообще*

русский, несмотря на некоторые частные уклонения как особенности наречия. Но впрочем как под словом *русский* находятся два русские наречия северное и южное, несколько различающиеся в напеве, то если нужно выразиться о болгарском определительнее, должно сказать, что напев болгарский есть северно-русский или напев великороссийского языка, между тем как исключения болгарского напева из сего правила имеют тожество свое в южно-русском.

Если сродство в напеве двух наречий доказывает сродство близкое двух племен, то это филологическое обстоятельство вполне подтверждается историческим фактом, что болгаре суть волжское русское племя.

Правда, болгарский напев (равно как и формы грамм. и обороты) имеют многое общее с напевом сербского, кроатского и далматского наречий – наречий, по своему происхождению совершенно чуждых болгарскому (ибо сербы суть выходцы германские, а болгары скифские). Это, однако, объясняется историческими обстоятельствами, а именно тем, что болгаре долгое время владели Сербиею, Кроациею и Далмациею, отчасти переселяли жителей сих областей в свои, а отчасти заселяли своими, так что оглушили своим языком и напевом сии наречия. Надобно заметить, что напев языка при сильном влиянии может не только усовершенствоваться, но и изменяться, портиться, прививаться от сродного племени к племени, иметь историческую свою судьбу. Так, от влияния польского напева во многом искался южно-русский и тем более увлечен от согласия с северно-русским и волго-русским или болгарским. Таким образом, если по сию сторону Карпатов русский напев пострадал от нерусского, германского, зато русский напев отпечатился за Дунаем на сербах, кроатах и далматинцах.

В общем составе болгарский язык довольно благозвучен и благозвучнее сербского. Что касается до произношения согласных, то надобно заметить, что болгаре не умягчают согласных перед *e* и *i*, как это делается в русском; напр.: *тебе* читают как южно-rossы *тэбе*, *близо* как *блъизо* и проч. В случае умягчения употребляют следующие четыре умягчительных гласных: *я*, *ѣ*, *и*, *ю*, а в окончаниях *ъ*. Во многих

словах, однако, в *стъ* окончании *т* не умягчают иные в просторечии, напр.: *Его Милость* выговаривают за *Милостъ*, а другие даже *Милоссъ*; и проч. Щ всегда произносят за *шт*, из коих болгаре составили *щ* = *ш + т*. Из гласных иные черноморские болгаре произносят иначе, напр., *биволь* (буйвол) как западные *біулъ*, вместо *человѣкъ чёлякъ* (ю произн. как франц. *и* в подражание турецкой *ю*), *удѣ* вместо *вода*, *улове* вместо *волове* и проч. Это, однако, принадлежит более к провинциализму наречия, нежели к его напеву. Об этом было говорено в своем месте.

Впрочем вообще самая лучшая, приятная и правильная интонация или оглашение болгарского языка в Македонии.

Знаки оглашения или напева болгаре и доселе употребляют, как употребляются они в Священном Писании и других богослужебных книгах. Нечего сказать о значении и необходимости в оных. Заметим только следующее. Если какой-либо язык подразделяется на местные наречия или уклонения, как, напр., греческий когда-то, разбитый по берегам разных морей и по островам, или ныне как французский, то для руководствования народа в правильном чтении выставлять необходимо знаки или ударения; таким образом распространяется один и тот же напев. Между тем есть счастливые языки, в коих везде один и тот же напев; таков русский язык, таковы вообще славянские наречия, взятые отдельно. Вот почему в русском оставлены знаки ударений без малейшего вреда для народного напева, 22 миллиона Северной Руси читает правильно и одинаково. Сербы и поляки и чехи равномерно ныне оставили знаки ударений. Я нахожу, что и в болгарском наречии знаки ударений не суть необходимы, и совершенно уверен, что и в староболгарской письменности (т.е. церковной) введение оных было излишне. Знаки сии приняты болгарами совершенно машинально от греков вместе с греческим алфавитом.

Знаки сии, сообразно с отношениями языка, были необходимы в греческом. Рассмотрим вкратце сии отношения. Известно, что в греческом есть два разряда гласных *чистых* и *воздыханных* (*aspirées*). Греческие писатели для показания нарому, где *воздыхание* и где нет, придумали два

противуположных знака, для невоздыханных гласных справа загнутую черточку ᄂ, ᄃ, ᄄ, ᄅ, оᄁ, а для воздыханных слева ᄂ, ᄃ, ᄄ, ᄅ; чит. *ha*, *he*, *ho* и проч. Сверх сего был и другой повод к обозначению воздыхания, а именно, чтобы показать народу, что перед теми словами, которые начинаются со знаком воздыхания, в сложении буква τ (*t*) предшествующего слова превращается в θ, напр., κατὰ по и ὀλικός общий, καθολικός всеобщий, или κατὰ и ὅλος весь = καθ' ὅλον вообще и проч.

Поелику сия словоизводная операция относится только к началу слов, начинающихся с гласных, то сии знаки только и употребляются в начале слов. Нельзя не удивляться, что и болгаре, а в подражание им и другие православные славянские племена, стали крестить сими греческими кавычками все свои гласные в начале слов без всякой нужды и поводу!!! Ибо в болгарском не было подобных отношений, да и сверх сего крайне мало болгарских слов, сравнительно с греческими, начинается с гласных, да и тех большая часть покрыта согласною *jotta*, напр., в *и*, *ю* и проч.

Ударение или *повышение тона* греки обозначают прямым надстрочным знаком справа налево, который и называется προσφόρια ὀξεῖα или *острым ударением*, напр. в λόγος. В противоположность *повышенному тону* все остальные слоги следовало бы обозначать противуположным знаком слева направо (à), но это было бы излишне, и греки лучше воспользовались сим знаком для обозначения таких гласных, которые, стоя в конце слова под ударением, *понижаются* от стечения с последующим словом, начинающегося [так!] с гласной, напр., ἀνήρ (муж), ἀγαθός (добрый), в связи: ἀνήρ ἀγαθὸς οὐ φεύγει храбрый муж не убегает.

Итак, положим, что в древнеболгарском, как в нынешнем, выставлять один обыкновенный знак ударения (á, напр.) было бы возможно почесть точностью писцов болгарских, но зачем было им принимать греческий знак *понижения тона* и ставить подобно грекам над окончательными слогами, напр., рече въ чистотѣ сърдца своего и проч., так как славянские ударения не изменяются в окончании подобно греческим!! Да и сверх сего не могут подвергаться действию гласного начала

последующих слов, поелику таков [так!] славяне не имеют много!

Наконец, если в греческом две гласные, из коих первая имеет знак *повышения* (*ό*, напр.), а последующая знак *неповышения* (напр., *δ*), сплавливаются в одну гласную, напр., δέλλος в δῆλος, или σόφια (мясо) в σοφια, то и сии два знака сплавливаются в один сложный '' или ^, который обыкновенно изображают и дугою á, откуда и назван *просфба περισπωμένη*, accentus circumflexus, *согнутым ударением*. В скорописи, равно как и в печати, принято, однако, изображать сие ударение согнутою несколько поперечною линейкою - или так называемою титлою; напр., δῆλος вм. δέλλος, σόφια вм. σόφια; и проч.

Итак, и этот знак меры греческого тона, знак соединения двух греческих гласных, принят или лучше не оставлен болгарскими, а за ними и русскими писцами. Он употребляется без цели и без значения, если исключить звание *титлы* как знака сокращения, да и то только в писании, а не в выговоре! Если нет в болгарском сплавления двух гласных в одну, если мера чаще всего заключается в ударении, то очевидно, что сей знак у нас без значения.

Впрочем приведу несколько строк для примеру из нынешних болгарских писцов. Софроний, Епть Врачанский пишет (стр. 2 на обор.):

“а мытárь издалéча стоя́ше, нехбчеше нí очи свой на небо да вдýгне” и проч.

Петр Сапунов в своем Евангелии, напр., 10, гл. Иоанна:

“Истина, Истина вы думамъ: който не влизъ презъ вратата въ двора ѿвчий, но прелазя ѩ другодѣ, той вѣлфа є ѵ разбойникъ” и проч.

Анастас Стоянович в своем Цветособрании, напр., часть I, стр. 91:

“Господь Бóгъ мóжи да смири и най оупорныти мучители. Това мóжимъ да видимъ на цáрь Фараóна, дѣто той испéрво сасъ голéма гордость рекаль: Кой є той Господь; ала насéтни долженъ быль састь покорéніе да риче: йдёти ѵ ся поклáняйти на вашіать Бóгъ”; и проч.

Читатель заметит, что, кроме неопределенности в правописании, преимущественно относительно форм грамматических, болгаре даже и в знаках ударения часто не точны. Так, в нескольких только строках Стоянович пишет и *Господь* и *Господь*. Такие промахи есть и за *Софронием* и за *Сапуновым*, а равно и в кодексе рукописном *поучительных слов*, из числа коих я здесь прилагаю четь болгарского патриарха Евтимия о св. Параскевии Терновской с точным сохранением ударений подлинника.

Достойно замечания и вместе удивления то, что славянские филологи, а преимущественно составители грамматик церковного языка, не заметили безотчетность знаков ударения, употребляемых в наших богослужебных книгах, и что даже г. *Пенинский* в так называемой своей Славянской грамматике 1826 года излагает упомянутые знаки ударений как принадлежащие будто славянскому слову. Впрочем как церковный наш язык был изучаем только из книг, то филологи легко могли впасть в предположение, что знаки ударения в богослужебных книгах проис текают из народного напева. Надлежало, однако, обратить внимание на болгарское наречие. Сколько я ни старался открыть в выговоре болгар те причины, по коим они усвоили себе греческие знаки, однако я ничего заметить не мог, что бы могло объяснить это, кроме их безграмотности и машинального подражания старописным и старопечатным книгам. Впрочем с первого взгляду можно уже усмотреть, что употребление знаков ударения в церковных книгах есть безотчетное подражание греческой интонации, что они приняты вместе с греческим алфавитом. Известно, что наш церковный уставной шрифт есть греческий IX и X веков. Следующий анекдот объяснит лучше всего машинального принятия знаков [так!]. В 1830 году в Силистрии я вошел в одну болгарскую лавку; мальчик сиделец писал записку обыкновенным нынешним греческим шрифтом, которую так начал: *Στοὸν μέσε να δουγὲνη τα μοὶ δαδὲ σίτζκη παρὴ κολкото ἡμασε δὰ πλατὴ ζα μπακαλετε. Καλτζο δοηδε δὲ τερνοβο и проч. вместо Стоянь бъше на дюгени та ми даде съчки пары колко то имаше да плати за бакалы-тѣ. Кальчо дойде отъ Тернова и проч.* Я спросил, почему не пишет

болгарскими; он отвечал, что не умеет потому, что владыка выгнал из их города, Сливна, прежнего их учителя болгарина и посадил грека. В немногих епархиальных училищах учат читать и писать и начalam греческого языка, а болгарского и в помине не бывало. Это преимущественно со времени уничтожения, в царствование императрицы Екатерины II и Селима, Болгарского патриаршества и подчинения болгарских церквей Цариградскому.

Итак, если, при влиянии греков, сей мальчик машинально и по привычке ввел знаки в свою записку, то и при самом начале принятия болгарами греческого алфавита действовало такое же влияние. Мы не забудем, что со временем имп. Юстиниана I, т.е. с 550 годов, часть болгар находилась в подданстве у византийцев. Посему должно принять, что и крещение болгар и принятие греческого алфавита началось постепенно уже с того времени. Мысль же об изобретении будто Кириллом письмен в IX веке есть сущая сказка; даже и *ч*, *ж*, *ш*, *ц* не изобретены им, а удержаны болгарами из древнеславянского или так называемого глаголического алфавита. Может быть, сербы и независимые болгаре удержались бы, подобно далматинцам, при сем последнем, если бы исторические обстоятельства не оказались в пользу гречество-*вавших* болгар. Кажется, что первые опыты перевода св. книг были сделаны гречество-*вавшими* гораздо прежде IX века и крещения независимой Болгарии, иначе без сего нельзя было приготовить столь сильное королевство к подобному перевороту. Это обстоятельство ясно показывает, что гречествование правописания церковн. книг было под непосредственным влиянием греков, которое, однако, не простидалось ни на зап. болгар, ни на сербов.

Как бы то ни было, нынешний болг[арский] язык, наравне с русским и сербским, не нуждается в знаках ударения, которые, однако, необходимы для обучающихся сему наречию. О введении мною ^ знака для обозначения гласных, *упавших с голоса*, было говорено в своем месте. А впрочем болгарин *меру* соединяет с *ударением* довольно удобно, как и россиянин.

inlav

ЧЕТЬ
О СВЯТОЙ ПЯТНИЦЕ (ПАРАСКЕВИИ)
ТЕРНОВСКОЙ

Сочинение
Евтимия, патриарха Терновского и всея Болгарии

Слнце кблкото йма свѣть, йсвѣти, толкози
йна прпѡбнаа пётка паметь щоне просвѣтила
посицкы свѣть. нейно чюдо йнейнь, по^с кой
езыкъ може йсказа, шоё тїй сторила доб-
рдѣтель наземли, наёпыватско мѣсто, йна-
тракїско, йнатрѣновъ, йна мїсia, йна-
далмата, йнётъкмо потїй мѣста, амій йпосицки
свѣть. дето нашь ўмъ неможе дадостигне, йли
ёзыкъ нашь дайскаже сицкото нѣино чюдо, й
добрѣ, йпо^с, й слзы. амій тъкмо кблкото
нашь ўмъ постїгнь, йнаписахъ азъ Евтиміе
патрїархъ Трѣновскы, що знаихъ амій ѹвіе
блвени хрїтане послушайте. Тази стаа й
прпѡбна пётка бѣше отъ мѣсто Епивати. отъ
нїинь и маика й бѣха добры и блгочестивы,
йходѣха по бжїи заповѣдь, мѣтлїни чиниха,
йдрѹгы добраи бѣха єтхъ. йродиха тѣзи
чиства ихва голубица й двца, йродиха йдрѹго
мужко,

Слёнце кóлко-то има свéть, и свéти тóлко-си и на Преподобное Пётки пáметь, что ны просвéтила по сíчкíй свéть. Нéинъ постъ кóй езы́къ мóже исказà, что è тая стóрила добрóтель на землë, на Епивáтскó мéстó, и на Тракíйскó, и на Тéрновé, и на Мíсии, и на Далмáти, и не тóжмо по тéхъ мéстахъ, амí и по сíчкíй свéть, детó нашъ умъ немóже да достíгне, илì езы́къ нашъ да иска́же сíчко нéино чúдо, и добрò и постъ и сéлезы. Амí тóжмо кóлко-то нашъ умъ постигнù (или â) написáхъ азъ Евтímíй Патríархъ Тéрновскíй, что знáхъ. Амí и вы благословени христíане послушайте. Та си Сta и преподóбна Пётка бýше ѿ мéста Епивáти. Отецъ нéинъ и мáйка ѹбъха добры и благочестíвы, и хóдъхû по Божíей Заповéди, милостíнþ чýнтьхû, и други добрыни (или добрины) бýхû у тéхъ. И родíха тý-си чýстû и Хву голубицû и дцу. и родíха и дру́го мужско,

Сколько имéть свéту и свéтить сонце, столько же и память преподобной Параскевí (Св. Пятницы), которая насъ просвéтила по всему свéту. Какой языкъ можетъ высказать ея чудеса, постъ и благія дýла, которая дýала она на землë, на Епивати, по Фракіи, въ Терновé, въ Мисии, въ Далмациї; и не только по тéмъ мéстамъ, но и по всему свéту, куда не можетъ проникнуть нашъ умъ, а языкъ нашъ не можетъ высказать всë ея чудеса, благія дýла, постъ и слезы. Но однако, сколько умъ нашъ могъ постигнуть, написаль я Евтímíй Патríархъ Тéрновскíй, что зналь. А вы благословенны христíане послушайте. Эта Святая и преподобная Параскевія была родомъ изъ мéста Епивати. Отецъ ея и мать ея были добры и благочестивы, и послéдовали Божíей заповéди, давали милостыню и другія добротели были у нихъ. И родили они оную чистую Хвù голубицу и дýвицу. Родили сверхъ сего они и мужеское дитя,

и́метому Евтиміе, що бý напоконь нама́діть Епкпъ. и́нау́чихагы настрахъ бжїи, и́ назаконь добрѣ и прѣстáвихасе. и́ Ѻста стaa Пет'ка, със' братасій Евтиміа. Детô бы Епкпъ намадіть, и́ тóи мнѡго чюдо показа́ тamo. Защô бýше ѻтой просвѣтиль със' посты́ імнѡго добрынї. Затовасе ѻпостї, и неговы мόщи и́ доднёска чюдно ѻсцѣлénie чинѣть. И стaa пёт'ка откатô погрёбе родитеље свой ѻрѣдигы добрѣ. тога́зи започе по^т и́метаніе и́ бдѣніе, и́ порéвнайсе катô апльскы закон^и, и́ наземли без^и постёли лéгнуваše. И ѻттика пакъ и́ се́ ѻсплыни ср҃цето намисль бжїтвнаа дайде въпúстини. и побѣгна ѻтамо, и́байде напустыни, и́тамо прѣбываše агг'л'скии чинъ. и́ подража́ и́ катô ѻлїа, и́ли катô ѻоаннь крѣти, по^т, и́бдѣніе, и́меніе, и́ слѣзы, студь и́пекъ. сич'ко тръпъше.

Име-то му Евтимій, що бы напоконъ на Мадитѣ Епископъ. И научиха ги на страхъ божій и на законъ добрѣ, и преставиха се. И осталася Стѣ Пѣтка сось братомъ си Евтиміемъ, дѣто бы Епископъ на Мадитѣ; и той много чудо показа тамо, защо бѣше и той просветлѣль сось постъ и много добріны. За това се и посвѣти, и иѣговы мощи и доцеска чудно исцѣленіе чинивъ. и Стѣа Пѣтка откато погреbe родителіе свои, отрѣдї ги добрѣ. Тога си започе постъ, и метаніе, и бдѣніе, и поревна и се като апостолскій законъ, и на землѣ безъ постѣль (или и) лѣгнуваše. И оттука пакъ и се исполнi сѣрде-то на (лучше сось) мысль бжествна да іде въ пустыню, и побѣгна оттамо, и отиде на пустыню, и тамо пребываше ангелскій чинъ, и подража и като илія, или като Іоанну Крестителю, постъ, и бдѣніе, и метаніе, и сѣлы, студъ и пекъ, січко тѣрпѣше,

именемъ Евтимія, который въ послѣдствіи былъ Епископомъ въ Мадитѣ. И научили ихъ страху Божию и закону. И преставилися. Такимъ образомъ осталась (сиротою) Св. Параскевія съ братомъ своимъ, бывшимъ Епископомъ Мадитскимъ. И сей дѣланъ тамъ много чудесъ, ибо и онъ прославился постомъ и многими добродѣтельми своими. Посему-то и причисленъ къ лицу святыхъ, а его мощи и донынѣ чудно исцѣляютъ. Стая же Параскевія хорошо предала погребенію своихъ родителей. Съ того времени начала она свой постъ, поклоны и бдѣніе. И понравилась ей сія жизнь, подобная апостольской. Поклонилась она на землѣ безъ постели. Съ сихъ поръ сердце (душа) ея исполнилось божественной мысли удалиться въ пустынью, въ которую и отправилась, где и совершила ангельскій чинъ, соблюдая, въ подражаніе Иліи или Іоанну Крестителю, постъ и бдѣніе и поклоны, плакалась, терпѣла стужу и зной,

и въкусюваше трѣвѣ мѣсто истиѣ. и то
помалко навечерь, и млбѣ непрѣстанно
чинѣше. и ни чѣ дѣ имаще мысль замирь, илі
задобра ѿдѣжда да се облечѣ илі задомъ и
застока, изайманїе. Ами тѣкмо очите и бѣха
слзы напльнени. имлба на Ба. исичка
мысль бѣше и инадѣжда на га ба. и помыслию-
ваше завтѣро пришѣствїе за бжѣе судь. икакъ
даси украси дшта, да срѣщне ха ба
съсвѣтлникъ украсень. икакво добрѣ да
стори, дачоє тогази гла кроткъ ѿ га ба. и
какъ даси исплыни свѣтилникъ съсъ масло,
даулѣзе съсмудрыте дѣвици въраи дасе
насыти красота раискаа, и хубость и свѣтло
и пѣсни аглски. тѣкмо затовѣ и бѣше мысль,
итврѣдѣ тигуваще съсрѣцето си какъ даполучи
оновѣ добрѣ. Итака проваждаше свой живѣть
поинѣзи пустыни замного врѣмѣ. алукавыи
дїаволь непрѣстануваще даю плаши.

и вкусишаше трѣвѣ място ястія, и тò по мálку на вечеръ, и молбѣ непрестанно чинъше. И ничтò да имаше мысль за міръ, или за добрѣ одѣждѣ да се облечѣ, или за домъ и за стокъ, и за иманіе. Амь токмо очитѣ ѹ бѣху селзы наполненны; и сичка мысль бѣше ѹ и надежда на Господа Божа. И помыслишаше за втобо пришествіе, за Божій судъ, и какъ да си украси душу-тѣ, да срѣщне Хста Бога, съ свѣтилникомъ украсеномъ, и какво добро да стбri, да чюе тога си гласъ крѣтакъ отъ Га Ба, и какъ да си исполнi свѣтилникъ сбсъ маслѣ да улѣзе сбсъ мудрѣ тѣ дѣвицы въ Рай да се насыти красоты райскія, и хубости и свѣгlosti и пѣни аггельской. Токмо за това ѹ бѣше мысль, и твѣрдѣ тѣгуваше съ сѣрце-то си какъ да получи бнова добро. И така проваждаше свой живѣтъ по оной пустынѣ за много време. А лукавый дiаволъ непрестануваше да ю плаши,

вмѣсто пищи ѻла траву, и то понемногу къ вечеру только, беспрестанно совершала молитвы. Вовсе и не мыслила о мірѣ, о хорошемъ одѣяніи, о домѣ, о гумнѣ (хозяйствѣ), об имѣніи. Только что очи ея были исполнены слезъ, а вся надежда ея на Господа Бога. Размышляла тоже и о второмъ пришествіи, о судѣ Божиемъ, и о томъ, какъ бы ей украсить душу свою на Срѣтеніе (чтобы встрѣтить) Христа Бога, со свѣтилникомъ украшеннымъ; или какое доброе дѣло ей дѣлать, чтобы тогда удостоиться ей услышать гласъ кроткій Господа Бога, и какъ наполнить ей свѣтилникъ свой масломъ, чтобы войти ей въ Рай съ оными мудрыми дѣвицами, и насытиться красоты Райскія, и прелести и свѣгlosti и песни аггельской. Только объ этомъ и мыслила, и сердечно тужила о полученіи онаго добра. Такимъ образомъ проводила свой векъ по оной пустынѣ долгое время. Но лукавый дiаволъ не переставалъ ее страшать,

имного пъти се прѣвѣраше като звѣрь
страшнь, давнѣ бы ю уплашиль да остави
пустыни. амъ стаа пѣтка имаше ба
помощника, и непрестанувахай слези бочите.
и сичка хытре дїаволскаа исчезнуваше в
нѣината млба. Такъвъзи сила бѣше добыла ба,
итысе бѣше подканила, макарь дабѣше
женѣ амъ бѣше исплѣнена дха стго, ибѣгаше в
нѣа сила дїаволска, исчезнуваше като дымъ.
Двѣ црь. затакъвизи жёны прокуваше,
икаже въжделѣть црь добротѣ твоей. итака
стaa пѣтка състолѣмъ по прѣбѣ многого
годины въ пустыни. И въ една нощь катоси
чинѣше молба и метаніе. и руцтеси вдигаше
нагорѣ иплачѣше, и напрасно видѣ бжѣтвно
видѣніе єдинъ агель и се иви, като нѣкои
младь момъкъ, и свѣти, като свѣщь. ирече єи.
да оставиш пустынита, и идиси пакъ назадъ
натвоѣ бѣство.

и мнóго пûти се претвáряше катò звëрь страшень, давно бы ю уплáшилъ да остави пустынö. Амì Стa Пётка имаше Бóга помощника и непрестáнуваха Ѳ сёлзы оть бчи-тъ, и сíчка хíтрость дíавольская исчезнуваще оть нýйной молбы. Таквû-си сíлû бъше добыла оть Бóга, и той се бъше подкáнила ма-каръ да бъше (лучше: ма-каръ бъше) женà, амì бъше исполнена духа Стого, и бýгаше оть нéя сíла дíавольска и исчезнúваще катò дымъ. Давидъ царь за таквû-си жéны прорекува-ше, и каже: *вожделеть царь добротъ твоей*. И такà Стa Пётка сôсь голýмъ посты пртбы мнóго годíны въ пустынê. И в еднû нощь катò си чинъше молбû и метанíе, и рûц-тъ си вдýга-ше нагбрт и плáчъше, и напráсно видѣ божественно видѣніе, единъ Ангель Ѳ се явѝ, катò нéкой младъ мóмакъ, и свѣти катò свѣщъ, и рече ей: да оставиш пустынö, и иди си пакъ назадъ на твое отéчество;

и много разъ превращался въ звëря страшного, чтобы ее принудить оставить пустынь. Но Святая Параскевия имела Бога Помощника, и слезы не переставали въ очахъ ея, а вся хитрость дíавольская исчезала оть ея молитвъ. Такую-то силу она получила оть Бога, и противостояла [так!] оной (вражеской) хотя и была женщина, но была исполнена Духа Святаго. Посему и бýжала оть нее свя сила дíавольская и исчезала подобно дыму. Давыдъ царь пророчествовалъ о такихъ женщинахъ, говоря: *вожделеть царь добротъ твоей*. И такимъ образомъ Святая Параскевия при великомъ воздержаніи пребыла мнoго лѣтъ въ пустынѣ. Въ одну ночь, когда молилась, и бросала поклоны, и пла-калась, поднимала руки свои къ верху, вдругъ показалось ей божественное видѣніе: одинъ ангель явился ей, подобный моло-дому человѣку, свѣтлый какъ свѣча, и сказалъ ей: оставь пустынь, и иди опять назадъ въ свое отечество (родину),

защо тáмо ты^и по^дбае дасíй ^ибстáвишь тéлóто.
а́дша тати щё бúде накráсныи йневещестъ-
вныи ráи. Катó вýдѣ стаа Пéтка товà видéніе
и чю тéй думы разумѣ чеè ѿбá товà видéніе и
позна чи щё дасе прѣстáви скóро йзарадувасе
и грижéшесе как'сíй бстáвѣ пустыни та защо
немóже нíцко дру́го да очисти члкú дшта
катó пустыни. Итогази^и стаа Пéтка катó чю
он'зи гла^с идайсе нещéше. а́тїа остави он'зи
пустыни. Ипойдè прýвѣнь на Цáри градъ, и
улéзе у цркva хва, и млба непрѣстáнно чинѣ-
ше. Как^и да иска́же члкъ тóл'кози метáнїа и
пóклоны исльзы и си́ч'ки днì и но́щи на
бдéніе бéше и пла́чаше итътуваše [так!] за-
пустыни та. и обыде си́ч'ки цркви, катó ёдна
пчелà работнаа, що ѿходи си́ч'ки цвéтове
пролéгны. Ипойде у цркva пр^итъи Бци, чтобе
зовë влахéрна. и тáмо припаде найкóна пртъи
бци исльзи ѿчítеси мнóго излїа. и думаше и
млишесе бци.

защò тáмо ти подобае да си оставиш тóло-то, а душа ти щё бûде на краину и невещественный рай. Катò вíдѣ Стa Пéтка товà видѣніе, и чо тія думы, разумѣ, чи è отъ Бóга товà видѣніе и позна чи щё да се престави скоро, и зарадува се, и грижаше се какъ си остави пустыни, защò неможе ийшo дру́го да очисти человéку душу, катò пустыня. И тога си Стa Пéтка, катò чо онъ-си гласъ, и да ю се пешбыше; а тія остави ону-си пустыню, и пойде пêрвень на Цариградъ, и улѣз у церквu Хву, и молбû непрестанно чиняше. Какъ да искаже человéкъ тóлко-си метания и поклоны и селзы и сички дин и ноши на бдѣніе бѣше и плачаше и тугуваше за пустыни. и обиде сички цérкви, катò една пчелá работная, що обходи сички цветове пролѣти. И пойдè у церквu Пречисты Бцы, что се зове Влахерна, и тáмо припаде на икону Прѣстай Бцы и селзы отъ оче тѣхъ си мибого излѧ и думаше и моляше се Бци.

ибо тебѣ слѣдуетъ тамъ оставить свое тóло, а душа твоя пойдетъ въ красный и невещественный рай. Когда увидѣла Св. Параскевія сіе видѣніе (явленіе), и услышала сіи слова, поняла, что оно есть отъ Бога, и что ей скоро должно умереть, посему обрадовалась, и только по пустыни своей затосковала, ибо ничто не можетъ так очищать душу человéка какъ пустынь. Итакъ, Св. Параскевія, услышавъ гласъ сей, хотя и не хотела, оставила однако сію пустынь, и прежде всего отправилась въ Цариградъ, и вошедъ въ церковь Хву, не переставала молиться. Какъ можетъ пересказать человéкъ столько поклоновъ и слезъ изліянныхъ ею всякий день на бдѣніи, и въ тоскованіи по пустыни. Послѣ постыла всѣ церкви, подобно пчелѣ работливой, которая облетаетъ всѣ цветы весенніе. И вошла въ церковь Прѣстой Бцы, имеющую Влахернскую, и тамъ припала къ иконѣ Прѣстой Бцы, излила много слезъ, просила и молилась Бцѣ.

Тéбѣ вл҃чце щосí наси́ч'ки свéть ѹпороди́ла
е́сі гá ба, а́зъ мóй живóть ѹтèбе ѿстáвихъ, и
нате́бѣсе надéм дамé помíлуваши. и́недéйсе
гнусí ѿмéне щóсъмь твоа робýни. защô ѹа́зъ
юмладость, твоéму сну послéдовахъ ѹмлюсе.
и́ты зна́ешь дvце моéто жéнско ю́ство ѹмба
слабость. що́е намбата дша ѿзи́ба. а́мì и́ ты
стáа бce, тýми будì помóщица защô ѿсвéнь
тéбе надрúго мéсто надежда неймамь. а́мì
тýми будì настáвица дамé настáвишь
надобрô ѹнапокаáніе. ты дамé ѿупáзишь
юсíч'ко злó. защô когà бéхъ въпúстыни, тéбе
имахъ помощница. а́ сегàсè врýнахъ въмìрь.
А́мì пákъ и́ сегàмê ѿчюваи и́ упазì. и́помóщ-
ницами будì, и́ покрыимê ѿсíч'ко злó.
Итovàсе помóли, и́плакà ѿсíч'ко срдце. И
излéзе и́ трýгна дайде насвóетосí ѿч'ство.
и́доиде доéпивати что бýше нéино ѿч'ство.

Тебѣ Владычице що си на січкій свѣтѣ и породїла еси Га Бога, азъ мой живѣтъ у тебѣ оставихъ и на тебѣ се надѣю да ме помилуваши: и не дѣй се гнуси отъ мѣне щѣ сâмъ твоя робыня, защо и азъ отъ младости твоему сѹну послѣдовахъ и молю се: и ты знаешь дѣвице мое жѣнско естество и мою слабость, що є на моѣ-то душѣ озноба. Амѣ и ты Стая Бѣце, ты ми буди помощница, защо освѣнь тѣбе на друго мѣсто надежды неймамъ. Амѣ ты ми буди наставница да ме наставишь на добро и на покаяніе, ты да ме упазиши отъ січка зла, защо кога бѣхъ въ пустынѣ, тѣбе имахъ помощницу. А сега се вѣрнахъ въ міръ. Амѣ пакъ и сега ме учювай и упази, и помощница ми буди, и покрый ме отъ січка зла. И това се помоли, и плака отъ січкѣ сѣрдца. И излѣзе и трогна да иде на свое то си отечество, и дойде до Епивати, что бѣше ібино отечество,

Тебѣ Владычице, которая еси по всему міру, и родила еси Га Бога, я посвятила свою жизнь, и на тебя надѣюсь, что ты меня помилуешь, и не гнушайся отъ меня, твоей рабыни, ибо я отъ младости моей послѣдовала твоему сыну, и молюся. Ты знаешь, дѣвице, мое женское естество, и мою слабость, и тоску души моей. Но ты Святая Богородице буди мнѣ помощницю, ибо кроме тебя не имѣю другой надежды; ты мнѣ буди наставницей, и наставь меня на благо и на покаяніе, ты сохрани и избавь меня отъ всякаго зла; ибо когда я была въ пустыни, въ тебѣ имѣла я помощницу; а теперь я возвратилась въ міръ. Но и теперь береги и охраняй меня и будь мнѣ помощницю и покрой меня отъ всякаго зла. Такимъ образомъ помолилась она и поплакала отъ всего сердца. Тогда вышла и двинулась въ свое отечество, и дошла до Епивати, гдѣ была ея родина;

и прѣбѣ тамо врѣме нѣмало. и никои непознава-
ше ю. итамо по^с мѣ^тніе бдѣніе, кой може
исказа.

Врѣме нѣкое промынасе, и позна чеще да се
прѣстѣви. историси мѣба на ба ире^т съ слзы.
Члко любче вл^дко, дане оставиши мѣне
щосъмь раба твоа, детосъмь ради имѣ твоѣ
оставила сичко и ктебѣ прибынахъ. Ами ги
бе мой, повелї аглу, мирно дами прїемли
дшыта. идами небуде забранено да улѣза
натвоѣ цртво, ѩнечисты искврѣны бѣсюве,
амимѣ сп^доби безъ стра^х дастанъ пр^дтвоби
страшныи прѣстоль. оти блвень ги въвѣкы
аминь.

И това се помоли, и тои ча^с прѣдадеси
дшыта бу. и тѣлото и погребоха нѣкои
хр^ттияне. и непознай никои, додѣ и погребо-
хаю. ни знаихаю ѩкыдѣ бѣ дошлѧ. И така
проводи дните свой тука на земли, атамо
найде големъ покой.

и пребы тамо врѣме не мало, и никой не познава-
ше ю; и тамо пость метаніе,
бдѣніе кой може исказа.

Врѣме нѣкое промына се
и познà чи щѣ да се пре-
стѣви, и стори си молбѣ за
Бога, и рече съ селзы:
Человѣколюбче Владыко,
да не оставиш мяне, що
самъ раба твоя, дето самъ
ради име твоє оставила
сичко и къ тебѣ прибег-
нахъ. Амі Господи Боже
 мой, повелій Ангелу мірно
да ми пріемле душу-тѣ, и
да ми небуде забранено да
улѣзу на твоє царство отъ
нечистыхъ и скверныхъ
блесовъ, амі ме сподоби
безъ страха да стану предъ
твой страшный престоль.
отъ благословенъ Господи
во вѣки, Аминь.

И това се помбли, и той
часъ предадѣ си душу
Богу, и тѣло-то ѹ погребоха
нѣкои христіане, и непознà
ѧ никой, додѣ и погребоха
ю, ни знаху ѹ откудѣ бѣ
дошлѧ. И така проводи дни
свой тѣка на землѣ; а тамо
наайдѣ големъ покой.

и пробыла тамъ немало
времени, и никто не узна-
валь ея. Можно ли еще
пересказать тамошнїй ея
пость, поклоны и бдѣніе.

По прошествіи некоторо-
раго времени она узнала,
что преставится, помоли-
лась Богу, и рекла со
слезами: Человеколюбче
Владыко, не оставь меня,
которая есмь твоя раба, и
все оставила имене твоего
ради, и къ тебѣ прибегла.
Но Господи Боже мой
повели Ангелу принять въ
мирѣ душу мою, и да не
будеть мнѣ воспрещено
войти въ царство твое отъ
нечистыхъ и скверныхъ
блесовъ, а сподоби меня
безъ страха стать предъ
твой страшный престоль.
Иже благословенъ еси
Господи во вѣки. Аминь.

Такимъ образомъ помо-
лившись предала духъ
Богу, а тѣло ея погребли
нѣкіе христіане. Никто не
зналь о ней до погребенія,
ниже и то откуда она
прибыла. И такимъ образомъ
провела она дни свои
здѣсь на землѣ, а тамъ
нашла себѣ великій покой.

Амѝ ѹтука г̄ б̄ неостави ѿ, дасè замнóго дñи
съкрыена наземли. ѹдаё без' паметь нéиното
чистое ѹстое тело. амѝ покáза чюдо дíвно
зарадì нéиныте стые мόщи. Нéкои постникъ
имáше тáмо настльпь пртбýвшe, ѹпóстешесе
блíзу при ѿнова мéсто где тое быль грóбъ
стъи Пётки. Ислучíсе та умрè нéкои корáб-
никъ, ѹ фрълихаго тáмо блíзу при ѿн'зи
стльпь. ѹ почè да исходи смràдь ѿнéго злъ.
кòл'кото векю немóжаше тáмо дапомине члкъ
блзла миризмà. заедно и ѿн'зи стльпникъ векю
неможè датръпì ѿн'зи смràдь. амѝ слéзе
ѿон'зи стльпь ѹнайдè члци ѹповелè ѹмь
дайскопають трáпь голéмь, датуретъ ѿнова
тélô чтò смрьдыше. Й онїа члци послушаха
ѿонгози постника, ѹпойдóха тáмо ѹ зéха
дакопають ѹ найдóха тélóто стъи Пётки цéло
ѹ хúбаво ѹмиризмà хùбава кóл'кото навýва-
ше, тáзи миризмà наѿон'зи смràдь.

Амѝ и тұка Господь Богъ неоста́ви ю да è за много дни скрыена на землѣ и да è безъ памети нѣино чистое и стое тѣло. Амѝ показа чудо дивно за ради нѣины стыя мѣщи. Нѣкой постникъ имаше тamo, на столпъ пребываше, и постыше се близу при онова мѣсто, гдѣто è быль гробъ Ст旤 Пётки. И случи се та умрѣ нѣкой корабникъ и фёрлиха го тamo близу при онъ-си столпъ, и почѣ да исходи смрадъ отъ нёго зблъ, колькото ветъ неможаше тamo да помиине человѣкъ отъ зла миризма. Заедно и онъ-си столпникъ ветъ неможе да тѣрпі онъ-си смрадъ. Амѝ слѣзе отъ онъ-си столпа и наидѣ человѣцы и повелѣ имъ да ископають трапъ голѣмъ, да турѣть онова тѣло, что смѣрдѣше. И бные человѣцы послушаха бного-си постника, и поидоха тamo и зѣхѣ да копають, и наидоха тѣло-то Ст旤 Пётки цѣло и хубаво, и миризмѣ хубаву колько-то навиавше тѣ-си миризмѣ на онъ-си смрадъ.

Но и здѣсь Господь Богъ не допустилъ ей быть долгое время скрытой на землѣ и безъ всякой памяти; ибо показалъ дивное чудо ради ея святыхъ мощей. Былъ тамъ нѣкий постникъ, жилъ на башнѣ, и постился близъ того мѣста, на которомъ былъ гробъ Святой Петки. И случилось, что умеръ какой-то корабельщикъ, и бросили его возлѣ онаго столпа, и началъ выходить отъ него злой смрадъ, такъ что человѣкъ не могъ пройти мимо отъ зловонія: а равно и оный столпникъ болѣ не могъ сносить сего смраду, но слѣзъ со своей башни, нашель людей и упросиль ихъ выкопать яму великую, и бросить въ нее оное вонючее тѣло. И оные люди послушались онаго постника, и пошли туда и стали копать, и (копая) нашли тѣло Ст旤 Параскевіи цѣло и красиво, и до того благовонное, что духъ онаго превозмогъ смрадъ трупа корабельщика.

И ѿнїа члци бѣха глупавы інеразумны, інемогоха дасё усьтеть за ѿнова стое тѣло, защо інікои не знааше чеє тамо погрбена стаа Пётка, ѿти бѣше одавна бѣла погрбена. амисе много чюдиха, какъ дастореть. и реокаси между себѣ. кои пакъ дакопае надруго мѣсто, амь е тука тбизи грбъ дбста широкъ игльбокъ, да туримѣ, и онази мршша да несмрдї. ато ако будє това сто тѣлѣ бѣ ще-го извади изаринаха онэзи мршша тамо пристое ѿнова тѣлѣ. иразыдохасе подомаси. И ѿтѣхъ нѣкои члкъ Георгіе иметому хртанинь добрая итёи катоси поидѣ домѣ си, и повечерѣ напоконъ. стынъ дасе помли бу. Катоси чинѣше съкогы млба много. И насымнуване заспа, ивидѣ єднѣ женѣ като єднѣ царица, искеди настолъ злать свѣтликавъ. и около нїа стоять много войне хубави свѣтликавы. итёи-се уплаши

И бýные человéцы бѣху глúпавы и неразумны, и не могóха да се усѣтъть за бнова стое тѣло, защо и нíкой не знáше чи є тamo погрёбена Стая Пётка. Оти бýше отдавна была погрёбена. Амì се мнóго чюдixa, какъ да стбрѣтъ, и рéкоха си между себѣ, кой пакъ да копае на друго мѣсто, амì є тука той си гробъ дóста широкъ и глубокъ, да туриме и ону́-си мérшу да не смérдї. А тò áко бûде товà сто тѣло Богъ щê го извáди, и зарýнұха ону́-си мérшу тamo при стое онова тѣло, и разыдоха се по домамъ си. И отъ тѣхъ нѣкой человéкъ, Георгий имé-то му, христiанинъ добръ, и той като си пойдё дому́ си, и повечерѣ напо-кònъ, стана да се помоли Богу, като си чинѣше сѣкү молбû мнóго, и на сôмнува-шие заспà, и видѣ едину жену, като едину царицu, и сѣдї на столъ злать свѣт-ликавъ, и около нея стоятъ мнóго воины хубавы свѣт-ликавы; и той се уплаши

Но упомянутые люди были глупы и неразумны, и не могли смекнуть объ этомъ Св. тѣлѣ, ибо никто не зналъ что тамъ была погребена Св. Параскевія. На-противъ удивлялись и не знали что дѣлать и рекли (спросили) между собою, кому опять копать на другомъ мѣстѣ; но нашли однако, что яма эта довольно широка и глубока для того, чтобы бросить въ нее и оную вонючую стеръву (трупъ). Если же оное тѣло (Св. Пар.) свято, то Богъ оное вынетъ. И такъ бросили оный трупъ къ тѣлу Св. Параскевіи, и разошлись по домамъ. Изъ нихъ же нѣкто, именемъ Георгий, добрый христiанинъ, когда и опь воротился домой, повечерявъ, сталъ долго молиться Богу, читая всякия молитвы на сонъ грядущимъ [так!], и заснуль. Во снѣ увидѣль одну женщину, подобную царицѣ, сидящую на золотомъ престолѣ; около нее стоять много красивыхъ и свѣтлыхъ воиновъ. Онъ же устрашился

и паде на земли и растре перасе ѿхубость
неможаше дагле да тои светь. и единъ ѿбніа
хубавы исвѣтлыкавы момци, пристыпи иузего
зарука ирому. Стані Георгіе. иотисте така
сториле, тасте оставиле онова тѣлѣ вонѣшо,
притѣлото стѣи Пётки. амь скоро да пойдешь
идайзвадиши мощите стѣи Петки. идагы
оставиш буковчёть златы. защо црь пожали
нєйина добрына, ище гь сега даю прослави
посички светь. Тогаэи итіаму сама подума.
скоро извадите мойте мости, и положите
на хубаво место. защо немогу датримъ азъ
замного тобизи смрадь. небойшисе ба,
данёбы пустиль бы огнь давы попали. И
азесъмъ члкъ ѿ маїка иббаща родена. и моё
бчество Епивати щогод зовите. идётосте вые
сега нанеко. И прѣзтьзи нощь идруга жена
добра хртіанка името ёи Ефимія. и тя
таквоzi видѣла,

и паде на землю и рас-
треперасе, отъ хубости
неможаше да гледа той
светъ. И единъ отъ бныхъ
хубавыхъ и светликавыхъ
момцы приступи и узъ го за
рукъ и рече му: Стани
Георгие, и оти сте така
сторили, та сте оставили
оновата тело вонешо при тело
Стый Пётки. Ами скоро да
пойдешь, и да извадишъ
моши та Стый Пётки, и да
ги оставишъ у ковчегъ
златый, защо црь пожали
нину добрину, и ще Гос-
подь сега да ю прослави по
сичкай светъ. Тога си и тя
му сама подумала: Скоро
извадите мои-та моши, и
положите на хубаво место,
защо не могу да терпимъ
азъ замного той-си смрадъ;
не бойшь ли се Блага, да не
бы пустить Бгъ огань да
вы попали. И азъ сâмъ
человекъ отъ майки и отъ
башни родена, и мое отечество
Епивати, что го зовете, и
дето сте вы сега на него. И
презъ ту-си нощь и друга
женя добра христянка,
име-то ей Ефимия; и та
такво си видела,

и паль на землю, и
задрожалъ, и не могъ
глядеть на оную красоту и
светъ. И одинъ изъ сихъ
красивыхъ и светлыхъ воиновъ
приступилъ къ нему,
и, взявъ за руку, сказалъ
ему: Встань Георгий, вотъ
вы что сделали, и оставили
есте тело Св. Петки при
вонючемъ ономъ трупѣ. Но
пойди тотчасъ, и вынь
моши Св. Параскеви, и
вставь оные въ золотой
ковчегъ, ибо царь пожа-
луется ея добродетели, и
Господь теперь ее просла-
вить по всему свету. Тогда
и она сама сказала ему:
Немедленно выньте мои
моши, и положите въ хоро-
шее место, ибо не могу
болѣе сносить онаго сма-
ду; не боишься ли Бога,
чтобъ на васъ не сослалъ
огонь, и попалилъ васъ; и
я человекъ, рожденный
матерью и отцомъ, и моя
родина есть Епивати, какъ
вы ее называете, и где вы
теперь находитесь. Въ ту
же самую ночь и другая
женщина, добрая христи-
янка, Евфимия видѣла то
же самое,

йтакви́зи дұмы ыніеи ре́кле, ы заръчале скóро
үтрे рáно дакáжешь товâ, давыи ббâ ығнь
нейз'торѝ. И нау́трे излéзоха ыдвâта, ыказáху
наси́ч'ки тáмо поконéць. Икатô чюха товâ
Епивáтсци людие. скóро си́ч'ки тéкоха, ы
исъстолéма рáдость ызвáдиха, мόщите ѫи
катô нéкое мнóго цéнно скрóвище. имнôгосе
чюдиха нанéиного стoe тéло. ѩ тóл'кози врéме
каkъ стой цéло ыкráсно, иблго үхáе, ы ѩ
хúбава мириз'mà дасе дасè [так!] члкъ
ненасыти. Иүзéха өновâ тéло съ свéщи, ы
съскáдил'ници, ы съфíмéань ыиэ'мурно, ыдрý-
гы хúбавы әромáфи. ыбнéсохаю състолéма
рáдос ыполóжиха въцрква стыx ыпçлъ. И
тáмо мнóго чюдо стóри тогáзи стaa Пéтка.
бéснii ысцélеха. ыбól'ниi, ыглúхы, ы өзàвы,
ибсéкак'ви бóлесь, кой дохождáха, ывêра
имаха чиста ылюбóвь бсíч'ко срдце настaa
Пéтка, тои ча исцélеваха. И прочóсе
поси́ч'ка землì Епивáтска, ынетъкмо тáмосе
прочю,

и такви си дўмы и нѣ
рекли, и зарѣчали скоро
утрѣ рано да кажешъ товѣ,
да вы отъ Бѣга бѣгъ неиз-
гѣрї. И на утрѣ излѣзоха
два-та, и казахъ на січки
тамо поконѣцъ. И като чуха
товѣ Епиватсїи людіе, ско-
ро січки тѣкоха, и сѣсь го-
лѣмѣ радости извѣдиха мѣ-
щи ей, като нѣкое много-
цѣнно сокровище. И много
се чудїха на нѣино Св.
тѣло оттолко-си врѣме какъ
стой цѣло и красно, и bla-
гоухае, и отъ хубава ми-
ризма да се человѣкъ нена-
сѣти. И узѣха бнова тѣло
съ свѣщи и съ кадильницы и
фиміанѣ и измирнѣ, и други
хубавы аромафи. И отнесо-
ха ю съ голѣмѣ радости, и
положиха ю въ церквѣ
стыхъ апѣль. И тамо много
чудо стбri тога си Св. Пѣт-
ка; бѣсни исцѣлѣха, и бол-
ни и глухи, и езави, и отъ
сѣаквы болести, кои дохѣ-
ждахъ, и вѣрѣ имаху чисту,
и любовь отъ січко сѣрце
на Стѣ Петку, той часъ ис-
цѣлѣвахъ. И прочю се по
січкѣ землѣ Епиватской, и
не токмо тамо се прочю,

и слышала тѣ же самыя
слова; и ей сказали, и
велѣли рано утромъ расска-
зать объ этомъ, чтобы васъ
не пожегъ огонь Божій. На
другой день оба пошли со
двора, и всѣмъ это расска-
зали. Когда услышали объ
этомъ Епиватцы, тотчасъ
всѣ собрались, и съ вели-
кою радостью вынули ея
моши, какъ нѣкое драго-
цѣнное сокровище. И много
удивлялись ея Св. тѣлу,
что въ столько времени
сохранилось цѣло и свѣжо,
и благоухающе. И взяли
оное тѣло со свѣчами и съ
кадильницами, фиміаномъ,
мииррою, и другими благо-
ухающими веществами. И
отнесли ее съ радостью, и
положили въ церкви Св.
апостоль. И тамъ много
чудесъ дѣлала Св. Пар.
бѣснующіеся исцѣлялись,
больные, глухие, косно-
язычные и другіе отъ
разныхъ болѣзней получа-
ли облегченіе, кои только
приходили съ вѣрою и
любовью къ Св. Пар. И
прославилась Св. Пар. по
всей землѣ Епиватской, и
не только тамъ просла-
вилась,

ъами ѹдоцáригра^д, ѹпоси́чка земли. И вре́мё бý нѣкое. ѹслабнъ гръчско ца́рство, ѹсьсбжие повелѣнїе, дойдóха римли́не ѹпрѣха, ца́ри гра́дь. Като каже Двѣ црь със⁴ палица желѣзна ѹдръжáха. И си́чко оúца́ри градъ плѣниха фрénцы. ѹобрáха, ѹзлато ѹсрéбро, ѹцръкóвны ѹдежды, ѹсьсуды. Ѣдо бѣха мнôго цѣннїи, заéднô ѹсты мόщи, ѹ си́чко ѩнесоха въримъ. Товà като видѣха ѹдочáкаха ца́рогráждане, ѹблгочьстивы събóр⁴. въздѣхну тврдѣ ѹголѣмъ скрѣбъ, ѹголѣма тъгà ѹмаха тога́зи. ѹходѣха като мрѣтвы ѹмлихасе бу ѹдумаха: Въскрѣни въскую спишь ги. защо заборáвы нашу ни́шету, ѹгри́жа наша. ѹдрѹгы рѣчи мнôгосе млиха ѹдумаха. Ивътова вре́ме, блгочьстивы царь трѣновскї Іоаннъ Асѣню, снь стárimu Блгарчкому царю Асѣнию. крѣпко дръжаше тога́зи ца́рство. ѹнижакъ неубоа́се ѩбнїа фрénци

амъ и до Царигрода, и по січкоби землѣ. И врѣме бы нѣкое ослабиа Греческо Царство, и сось божіемъ повелѣніемъ дондоха Римляне и преѣха Цариградъ, като каже Давыдъ царь сось палицей желѣзной удѣржаку, и січко у Цариграду плтніка Френцы, и обрахѣ и злато, и срѣбро, и церковны одѣжды, и сосуды, шо бѣху многоцѣнны; зайдно и стые мости и січко отнесоха въ Римъ. Товѣ като видѣхѣ и дочакахѣ Царогрѣдане, и благочестивый соборъ вѣздѣниу твѣрдѣ и големъ скорбь и голему тугу имаху тога си, и ходѣха като мѣртвы и моляху се Богу и думаху: Воскрѣсій вскую спиши Господи, зашо заборави нашу нищету, и грижу нашу, и други рѣчи, много се моляху и думаху. И въ товѣ врѣме благочестивый царь Тѣрновскій Іоаннъ Асѧнъ, сынъ старому Болгарскому царю Асяну, крѣпко дѣржаше тога си царство, и никакъ не побоялся отъ оныхъ Френцы,

но и до Цариграда и по всей земли. Тогда было врѣмя, что ослабѣло Греческо царство, и по божію повелѣнію нашли на оное Римляне, и взяли Цариградъ, какъ говорить царь Давыдъ желѣзною палицею одержали, и все въ Цариградѣ плтнили Франки, и обрали серебро и золото, и церковныя одежды, и сосуды, которые были драгоценны; а равно и стые мости, и все отнесли въ Римъ. Видя это и дождавшись сей бѣды цариградцы, и благочестивый соборъ вздохнуль сильно, и скорбѣль, и много тужилъ; тогда ходили подобно мертвѣцамъ, молились Богу, и вопіали: Воскресин вскую [сверху надписано: зачемъ] спиши Господи, ибо забылъ еси нищету и скорбь нашу, и тому подобное говорили и восклициали. Въ то время благополучно царствовалъ въ Тѣрновѣ царь Іоаннъ Асѧнъ, сынъ старого Болгарскаго царя Асяна, и никакъ не опасался онъ оныхъ Франковъ,

като прѣ́ха ца́ри гра́дъ, а́мì ё́днакъму прилéгна врѣ́ме войскà давдíгне, да плѣ́нува нечъстíвы. І́дапрѣ́ма землì мно́го. І́скочи юнашкыи съсъбжie повелéниe. й прѣ́ македонcка землì, и́сéрь и́афонскаа горâ, си рѣ́ ста́а горâ. й о́жолò щосъ гра́дове солу́нь и́сичка землì феталійскаа. йтревáліа үзè, така и́далматїа. що́е арбанашка дръжáва, и́ прѣ́, и́до дра́ча, и́по си́чкы землì гдë прѣ́. постави митрополите и́ епкпы, свѣтлїи и́блгочьстивїи, съсънёговы сты́и хрисобули. щосъ сега у́слáвна лáвра үстéи гóрѣ. и́нетъкмо тїа землì като прѣ́! да́се б҃ста́ви, и́даму́се досади. а́мì пойдè и́нац̄и гра́дъ и́ нёго прѣ́! и́ що б҃еха тamo фрéнци, поклони́хамусе, и́прѣ́да́хасе. да съ нёгова рай. и́ да́нь даму́ да́вать. И́така си́чко тамо като прѣ́ разбрàсе и́донёго сты́и Петки слáвата.

като преѣха Цариградъ. Амъ еднакъ му прилѣгна врѣме войскѣ да вдигне, да плѣнѣва нечестивыхъ и да преѣма землї мнобо: и скоби юнашки съ божіемъ повелѣниемъ, и преѣ Македонску землї и Сѣрь, и Афонскѣ гоrу си рѣчъ, Стѣ Гору, и около що сû граdове Солуnь, и сїчкѣ землї феталійскї, и Тривалію узѣ, така и Далматію, що є Арбанашка дêржава и преѣ и до Драча, и по сїчки землї где преѣ постáви Митрополиты и Епїкли свѣтлые и благочестивые съ нѣговы стые хрисбовулы, що сû сега у славной Лаврѣ у Стѣ Горѣ. И не токмо тїя землї като преѣ да се остави и да му се досади, амъ поїдѣ и на Цариградъ и негò преѣ; и що бѣху тamo Френцы, поклонїха му се, и предаоха се да сû нѣгова рай, и дань да му даватъ. И така сїчко тamo като преѣ разбрѣ се и до него Стѣ Пётки слава,

которые взяли Цариградъ. Однако и для него настало время двинуть войска и пойти на нихъ войною, плѣнить и опустошать сихъ нечестивцевъ, и отнять у нихъ много земли. И двинулся молодецки съ божиимъ повелѣниемъ, и завладель Македонскою землею, и Сересомъ, и Афонскою Горою, и городами, что суть въ окрестности, Салоникою, Фессалію, Триваллію, Далматію, принадлежащею къ Албанской державѣ, и завладѣль всѣмъ до самой Драчи. И по всѣмъ завладѣннымъ имъ странамъ поставилъ онъ свѣтлыхъ и благочестивыхъ митрополитовъ и епїкли съ ихъ стыми златопечатными грамотами, которые теперь находятся въ славной Лаврѣ Афонской. И не только не довольствовался занятymi сими землями, но двинулся и на Цариградъ, и взяль его; а франки, что были въ немъ, поклонились ему и предались ему въ подданство, и дань давать обязались. И такъ когда онъ всѣмъ тамъ завладель, то дошла и до него слава Св. Параскевіи,

Кáкъ ё с̄тaa, ы чи́ни ѹсцёлкéнїе ы чудеса. ы тврдѣсї наўмъ положи застaa Пётка, ы распалимусе ср҃цето, като ёлень кога ожъднїе з заводâ [так!]. така ѹцарь ѿбасéнь. пожелá кáкъ дасе добые дошнїа стыé мόщи. защð бýшесъ посички свéть распострѣла нéина блгдъть, ѹнéино чюдо. Йпойдëси црь натръновь, и бумысли ёдінь зтóворь добрь ѹбу Ѻугбдень. Йтогáзи пустì повелёнїе нацрì град', щð бéха тáмо френчи. ы ре⁷ ѹмъ. Нейшту вámъ нì сребрô, нì злáто, нì бисéрь, нì кáменїе мнôго цéнно. ѿмì вы⁷ ѹщемь, щёе навáша фрénска дръжáва граѓь Епивáти, детð има тáмо мόщи с̄тби Пётки. товà стое тёлð дами дадёте със'ков'чег'т'сї. тол'кози ы товà ѹщемь ѻва⁷. Това като разбрáха фрénчи щð бéха ѹцри граѓь. готовы станъха, ы послуша- ха црь съсичко ср҃це. ы поклонихасе нанéговото повелёнїе. ыпустиха писанїе ѹпоклонь доцра ы рéкоха.

какъ є́ ста, и чи́ни исцѣлѣ-
ніе, и чудеса и твѣрдѣ-
си на умъ поло́жи за сту Петку,
и распáли му се сѣрце-то,
като ёле́нь кога ожаднѣ-
за воду. Така и царь Ио-
Асянъ пожелá какъ да се
добы́е до бóныхъ стыхъ
мо́щи, защо бѣше се по-
сичкій свѣтъ распространѣла
нѣна благодать, и поидѣ
си на Тѣрновъ, и умы́сли
еди́нъ сгбоворъ добръ и
Богу угбденъ. И тога си
пустї повелѣніе на Цари-
градъ, що бѣху тamo
Френцы, и рече имъ: Не
ищу вамъ ни сребро, ни злá-
то, ни бисѣръ, ни каменіе
много цѣнно; амъ вы
ищемъ, що є на вашей
Френской дѣржавѣ градъ
Епивати, дето има тamo
мо́щи Стѣй Пётки. Товѣ
стое тѣло да ми дадёте сось
ковчега си, толко си и товѣ
ищемъ отъ васъ. Товѣ като
разбрáху Френцы що бѣху
у Цариграду, готовы ста-
наха, и послушаху Царя съ
сичкѣ сердцѣ, и поклониха
се на нѣгово повелѣніе, и
пустиха писаніе и поклонъ
до царя и ре́коха:

что она исцѣляетъ и тво-
рить чудеса, и положилъ
онъ себѣ на умъ о Св. П. и
распалилось его сердце,
подобно оленему во время
жажды: такъ царь **Асянъ**
пожелалъ добыть себѣ
оные стые мо́щи, ибо слава
ихъ разнеслась и благодать
по всему міру. Итакъ, воз-
вратившись въ Терновъ,
собралъ совѣтъ добрый и
принялъ намѣреніе Богу
угодное. Посему послалъ
повелѣніе въ Цариградъ
находящимся тамъ фран-
камъ, говоря: Не требую
отъ васъ ни серебра, ни
золота, ни бисеру, ниже
камней драгоцѣнныхъ; но
требую: есть въ вашемъ
франкскомъ владѣніи го-
родъ Епивати, въ коемъ
находятся мо́щи Св. Пара-
скеви; итакъ сие Стое тѣло
отдайте мнѣ съ ковчегомъ
его (ракою); это только и
требую отъ васъ. Когда
объ этомъ узнали франки
цареградскіе, готовы были
всемъ сердцемъ послу-
шаться, и исполнить требо-
ваніе царя. Поклонившись
его велѣнію, послали писа-
ніе и поклонъ къ царю,
говоря:

Дабуде воли твоа много лѣтныи цру. ѩо
йшешь узмїй ако идшѣтаный ишешь, ныесе
тебе покланимѣ идатищемъ, ибде иудобръ часъ.
Товѣ като чю црь. обрадовасе, и мнышемусе,
коляко далеты идафрѣка по^д нбето. и бголѣма
радо^с нѣмаше кamo ѩо дастори. защо
мыслѣше, акосій издамъ сичко злато, и
срѣбро, заѣдноби иполовина бцртвотосій дащемъ.
тькмо стаа Пётка да прѣнесёме на моё
царство. И тогаи пусты прѣосвященаго
Марка Митрополита, великаго прѣславу. съсъ
голѣма почость, дапойде наѣпивати граѓъ, да
прѣнесе тѣло прпѣбнти Петки. наславныи
гра^д трѣновъ. И пойдѣ онзи влѣка тамо,
истори сичко почестно что трѣбуваще. иузе^с
онїа моси, и идѣше, и хвалѣше ба, ипрпѣбнаа
Пётка. И като прѣмина сыноръ фрэнскыи.
ивлѣзе натѣзи странъ бльгарскаа.

Да бûде вóля твой много-
лéтний царю, що йáшешь
узмì, áко и душû-тû ны
йáшешь, ны се тебë поклáня-
ме и дати щемъ, и бûде (и
да бûде) у добръ часъ.
Товà катò чù царь, обráдо-
ва се, и мнъше му се, колко
да летì и да фêрка подъ
нéбe-то: и отъ голéмой
радости нéмаше кáмо що да
стóри, защо мыслъше, áко
си издáмъ сýчко злáто и
срéбрó зáедно и половину
отъ царства-та си да щéмъ,
тóкмо Сту Пéткû да пре-
несèмъ на мое цáрство. И
тогà си пустì преосéщénного
**Мárка митрополита вели-
каго Прéславу**, сбóсъ голéмô
почéсть, да пойде на Епи-
вáть-градъ, да пренесè
тýло-то Преподобный Пéтки
на слáвный градъ Тéрновъ.
И поидè онъ си Владыка
тáмо, и стóри сýчко почéст-
но, что трéбуваше, и узé
оные мóщи, и идáше и
хвáльше Бóга, и препо-
добнû Петkû. И катò
премíнû сýноръ Френскíй
и влéзе на тû си странû
Бóлгарскûю,

Да будеть воля твой,
многолéтний царю, чего
требуешь, то и возьми,
хотя бы даже ты требовалъ
и душъ нашихъ; отдадимъ
тебë, и пусть будетъ въ
добрый часъ. Когда это
узналъ царь обрадовался,
и казалось ему, что отъ
радости летаетъ и парить
подъ небесами, и отъ
великой радости не знать,
что дéлать, ибо мыслить,
хотя бы я и отдалъ все
свое золото, и сребро
вместе съ половиною цар-
ства своего дать хочу
только бы Св. Пааскевио
перенести въ мое царство.
Тогда же отпустилъ Пре-
освященного **Мárка Мит-
рополита Великой Прéслá-
вы** съ великою почестью въ
Епивать градъ для пере-
несения тýла преподобной
Пааскевии въ славный
градъ Тéрновъ. И отпра-
вился оный Владыка туда,
сдéлалъ все прилично, что
было только нужно, взяль
оные мóщи и двинулся въ
дорогу, восхваляя Бога и
Преподобную Пааскевию.
Когда миновалъ границу
Франкскую и вошелъ въ
пределы Болгарские,

сич'кы из'околу гра́дове ѹ селâ ѹзлѣзуваха
насрѣща съ свѣщи, ѹсѣнники облѣчени
съсщен'ски ѹдѣжды, ѹпрова́ждаха стую
Пѣт'ку, съскадил'ници и фиміа́номъ ѹ
ѹзмурно. ѹ съсдру́гы хубавы миризли́вы
аромати. ѹ като разбрà блгочьстиви црь
Іѡаннь Асень, чё носеть мо́щи те стѣ Пѣт'ки.
ѹзлѣзе изтрàдь пыш' ѹ майкаму црца Еле́на. ѹ
нїгова црца Анна. съ сички свои болре. ѹ
патріархъ курь Василіе. съсич'кы сїенници
и дїаконе. ѹсич'ки людіе Ѹгра́дь. ѹидо́ха
сич'кы пыши Ѹгра́дь начетыри пышриша.
ѹсрѣщныхаю със' много почестъ. ѹ покло́нисе
царь доземлю, ѹ цѣлова ѿ руцѣ ѹ тѣло чеснѣ ѹ
сич'кы почестномъ поклонихасе ѹцѣловахаю.
ѹ вънѣсоха ю въ гра́дь въ цркви цареву.
ѹположи́шё ю въ лѣто Ѹ ро́ждства Хва́асв.
Разли́чно чюдо ѹсцѣлѣніе чини ѹ доднесь. Кой
със' чиста вѣра прихóжда на нейинь ковчегъ.

січки изъ околу градове и сѣла излѣзуаху насрѣщу съ свѣщи и сїщенники облѣчены въ сїщенски одѣжды, и проваждаху Сту Пѣтку съ кадилницы и фиміаномъ и измѣрно, и съ други хубави миризлївы ароматы. И като разбрѣ благочестивый царь Іоаннъ Асѧнъ, чи нѣсть мѣщи стѣй Пѣтки, излѣзе изъ граду пѣши и майка му царица Елена, и нѣгова царица Анна, съ січки свой болѣре, и Патріархъ Курь Василій, съ січки сїщенницы и діаконы, и січки людіе отъ града идоха січки пѣши отъ града на четыре поприща. И срѣщнуха ю сбѣсъ многобю почество, и поклонї се царь до землї и цѣловаѣ рѣцѣ и тѣло честнѣ и січки почестномъ поклониха се и цѣловаху ю и внѣсоха ю въ градъ въ церковь цареву, и положише ю въ лѣто отъ Рождества Хва ^{асв.} Разлічно чудо, исцѣленіе чини и доднѣсь, кой сбѣсъ чисто вѣрой приходжа на нѣинъ ковчегъ.

то изъ всѣхъ окрестныхъ городовъ и селеній вышли имъ на встрѣчу священники въ облаченіи и со свѣчами и проводили Св. Пятницу съ кадилницами, фиміамомъ, миррою и другими благовонными ароматами. Какъ благочестивый царь Иоаннъ Асѧнъ узналъ, что приближаются съ мощами Св. Пятницы, вышелъ пѣшкомъ изъ своего града Тернова, равно и мать его царица Елена, и супруга его царица Анна, и все Бояре и Патріархъ Василій со всѣмъ Духовенствомъ, и всѣ люди градскіе вышли всѣ пѣши изъ города на четыре поприща, и встрѣтили ее съ великою почестью; и поклонился ей Царь до земли, и цѣловалъ ей руки и тѣло, и все поклонились ей цѣловали ее, и внесли въ городъ въ церковь цареву, и положили ее въ лѣто отъ Рождества Христова 1202го. Различныя чудеса и исцѣленія творить и донынѣ, кто приходитъ къ ея ракѣ съ чистою вѣрою.

Благодѣтю и чл҃колюбѣемъ га нашего Г҃в Ха.
ему же слава въ вѣкы, амінь.

Благодатию и человеко-
любиемъ Господа нашего Г҃в
Ха ему же слава вѣки.
Аминь.

Благодатю и человеко-
любиемъ Гда нашего Йс.
Ха, ему же слава во вѣки.
Аминь.

Письмо Ю. И. Венелина
к президенту Российской академии А. С. Шишкову¹

In G.D.O.M.²

М[илостивый] Г[осударь]

Ал[ександр] Сем[енови]ч!

Имею честь представить вторую половину филологических трудов моих *Грамматику нынешнего болгарского наречия*³. Желая по возможности оправдать ожидания Вашего Высокопревосходительства и Императорской Российской Академии, я немного замедлил представлением труда моего, чтобы, дав ему возможную полноту и исправление, сделать оный достойным того высокого ученого сословия, у ног коего имею счастье низлагать оный. Так как при нынешнем состоянии филологических наук изучители языков находятся при других и более трудных условиях языкописи и

¹ Публикуемое здесь черновое письмо к президенту Российской академии А. С. Шишкову Ю. И. Венелин намеревался, как это видно из его краткого "Введения" к "Грамматике" (см. с. 2 настоящего издания), предпослать в качестве предисловия своему труду. Письмо это в настоящее время хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ф. 49, папка I, ед. хр. 2, л. 1–5). Со временем Венелин свое намерение изменил и вместо данного письма к Шишкову в качестве предисловия к "Грамматике" решил поместить свое "Филолого-критическое объяснение гунских имен", начало которого было послано им для рассмотрения в Российскую академию. Каковы были мотивы такой замены, мне не известно. Рассмотрительный комитет Академии, изучавший поступавшие в Академию рукописи трудов и дававший предварительное заключение о целесообразности или ицелесообразности их публикации, счел, что это сочинение Венелина "никак не может быть допущено в виде введения в грамматику" (см.: Архив Академии наук, Петербургский финал, ф. 8, оп. I, ед. хр. 42, л. 25). Академия поддержала мнение своего Комитета и в январе 1837 г. отвергла просьбу Венелина (см.: М. И. Сухомлинов. История Российской академии. Вып. 8. Спб., 1887, с. 310).

² In G.D.O.M. – сокращение известной христианской формулы-посвящения "In Honorem Dei Optimi Maximi" ("Во славу Всевышнего"), которой, как и другими ее вариантами, Венелин – воспитанник латинских школ – обычно начинал свои письма и статьи.

³ Первую "половину филологических трудов", посланную Венелиным в Российскую академию раньше "Грамматики", представляет его книга "Влахоболгарские или дако-славянские грамоты", которая была издана Академией в 1840 г. уже после смерти ее автора.

логографии, нежели первые составители грамматик, то я должен был иногда недоверять собственным своим силам. Требовалось время для постепенного пополнения представляемой мною Грамматики, тем более еще, что нынешнее болгарское наречие сделало замечательные отступления не только от староболгарского, но и от других нынешних славянских наречий, и что эти именно отступления следовало внимательнее изучить и дать им филологическое место и определение. К этому присоединялось и то еще обстоятельство, что я составлял Грамматику не для школ, для коих обыкновенно пишут догматически; надлежало осмотреть и оценить болгарское наречие с точек филологических, так что труд мой должен был иметь характер *изыскательно-филологический*. Может быть, чех или поляк занялся бы болгарским наречием под другую точкою зрения, но я не мог упустить из виду те отношения, под которыми находится болгарин к россиянину, а именно 1) что болгаре суть русское племя и 2) что церковный язык наш представляет старое болгарское наречие. Ваше Высокопревосходительство усмотрите благоволите, что разбор болгарского нынешнего наречия под этими условиями мог составлять главное ожидание Императорской Российской Академии. Придерживаясь по возможности этих условий, нередко однако я затруднялся в определении вернейшего плана; так, например, система болгарских склонений во многом принадлежит более предлогам или же относится к той части изучения языка, которую можно бы назвать *фразеографией* или *теорией оборотов*. Другие затруднения встречались при определении спряжений, ибо глаголы сходные в формах настоящего подвергаются другому разделению по формам прошедшего определенного. Необходимость заставила [в оригинале: застила. — Г.В.] меня принять двоякое расположение спряжений. Так как болгарские глаголы сохранили свои формы прошедших времен (которые затеряны в русском) и представляют глагольную полноту, то общую даже теорию спряжений можно выразить только болгарскими глаголами как самыми полными. Следовательно, при изложении теории болгарских спряжений необходимо должно было входить в общие соображения. Так как иные глаголы удивить могут множеством времен своих простых, производных и сложных, то, наоборот, другие представляют род недостаточных. Ибо у иного более 30 времен, а у другого не более 10, или 5 или 3. Соображая спрягаемость разных болгарских глаголов, я попал на черту образования или производства глаголов, которое я назвал *глагольным возрастанием* от того, что производимый глагол получает приращение целого слога, который и составляет форму глагольную. Итак, простой или коренной глагол может возрасти

двумя подобными формами, *аю* и *ываю*, с тем, однако, что *ю* в болгарском заменяется согласно *м.* И действительно всякое действие имеет две категории 1) продолжительность действия и 2) повторяемость оного. Славянский язык вообще старается выразить эти две категории действия посредством двух форм: напр., *тру, вы/тираю, вы/тирываю*, так что с простою или положительную степенью славянский глагол имеет три степени, из коих каждая может спрягаться отдельно и составлять отдельное же и притом полное спряжение. Эти три спряжения можно соединить и в одно общее. Должно удивляться, до какой степени славянский язык старается формами выразить свойство действия. Можно сказать, что глаголы свои славянин снял с природы. Сообразно с возможностью или невозможностью какого-либо действия у него недостает в таком глаголе и той формы или категории, которая должна выражать невозможное действие, напр., не умираем два раза, посему и глагол *мру* не имеет третьей категории *мирываю*, или *мигаю* от того только не имеет положительной формы *мигу*, что действие скорее совершается, нежели слово можно выговорить.

Латинский язык не следует точности славянского, не заботится о категориях действий. Имеет такие даже глаголы, которые не имеют прошедшего времени; он принимает в соображение не продолжительность и повторимость действия, а время, которое находится между ним и прошедшим событием. Отсюда идея и название переходящего, совершенно прошедшего и давнопрошедшего. Несмотря на близкое свое родство с славянским, он, кажется, из категории возрастания славянских глаголов удержал одно только так называемое переходящее на *abat, ebam*, которое в случае нужды выражает или продолжительность или же повторимость действия и составляет род многократного времени и соответствует болгарскому *авам* и пр. Можно сказать, что латинское спряжение составлено из обломков той полной теории, которую осуществил язык славянский. На это филология может показать достаточное количество доводов.

Так как распределение спряжений нынешних славянских наречий делалось по образцу латинского, то из тройного спряжения славянского набрано пять времен как и в латинском; образовано переходящее и давнопрошедшее по подражанию, между тем как первое есть обыкновение прошедшее первой формы, а последнее второй, между тем как другие времена опущены. Почему бы, напр., не сказать, что *бывал* есть прошедшее глагола *бываю*, а не давнопрошедшее глагола *есмь*? Почему бы не сказать, что существительный глагол имеет две формы *есмь* и *бываю*?

Кажется, следовало сообразить славянские глаголы и их формы независимо от влияния латинских примеров, иначе невозможно

открыть ту народную черту языка, которою он отличается от других языков; так, напр., и арабский и мадярский имеют формы глагольных возрастаний, но в другом отношении, ибо 1) слог, коим возрастает глагол, ставится в середину слова, 2) глагол получает другое значение. Есть еще в мадярском две категории, по которым двояко же спрягается всякий глагол, но категории эти относятся не к свойству действия, а к предмету, напр. *irok* пишу вообще; при *irom* должно быть сказано, что пишу; *iratok* заставляю писать, *irharok* могу писать.

Славянские категории имеют еще то отличительное от мадярских или арабских свойство, что относительно к глаголам они не составляют непременных законов, коим бы необходимо подвергался всякий глагол. Смотря по возможности или невозможности действия или события, славянский глагол может и не подвергаться всем трем категориям или тройкому спряжению. Излишне было бы вычислять все те глаголы, которые не употребляются по той или по другой категории. Простой здравый смысл покажет, какой глагол может спрягаться только по одной, или по двум категориям, или по всем, но прежде необходимо было составить общую систему действий, которые я подразделил на 9 сложных категорий.

Таким образом, я счел необходимым распространиться о болгарских спряжениях с общей точки и в таком развитии, в котором бы нашли свое филологическое место и ущербленное спряжение русских глаголов. Мне казалось, что лучше распознать причины, почему такой-то глагол в таком-то времени отступает от примера таких-то в общей теории или лучше в общей норме глаголов, снятой с их свойств и отношений. Мне кажется, что если философия открывает две общие категории всем явлениям, *пространство* и *время*, то и славянский глагол вполне соблюл эти две категории явлений или действий в виде двух своих форм *продолжимости* и *повторимости*, форм глагольного возрастания. Соображая особенности глаголов других языков, нельзя не заметить, что славянский глагол более всех возвысился, возвысился вместе с философией, к тем простым и общим условиям явлений и мышления, к коим только и может простираться *естественность*. Нет, славянский глагол туда достиг гораздо прежде философии. Нет, он сам же есть философия, до которой должны были добиваться такие народы, которым чужд был славянский глагол.

Мне стыдно и совестно было бы говорить подобное похвальное слово славянскому глаголу, но вижу, что иначе определить его было невозможно. Изучение спряжения славянских глаголов есть вместе и изучение возможностей и естественностей в явлениях и действиях. Ни в какой славянской наречии глагол не выполняет так эти

условия как болгарский, который действительно можно принять представителем славянского глагола. Вот почему, наконец, я более не применял его к своему плану, а следовал за [в оригинале: на. — Г.В.] ним самим и за всеми происходящими от сего особенностями в наречии. Отношения его к местоимениям и принятый им порядок в расстановке именных форм и местоимений сам собою уже представляет обороты, коих особенность ощущительна только при сравнении с оборотами в других наречиях славянских. Надлежало кроме сего изыскать, отчего болгарское наречие во многом следует тем же законам фразеографии, которым [следует] и французский язык. Причины этому находятся в той истине, что от подобных обстоятельств в формах грамматических происходят подобные же обороты.

Так как предлоги играют важнейшую роль не только в склонениях, но и в спряжениях, то надлежало снова обозреть свойства и сущность предлога вообще и дать себе отчет, что такое предлог вообще и что такое предлог в болгарском наречии. Слово *предлог* (от *предлагаю*) не есть полное определение свойства тех частиц, которые под этим именем подразумеваются. Может быть, покажется парадоксом, если я называю предлог *общим регулятором склонения и спряжения* или короче *общим склонением и спряжением*, не менее того, он точно имеет это влияние полнее и обширнее в болгарском наречии. Вот почему общие определения свойств предлога я изложил в той статье, которую назвал (стр. 160)⁴ *О требованиях глаголов*.

Требования глаголов я не мог признать *оборотом*, ибо если глагол требует родительного падежа, то с ним одним он не составляет речи, следовательно, и оборота. Согласно с этим положением, я не решался называть этого требования (*Regimen verborum*) *словосочинением* или *синтаксисом*. Συντάξις значит распределение слов целой речи [слово *речи* исправлено на *речения*. — Г.В.] в известный, *свойственный только наречию*, порядок (*τάξις* — порядок). Но в одном речении может быть и до 10 слов, принадлежащих к разным частям речи. Следственно, мне кажется, что *Σύνταξις* или *словосочетание* заключает в себе правила, в какие порядки и в каких случаях должно распределять все части речи. Так как эти порядки суть не иное что, как *обороты* (*φράσες*), а *словосочинение* или *речесочинение* есть название самого действия, то самую эту науку я назвал *наукой оборотов, оборотописью, фразеографией*. Основы-

⁴ Ссылки на страницы “Грамматики”, содержащиеся в письме, даются здесь по настоящей публикации.

ваясь на этом, я отделил эту отрасль изучения языка от грамматики. Такое отделение не может показаться парадоксом, если есть на оное достаточные причины. Об этом подробнее благоволите усмотреть В[аше] В[ысокопревосходительство] в статье *О словосочинении* с стр. 184-ой.

Поелику словосочинение или фразеография представляет отдельное от грамматики, синтетическое, изучение языка, то я счел нужным этому изучению языка еще третью сторону или науку, отдельную как от форм грамматических, так и от фразеографических. Я подразумеваю здесь подвижные и неподвижные ударения не только слов, но и целых речений, т. е. и просодию и декламацию, свойственную наречию, одним словом *музыку, напев* языка *Odeographia* стр. 199.

К концу приложил я четь о Святой Пятнице или Параскевии Терновской, сочинение Евтимия Патриарха Терновского и всея Болгарии (стр. 209). Четь сию извлек из рукописного собрания разных поучительных слов на праздничные дни, писанных на простом наречии. Это я прилагаю в виде Христоматии болгарской, не от того, чтобы четь сия отличалась хорошим обработанным слогом (который остается еще обработать самим болгарам), но от того, чтобы заставить говорить самого какого-либо болгарина. Стр. 211.

Болгарский язык не подразделяется на наречия, он везде один и тот же; областные разницы составляют только провинциализмы оного. Пределы заключаются во всей Европейской Турции, кроме Сербии, Боснии и Албании и части Валахии. Болгарский народ всплошь живет от Виддина и берегов Тимока до предместья Цариграда, от Силистрии под Янину и Лариссу, от берегов Дуная по берега Архипелага. На этом-то пространстве разбросаны турецкие колонии. Турки более сосредоточиваются у городов, на низменных местах и равно более около границ, по Дунаю, Черному морю, Архипелагу. Самые славянские страны в Задунайском полуострове суть горские, Балканские и Родопские. Обе системы этих гор заключают в себе значительное количество чистых болгарских промышленных городов. Самые чистые от иноязычников части Болгарии суть западная часть собственно так называемой Болгарии от Тернова по реку Тимок, но более еще вся Македония, которая и сливет под именем Старой Болгарии. Болгаре живут тоже и в нескольких округах Албании и Фессалии. Число всех болгар, турецких подданных, по собранным мною известиям, превосходит 2 800 000. Но так как [в] вычислениях я принимал умеренное соображение, а равно и об очень населенных округах западных принимал число деревень, соуравновешивая с восточными, то можно

с достоверностью допустить общее болгарское народонаселение более 3 000 000.

О состоянии болгарского языка относительно к его чистоте я говорил местами в Грамматике. Письменность же болгар пришла в совершенный упадок с тех пор, как султан Селим по ходатайству Цареградского Патриарха Самуила, в исходе прошедшего века, упразднил Болгарское Патриаршество, издревле существовавшее в *Тернове*, и подчинил Болгарскую иерархию Цареградскому Патриарху. С тех пор везде богослужение отправляется на греческом языке, даже и священниками болгарского происхождения. Таким образом, стало прекращаться *переписывание* славянских богослужебных книг. По собранным мною известиям богослужение отправляется на славяно-болгарском языке только при одном приделе в Татар-Базаре, в Рыльском монастыре в Македонии, да в некоторых местах Балканских гор. Училищ не имеют никаких, кроме нескольких приходских мест. По городам есть нередко учителя, которые нанимаются учить детей нескольких домов. Такие даскалы бывают или из светских или из кочующих духовных лиц. Более всего, однако, придерживаются письменности, какова она ни есть, в Балканских городах, в которых общество содержит учителей. Такие училища находятся в Сливне, Котле (Казане), Филиппополе. К несчастью, и эти училища, со временем восшествия греков на архиерейские кафедры, можно назвать более греческими, нежели болгарскими, ибо обучают в них болгар первым начальным новогреческого языка. В сливенском училище даже славянские буквы заменены греческими.

Несмотря на недостаток в училищах, болгарский народ имеет порядочное число людей довольно образованных, такие люди принадлежат к купеческому сословию, торгающему с заграницей, в Бухаресте, Брашове, Песте, Вене и проч. К несчастью, эти люди мало влияния оказывают на своих соотечественников, ибо поелику торгово-деловой язык по всей Турции есть новогреческий, то всякий именитый болгарин [пропущено слово – почитает?] за непременную обязанность изучить правильно этот язык, а не свой природный. Знание новогреческого языка доставляет всякому болгарину объявлять себя греком. И это делают тем более, что греки с болгарским народом обращаются с презрением, чего непосредственным следствием есть то, что те из болгар, которые имеют некоторое притязание на образованность, стыдятся в обществе быть болгарами. Примеры этому я испытывал ежедневно.

Итак, неудивительно, если народная письменность болгарская угнетена как в церковном, так и в общественном отношении. Единственная надежда остается на кочующих вольных учителей.

К несчастью, эти люди не довольно образованы для того, чтобы могли оказать какое-либо существенное влияние на поддержание народной письменности.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие. О судьбе "Грамматики нынешнего болгарского наречия" Ю. И. Венелина (Г. К. Венефикарова).....</i>	V–XXII
<i>Ю. Венелин. Грамматика нынешнего болгарского наречия.</i>	
Введение.....	2
Оглавление.....	3
Об именах.....	4
Видоизменение или о словообразованных формах болгарских существительных.....	22
Число.....	49
Склонения.....	57
Притягательные.....	70
Числительные.....	79
Местоимения.....	82
О глаголах.....	92
О категориях глаголов.....	92
О сиряжениях.....	107
О требованиях глаголов.....	160
О причастиях и деепричастиях.....	164
Предлоги.....	168
Наречия.....	176
Междометия.....	180
Союзы.....	181
О словосочинении.....	184
Психозмы.....	198
О наименовании болгарского языка.....	199
Честь о святой Нине (Нараскевии) Терновской.....	209
<i>Приложение. Письмо Ю. И. Венелина к президенту Российской академии А. С. Шишкину.....</i>	214

Ю. И. ВЕНЕЛИН

ГРАММАТИКА
НЫНЕШНЕГО БОЛГАРСКОГО
НАРЕЧИЯ

Публикация подготовлена Г. К. Венедиковым

ЛР № 020935 от 9 ноября 1994 г.

Подписано в печать 10 сентября 1996 г. Усл. печ. л. 17.
Тираж 300 экз. Заказ № 185. Цена договорная.

Типография ИПТК «Логос» ВОС

